

Woodrow Wilson
International
Center
for Scholars
Keman Institute

ИНСТИТУТ КЕННАНА

Иммигранты в Москве

под ред. Ж.А. Зайончковской

«ТРИ КВАДРАТА»
МОСКВА
2009

УДК
ББК
И

Научный редактор: Ж.А. Зайончковская
Литературный редактор: Е.А. Алексеева
Издатель: С.В. Митурич
Верстка: Т.С. Боголюбова
Корректор: А.Г. Мартынова
Фото на обложке: С.С. Митурич
Производство: Е.Н. Кострикина

Иммигранты в Москве / Институт Кеннана; под ред. Ж.А. Зайончковской. – М. : Три квадрата, 2009. – 272 с. – ISBN 978-5-94607-113-5

Это издание является итогом исследовательского проекта Института Кеннана «Социоэкономическая жизнь и культурный ландшафт Москвы под влиянием этнических миграций», выполненного Центром миграционных исследований под руководством Жанны Зайончковской.

В книге в контексте постсоветских трансформаций показана роль миграции в формировании населения Москвы; анализируется современная миграционная политика города; рассматривается проблема интеграции этнических мигрантов в городской социум; представлен, в том числе на картах, этнический ландшафт Москвы; освещается положение мигрантов на рынке труда столицы; характеризуется уровень толерантности москвичей по отношению к мигрантам. Особо рассмотрены три новые для Москвы группы мигрантов – таджики, афганцы и китайцы. Книга в целом акцентирована на положительных эффектах миграции.

© Авторы статей, 2009
© Kennan Institute, 2009
© «Три квадрата», 2009

ISBN 978-5-94607-113-5

Предисловие

Москва, как любой мегаполис, представляет собой арену сосредоточения и взаимодействия различных культур. Пореформенное время значительно интенсифицировало эти процессы, мобилизовав новые импульсы и привлекая новые волны мигрантов, в том числе с большой этнокультурной дистанцией. Потенциал Москвы далеко не исчерпан. Город на взлете и еще долго будет, как губка, впитывать мигрантов. Этому способствует и демографический кризис, охвативший Россию.

Какова роль миграции в формировании населения города? Как вписываются в городской социум разные культуры, привносимые миграцией? Как москвичи принимают мигрантов? Авторы данной книги ищут ответы на эти и другие вопросы.

Книга является итогом исследовательского проекта Института Кеннана «Социоэкономическая жизнь и культурный ландшафт Москвы под влиянием этнических миграций». Проект выполнен Центром миграционных исследований под руководством Жанны Зайончковской.

В ходе выполнения проекта проанализированы миграционные процессы в Москве, осуществлено интервьюирование нескольких этнических групп мигрантов, проведены беседы в фокус-группах, исследован этнический ландшафт Москвы и построены соответствующие карты.

Работа по Москве встроена в более широкий урбанистический концепт Института Кеннана, в фокусе которого – позитивные эффекты миграции. Этот подход нашел отражение в книге Блэра Рубла «Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Wa-

shington, and Kyiv» (Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 2005).

Одновременно с исследованием по Москве осуществляется похожий проект по крупным городам Украины – Киеву, Одессе, Харькову. Промежуточные итоги московского и киевского проектов обсуждались на совместном семинаре (Москва, 26 октября 2007 года).

Данная книга, разумеется, не претендует на полное освещение затронутой очень емкой и многоаспектной темы, но авторы надеются, что вносят определенный вклад в ее исследование.

Авторы сердечно благодарны Институту Кеннана за предоставленную возможность выполнить проект и лично Блэру Рублу за живой интерес к теме. Наша признательность сотрудникам московского офиса Института Кеннана – Галине Левиной и Екатерине Алексеевой за организационную поддержку, доброжелательность и внимание в процессе работы над проектом. Мы также благодарим сотрудников Центра миграционных исследований Наталью Галкину и Елену Кириллову за большую помощь в координации исследований, подготовке книги и семинара по проекту.

Ж. Зайончковская

Введение

Москва – самый мощный миграционный магнит России, единственный из ее крупных городов, чье население продолжает быстро расти. Но быстрый рост Москвы – отнюдь не феномен последнего времени.

Уже к концу XIX века Москва стала миллионным городом, лишь немного уступая по численности населения Петербургу, тем самым подтверждая свой статус второй столицы. Согласно переписи 1897 года в Петербурге насчитывалось 1,267 млн жителей, а в Москве – 1,039 млн. Кроме них, на территории нынешней России было только пять городов, население которых едва превышало 100 тыс.

К октябрю 1917 года Москва подошла уже почти с двухмиллионным населением (1,854 млн человек). На фоне аграрной страны, где среди деревень были рассеяны небольшие города, она выглядела настоящим Монбланом, гигантским сосредоточением людей и жизни. Тем не менее, несмотря на уже приобретенный огромный потенциал, Москва и в эру стремительной урбанизации, охватившей Россию в XX веке, не сдавала темпы, поспевая за страной и сохраняя свою лидирующую позицию.

В течение XX века население Москвы увеличилось в 10 раз – до 10,4 млн человек – и во столько же раз умножилось городское население России. В 2007 году, как и столетие назад, в Москве живет каждый десятый горожанин России. За исключением спадов во время революции и мировых войн, население Москвы росло довольно равномерно, прирастая в среднем на 1 млн человек за десятилетие. И в последнее время сохранялся тот же темп: за 14 лет

между переписями населения 1989 и 2002 годов Москва выросла на 1,5 млн человек.

Эта устойчивость роста, демонстрирующая свою независимость и от людских ресурсов окружающего пространства, давно исчерпанных, и от кризисного изменения демографической ситуации в стране, и от резких поворотов в ее истории, включая крах СССР, указывает на наличие более глубоких причин, определяющих развитие Москвы и ее роль в России.

Вероятно, правы географы, ищущие «секрет» во взаимодействии Москвы с территорией страны, в особенно удачном ее местоположении, позволяющем городу мобилизовать потенциал обширнейшего пространства и стать локомотивом его развития.

Москва как город, совмещающий функции крупнейшего экономического и культурного центра с функциями столицы, служит символом России и несет ответственность за ее развитие. Здесь очень ярко проявились и продолжают проявляться результаты государственной политики, наиболее четко просматриваются российские модели взаимоотношений между гражданами и властью.

Первый генеральный план города, утвержденный в 1935 году, был нацелен на превращение Москвы «в социалистическую столицу пролетарского государства»¹, идеологическими и архитектурно-художественными символами которой должны были стать Дом СССР, Музей Революции, Дворец Советов, театр Красной Армии и другие подобные сооружения. Большинство из них должны были строиться на месте разрушаемых символов уходящей культуры, подобно тому, как Дворец Советов возводился на месте взорванного Храма Христа Спасителя². Сооруженные после Второй мировой войны кольцо высотных зданий и богато декорированная кольцевая линия Метрополитена, Выставка достижений народного хозяйства в ее новом роскошном облике призваны были перед всем миром продемонстрировать торжество СССР, победившего в этой войне.

Важнейшей социальной задачей, решаемой в процессе развития социалистического города, было провозглашено преодоление существенных различий между городом и деревней. Этот тезис воплощал в себе противоречия первоначального этапа урбанизации, когда массы крестьян переселялись в города и подавляющее большинство москвичей были вчерашними сельскими жителями, тоско-

вавшими по деревне. Планировочная концепция города с деревенским привкусом была широко воплощена во всех крупных городах СССР.

В Москве это выразилось в строительстве обширных кварталов малоэтажной застройки, что привело к расплыванию территории города, низкой плотности населения, неоправданному удлинению расстояний между домом и работой, отчуждению значительной части населения от культурных ценностей столицы вследствие большой удаленности от ее центра. Главной планировочной ячейкой в жилых кварталах был двор – замкнутое пространство, создающее условия для повседневного общения соседей, а то и для небольшого подсобного хозяйства. Все это находилось в гармонии с маргинальным населением, принесшим в город сельскую привычку к тесному общению и коллективной жизни. Отголоски сельского образа жизни и сейчас нетрудно найти в Москве. В этом смысле показательны настоящие чашобы, почти не пропускающие света, под окнами первых этажей многих домов, хотя дистанция между Поленовским «Московским двориком» и современной Москвой очень велика. Свидетельство незабытых навыков сельской жизни – тяга москвичей не просто к дачам, а к дачам с огородами. С появлением продовольственного изобилия огороды стали все чаще заменяться цветниками и газонами, но не исчезли.

В концепциях развития Москвы 70-х годов была заложена идея превращения столицы в «образцовый коммунистический город». Амбициозность этого замысла совсем не сочеталась с реальной жизнью – хроническим продовольственным и товарным дефицитом, огромными очередями, беготней за самым необходимым, с исчезнувшей с улиц торговли, скудостью всех видов услуг и жесткой регламентацией общественно-культурной жизни. К горбачевской перестройке Москва подошла с низким уровнем обслуживания. По отношению к утвержденным (весьма скромным) нормативам он составлял: в здравоохранении – 85%, бытовом обслуживании – 50%, торговле – 66%, общепите – 40%³.

Не соответствовали модели «образцового города» и большинство общественных зданий, возведенных в этот период из дешевых панелей, но с некоторой претензией на помпезность, такие как, например, Библиотека общественных наук или комплекс академических

институтов в районе станции метро «Профсоюзная», равно как и однообразно скучные жилые кварталы.

Реформы 90-х, возможно ярче, чем весь советский период, высветили огромный неиспользованный потенциал Москвы. Мобилизация тех ресурсов, которых раньше не было, – частной собственности, открытости миру, рыночных отношений – дали городу второе дыхание. Несмотря на экономический кризис, остановку многих предприятий, Москва оживала на глазах. Ее улицы вновь наполнились торговлей, пусть поначалу и хаотичной, слишком мелкой, диковатой. Но открывшиеся возможности для частной международной коммерции быстро превратили Москву в центр оптовой торговли и перевалочный узел для перевозки товаров общероссийского значения, чье влияние распространялось и на многие страны СНГ. Как показало исследование челночных миграций, проведенное под эгидой Независимого исследовательского совета по миграции стран СНГ и Балтии, жители городов Европейской части России предпочитали ездить за «заморским» товаром в Москву⁴.

Структура экономики города очень быстро трансформировалась, приблизилась к постиндустриальной. Ранее доминировавшая промышленность теперь занимает в структуре занятых лишь 13,3% (2007)⁵ против 18% в 1995 году⁶ и гораздо более высокого показателя во времена СССР. Почти четверть работников заняты в оптовой и розничной торговле (против 16% в 1995 году). Опережающими темпами, наряду с торговлей, развивались финансово-деловой сектор (занятость в нем достигла 4,7%), складское хозяйство, малое предпринимательство. Приобрел значительные масштабы новый вид деятельности – операции с недвижимым имуществом, аренда, где уже заняты 16,6% работающих.

Преобладающей формой собственности стала частная собственность, сосредоточивающая 63,5% занятых. Государственный сектор съезжился почти в 3 раза – до 25,7% занятых; 10,3% работников заняты в организациях смешанной собственности⁷. В Москву пришел иностранный капитал, на предприятиях с его участием в 2007 году работало почти 700 тыс. человек, или 11% занятых в экономике города, тогда как в 1992 году – лишь 47 тыс. человек, или 1% занятых.

Модернизировал и увеличил свой потенциал инвестиционно-строительный комплекс, что позволило осуществлять более совре-

менные, более качественные и масштабные проекты. Реабилитирована религия, восстановлен Храм Христа Спасителя, реконструированы многие храмы, построены новые церкви и мечети. Приметами времени стали крупные торговые комплексы, хотя еще и не совсем отвечающие стандартам европейских столиц, но сильно приблизившиеся к ним; сложные транспортные развязки; архитектурно разнообразные здания, возведенные с применением новейших материалов; привлекательный дизайн и многообразие жилых домов, включая строительство коттеджей и малоквартирного жилья (о чем раньше не могло быть и речи); резко расширившаяся сеть кафе и ресторанов; множество новых театров (их стало в 1,5 раза больше), частных галерей, казино; частная медицина. Знаковая примета – газоны и клумбы, появившиеся даже в окраинных районах города на месте заросших сорняком или «лысых» замусоренных пространств. Естественно, появились и приметы иного рода – уличные проститутки, гастарбайтеры, продающие себя в найм на шоссе, скинхеды, наркоманы.

Быстро меняется и население города. Хотя в нем по-прежнему решительно доминируют русские, оно становится все более этнически пестрым. Волны миграции набегают одна на другую, расширяя этнокультурную палитру города. Здесь появились новые этнические сообщества – прибывшие из-за границ бывшего СССР китайцы, вьетнамцы, афганцы и др.; бывшие «советские» – узбеки, таджики, киргизы, молдаване, ранее не склонные выезжать из своих республик. По-новому проявляют себя и «старые» сообщества – кавказцы, татары, украинцы. При этом временные мигранты сильно преобладают над теми, кто приезжает на постоянное место жительства.

Можно сказать, что Москва находится в поиске новой модели общественной жизни. Пока же в ней перемешаны приверженность советским традициям и стремление походить на лучшие столицы мира.

Реформы 90-х дали, наконец, возможность взглянуть на перспективы развития Москвы трезвым неидеологизированным взглядом. Главная цель нового генплана города до 2020 года, утвержденного Правительством Москвы в 1999 году, вполне прагматична: «создание благоприятной среды жизнедеятельности». Среди поставленных задач явно ощущаются новые веяния: «повышение качества городской среды», обеспечение ее «эстетической выразительности, гармоничности и многообразия». Впервые произведена оценка жилищного

фонда столицы с позиций его соответствия средневропейскому стандарту качества. Доля такого фонда на стартовую дату генплана (1996 год) оказалась в Москве ничтожной, только 5%. Вопреки прежним правилам, когда генпланы городов были доступны лишь узкому кругу профессионалов, материалы генплана-2020 экспонируются на постоянно действующей выставке и представлены в Интернете⁸.

Что касается населения, то в данном генплане, по крайней мере в общедоступных материалах, поражает отсутствие оценок его перспективной численности. Они, несомненно, есть в генплане, но не обнародованы: либо Правительство Москвы боится сильно ошибиться, как это случалось с предшествующими проектировками, либо оно не согласно с оценкой населения столицы переписью 2002 года, поднявшей планку на 1,8 млн человек, либо генплан еще не откорректирован в соответствии с этой оценкой. Расчет же, произведенный на основе запроектированных объемов жилищного строительства и душевой нормы обеспеченности жильем, приводит к выводу, что в генплане заложена тенденция сокращения населения Москвы, ошибочно пролонгированная от провального периода начала 90-х. Надеяться на нисходящую тенденцию пока что нет оснований, несмотря на демографический кризис. Но уже то, что численность населения утратила значение директивного параметра, – огромный прогресс.

Магнетизм города – это верный индикатор его здоровья, успешного развития. Москва растет не потому, что сюда «все рвутся». Наоборот, сюда рвутся, потому что растущая экономика создает емкий и разнообразный рынок труда, хорошие возможности для заработков и карьеры.

Безработица в Москве крайне низка. Начиная с 2002 года, ее общий уровень не поднимался выше 1,5%⁹ против 6–7% в среднем по России. Москва – исключительный город страны не только из-за своего столичного статуса. В России нет второго города, который мог бы соперничать с Москвой в отношении разветвленности и мощи транспортной, финансовой и другой инфраструктуры. Это и является истинным импульсом роста города, тогда как миграция – лишь его следствием.

Неверно понятые причинно-следственные связи провоцируют противодействие притоку населения, хотя Москва давно не может обойтись без мигрантов. При этом негативные последствия мигра-

ции постоянно подчеркиваются, в то время как ее стимулирующее воздействие на функционирование экономики, культуру и другие стороны жизни общества не замечаются или затушевываются.

Предлагаемая читателю книга акцентирована на анализе тех изменений в социально-экономической жизни, которые привносят в Москву этнические мигранты, и на проблемах их интеграции в московский социум.

Во введении дан краткий обзор эволюции концепций развития Москвы от социалистического к капиталистическому городу и изменений, сопряженных с постсоветскими реформами, а также резюме содержания отдельных разделов работы.

В первой статье анализируется формирование населения Москвы и роль миграции в этом процессе. Москва рассматривается на фоне Московского столичного региона (МСР) и России. Подчеркивается динамичный, не затухающий рост населения Москвы и МСР в течение последнего столетия, вплоть до наших дней. Выявлена определяющая роль миграции как источника демографического роста, путем сравнения возрастно-половых пирамид Москвы и России показаны особенности соответствующей структуры населения Москвы и интенсивность миграции в различных возрастных группах среди мужчин и женщин. На этом основании сделан вывод о том, что миграция полностью компенсировала в Москве «недобор» населения в результате низкого естественного прироста, а в последние годы – естественную убыль населения, обеспечивая даже более трудоактивную структуру населения города по сравнению со страной в условиях более низкой рождаемости.

Подробно рассмотрены миграционные тренды постсоветского периода и вскрыта дирижирующая роль Москвы во внутривосрийских миграциях. Именно Москва задает центростремительный вектор этого движения и в значительной мере его масштаб. Обращается внимание на жесткие требования, предъявляемые Москвой к мигрантам, их селекцию по регионам и странам исхода, на решающую роль трудовой миграции.

Показано, что, несмотря на сравнительную гомогенность этнического состава населения Москвы, в подавляющем большинстве русского, Москва находится на пути к большему этническому разнообразию и будет пополняться мигрантами с большой этнокультурной

дистанций. Впервые выявлено деформирующее влияние этнических трудовых миграций на пропорции населения Москвы по полу.

Статью завершает критический анализ современной миграционной политики Москвы, которая, по мнению авторов, часто противоречит объективной реальности и интересам города.

Вторая статья акцентирована на проблеме интеграции этнических мигрантов в городское сообщество. Как замечает автор, О. Вендина, рост культурного разнообразия стал фактором, будоражащим и дестабилизирующим общество. В статье анализируется этнический ландшафт Москвы и его трансформация под воздействием постсоветских реформ. Анализ, проведенный по мелким территориальным ячейкам города, позволяет воссоздать реальную картину сдвигов, произошедших в последнее время. Как выявлено, расселение этнических мигрантов в Москве обладает ярко выраженной пространственной спецификой, что иллюстрируется соответствующими картами. Проанализировано расселение украинцев, белорусов, евреев и азербайджанцев в сравнении с русскими. Реальных этнических кварталов в Москве пока нет, приходит к выводу автор.

В национальной политике Москвы прослежена тревожная непоследовательность, когда администрация города, с одной стороны, принимает меры по повышению толерантности, а с другой – ущемляет интересы мигрантов.

Анализируются модели репрезентации этничности, выявленные на основе интервью. Выделены и охарактеризованы 4 формы репрезентации: поддержание этнической традиции (включая фольклорную традицию, нонконформистское направление, этническую кухню); конструирование этничности как реакция на глобализацию; институализация этничности через диаспору и другие формы общественной организации; фундаментализация этничности с помощью религии.

Третья статья посвящена трудовым мигрантам – «второму обществу» Москвы. Здесь освещается проблема легализации мигрантов, обращается внимание на увеличение социокультурной дистанции между трудовыми мигрантами и принимающим сообществом. Однако в фокусе статьи находится положение мигрантов на рынке труда столицы: место мигрантской занятости в экономике города; разделение труда и конкуренция за рабочие места между мигрантами и москвичами; преимущества и риски теневой занятости; нарушения прав работающих мигрантов.

Автор, Е. Тюрюканова, констатирует процесс вытеснения государства из сферы активного влияния на поведение как мигрантов, так и работодателей. В результате регулирование миграции превращается во взаимодействие частных агентов на неправовом поле.

Анализируя преступность мигрантов, автор связывает формирование стереотипа об их криминогенности с их расселением в наименее благополучных районах города – там, где дешевое жилье и более высокий фон преступности вообще.

Приведены данные опросов, свидетельствующие о низком уровне терпимости москвичей к мигрантам. Настороженное, негативное отношение к приезжим стимулируется условиями, в которых живут мигранты и которые местное население считает неприемлемыми. Исключенность мигрантов из принимающего общества, использование по отношению к ним других, гораздо более низких, стандартов в работе и быту поддерживает образ «человека второго сорта» в общественном сознании. Для сохранения общественного согласия в мультикультурном пространстве мегаполиса Москве сегодня нужна политика интеграции и включенности – вот вывод, подытоживающий статью.

В поле зрения следующих статей находятся три этнические группы мигрантов, появившиеся в Москве после распада Советского Союза и отличающиеся как своим генезисом, так и ролью в столичном социуме. Это таджики, афганцы и китайцы.

В четвертой статье на основе интервью проанализирована жизнь таджиков в Москве: их правовой и социальный статус, материальное положение, жилищные условия, проблемы, с которыми они сталкиваются. Жизнь таджиков в Москве трудная, приходит к выводу автор, Т. Иванова, но несмотря на это значительная часть из них полагает, что достигла своей цели: им удалось хорошо заработать и обеспечить семьи на родине.

Большое внимание в статье уделено рассмотрению взаимодействия таджиков с принимающим сообществом – их контактам с москвичами, представителями власти, проблеме мигрантофобии.

В заключение дается оценка интеграционного потенциала таджиков на основе использования в качестве индикатора их стремления (или, напротив, нежелания) получить российское гражданство и намерения остаться в Москве или возвратиться домой.

Приложены две мигрантские истории таджиков, иллюстрирующие причины их приезда в Россию и в Москву и их жизнь в столице.

В поле зрения следующей статьи – афганцы, мигранты с уже длинной историей в России, начавшейся с 1989 года, момента вывода советских войск из Афганистана. Правовой статус афганцев до сих пор не урегулирован, вопреки поддерживающим усилиям общественных организаций и невзирая на то, что эти инициативные, деятельные и образованные мигранты так необходимы России. Анализируется история вопроса, приводятся предложения экспертов по решению правовых проблем афганцев.

На основе бесед в фокус-группах характеризуется оценка афганцами отношения к ним москвичей, особенности их жизни в Москве, отношение к смешанным бракам с русскими, миграционные намерения.

Автор, Т. Иванова, приходит к выводу, что афганцы (особенно молодежь, получившая образование и профессию в Москве, а часто здесь и родившаяся) уже хорошо социализированы в Москве, настроены на интеграцию и представляют качественный трудовой ресурс для города. В конце статьи содержатся предложения по урегулированию правового статуса разных групп афганских иммигрантов и две их жизненные истории, записанные в ходе работы над проектом.

Завершает книгу статья о китайских мигрантах.

Здесь кратко рассматривается история появления китайцев в России и в Москве, дается оценка их численности, на основе опросов приводятся данные о частоте поездок и продолжительности пребывания китайцев в Москве. Проанализированы причины их приезда сюда и жизненные планы, место китайцев на московском рынке труда. Рассмотрена проблема китайской контрабанды, комментируется миграционная политика Китая в отношении России.

Отдельно рассмотрен миграционный потенциал китайских студентов как наиболее перспективной для нашей страны группы мигрантов.

Несмотря на это, автор – В. Гельбрас – приходит к заключению, что использование китайского студенческого контингента в целях формирования специалистов для работы в России потребует целенаправленных мер со стороны государства. В статье ставится вопрос о необходимости более гибкой миграционной политики, которая открывала бы

китайцам, получившим образование в России, дорогу к интеграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) от 15.06.1931 года «О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Госполитиздат, 1967. Т. 2. С. 320–333.
- 2 Подробнее см.: *Каган М.* Москва при новом режиме: динамика функций места / Москва рубежа XIX и XX столетий. Взгляд в прошлое издаека. Отв. ред. П. Ильин и Б. Рубл. М., 2004. С. 256–261.
- 3 Социальные проблемы архитектурно-градостроительного развития Москвы. Ред. М.В. Борщевский / Госкомитет по архитектуре и градостроительству при Госстрое СССР. М., 1988.
- 4 *Иванова Т.Д.* Российские «челноки»: феномен трудовой миграции / Трудовая миграция в России. Миграция населения. Вып. 2. Приложение к журналу «Миграция в России». Общая ред. О.Д. Воробьевой. М., 2001. С. 46.
- 5 Москва в 1992–2007 годах. Краткий статистический справочник. Мосгорстат. М., 2008. С. 19, 20.
- 6 Регионы России. Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. С. 72–76.
- 7 Москва в 1992–2007 годах. С. 16, 17.
- 8 Генеральный план развития Москвы [<http://www.mka.mos.ru/genplan/main/1t.HTM>].
- 9 Москва в 1992–2007 годах. С. 14–15.

Ж.А. Зайончковская, Н.В. Мкртчян

Роль миграции в динамике численности и состава населения Москвы

Москва, город с более чем десятиmillionным населением, возглавляет самую мощную, самую зрелую городскую агломерацию России. В административных границах Москвы, по данным на начало 2008 года, сосредоточены 10,5 млн человек (7,4% российского населения), а все население Московской агломерации составляет от 13¹ до 15 млн человек². Различия в оценках населения агломерации зависят от подходов к определению ее границ: учитываются только ближайшие пригороды или пригородная зона в радиусе 60–70 км от МКАД³ или весь Московский столичный регион (МСР), включая Москву, Московскую область и некоторые сопредельные районы соседних областей⁴, тяготеющие к Московской агломерации. Не ставя целью четкого определения границ МСР, мы будем понимать под ним население г. Москвы и Московской области.

Динамичный рост населения Москвы продолжается

Население Москвы увеличилось за XX век с 1,04 млн (1897 год) до 10,5 млн (2008 год), т.е. в 10 раз, а население МСР – с 2,4 до 17,1 млн человек, то есть в 7 раз (рис. 1). За то же время население России успело только немногим более чем удвоиться. Опережающий рост Москвы в сравнении с областью происходил прежде всего за счет расплзания столицы в результате периодического административного расширения ее границ и поглощения ею многих ближайших городских поселений и сел. При этом динамика численности населения МСР неоднородна: в последние советские десятилетия население на-

иболее близко расположенных к Москве территорий увеличивалось быстрее, чем население собственно столицы⁵. Эта тенденция прослеживается и сейчас⁶. Кроме того, продолжается концентрация населения на границе Московской области с соседними областями в местах «вылета» московских железнодорожных радиусов.

В последние полтора десятилетия население России сокращается, в то время как Москва и в целом столичный регион продолжают расти теми же темпами, что и ранее. По всей видимости, стабилизация населения в последние пять лет связана с текущим недоучетом миграции. Следующая перепись, которая должна состояться в 2010 году, скорее всего, поднимет численность населения города, как это случилось не только в предыдущей, но во всех послевоенных переписях. Об этом свидетельствуют имеющиеся данные о количестве мигрантов, которые не попадают в статистический учет.

Так, в Москве численность приезжих, зарегистрированных по месту пребывания, не учитывающихся текущей статистикой, в 2003 году составила 1,0125 млн человек (из них граждан СНГ 455,4 тыс. человек)⁷, в 2004 – 1,458 млн⁸, в 2005 – 1,137 млн⁹, в 2006 году на миграционный учет в г. Москве встали 840 тыс. человек¹⁰. Понятно, что не все зарегистрированные по месту пребывания – мигранты. Эти цифры включают приехавших в гости, на лечение, с другими кратковременными целями. Кроме того, один и тот же человек мог въехать и зарегистрироваться в течение года несколько раз, на смену одному мог приехать другой и т.п. При этом многие, в особенности российские граждане, проживают долгое время в столице, не оформляя никакой регистрации, соответственно, они совершенно «невидимы» даже для ведомственной статистики Министерства внутренних дел и Федеральной миграционной службы (ФМС) России, но приведенные цифры отражают масштаб явления.

Миграция – главный источник быстрого роста Москвы, интенсивно притягивающий население со всех концов огромной страны. Этот процесс резко усилился после отмены крепостного права. В 1882 году удельный вес местных уроженцев в населении города составлял всего 26,1%, в 1897 году еще меньше – 25,2%, в 1926 году – 36,9%¹¹.

В России весь XX век прошел под знаком урбанизации, возникло множество новых городов, в том числе крупных, выросли старые

центры. Как известно, по мере увеличения населения города темпы его роста замедляются, но Москва поспевала за общими темпами урбанизации. Ее доля в городском населении России за столетие практически не изменилась – 10,1% в 2008 году против 10,5% в 1897 году, подтверждая тем самым огромный потенциал города и его исключительную роль в стране. Только в 1926 году, когда большинство городов стагнировало, еще не оправившись от Октябрьской революции и Гражданской войны, доля Москвы, вернувшей себе столичные функции, поднималась до 12,6%.

С конца 1920-х годов предпринимались неудачные попытки сдерживать рост населения Москвы и других крупнейших городов¹². Власти стремились ограничивать строительство в столице крупных промышленных предприятий, делались попытки создания городов-спутников (так появился г. Зеленоград). В 1959 году Генплан Москвы предполагал ограничить население города пятью миллионами человек, однако добиться этого не удалось даже в эпоху торжества плановой экономики и жесткой административно-командной системы.

Рост населения Москвы прерывался только в годы военных лихолетий, после которых он быстро восстанавливался. Последнее его замедление отмечено в начале 1990-х годов. В 1991–1993 годах статистика зафиксировала даже отток населения из Москвы. Был ли этот отток реальным, явившись реакцией населения на стрессовую ситуацию, сопровождавшую распад СССР в особенно болезненные первые годы социально-экономических реформ¹³, или сказались изменения порядка учета населения – вопрос, не нашедший пока однозначного ответа. Однако очень быстро город восстановил свою роль сильнейшего миграционного магнита не только России, но и всего постсоветского пространства.

Демографическая ситуация в Москве: самая низкая рождаемость и миграционный допинг

Москва, как и другие крупные города, всегда, даже в период быстрого роста населения страны, выделялась низким естественным приростом населения из-за низкой рождаемости (табл. 1).

Таблица 1. Естественное движение населения Москвы и России (на 1000 населения)

	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2007
Рождаемость								
Россия	33,0	26,9	23,2	14,6	15,9	13,4	8,7	11,3
Москва	27,0	14,9	14,5	11,8	13,4	10,5	7,3	9,7
Смертность								
Россия	20,6	10,1	7,4	8,7	11,0	11,2	15,3	14,7
Москва	16,3	7,5	7,6	9,5	11,5	12,8	13,1	11,9
Естественный прирост								
Россия	12,4	16,8	15,8	5,9	4,9	2,2	-6,6	-3,4
Москва	10,7	7,4	6,9	2,3	1,9	-2,3	-5,8	-2,2

Источники: Население России за 100 лет (1897–1997): стат. сб. М.: Госкомстат России, 1998; Россия в цифрах. М.: Росстат, 2008. С. 87; Москва в 1992–2007 гг. М.: Мосгорстат, 2008. С. 13.

Уже в 1930–1940-е годы типичная московская семья не была многодетной, хотя в то время коэффициент рождаемости в столице был почти столь же высоким, как и в среднем по стране. Однако за близкими показателями скрывается принципиально разная ситуация. Высокая рождаемость в Москве была следствием бурного притока в город молодых мигрантов, поэтому истинное отличие рождаемости в Москве от средней по стране можно увидеть, если исключить влияние возрастной структуры. Тогда окажется, что уже в 1926 году рождаемость в столице была почти в 2,5 раза ниже среднероссийской (рис. 2). Фактически к тому времени в столице получила массовое распространение 1–2-детная семья.

По мере того как, с одной стороны, Россия становилась все более городской, а с другой – в Москве накапливалось старожильческое население, контраст в уровнях рождаемости между страной и Москвой сглаживался. Данные последней переписи населения показывают, что о контрасте уже говорить не приходится, так как показатели почти выровнялись. Причем это произошло в большей мере за счет приближения показателя страны к уровню Москвы, чем наоборот. Особенно сильно сократилась рождаемость в Москве в 1990-х годах: если в 1985 году в столице родились 120 тыс. детей, то в 1995 году –

68,5 тыс., и это при том, что население города увеличилось. Суммарный коэффициент рождаемости¹⁴ снизился до 1,15–1,2, т.е. до крайне низкого уровня. Наблюдаемый в последние годы рост рождаемости хотя и идет довольно существенными темпами, все же не привел и не может привести к принципиально иному характеру воспроизводства населения российской столицы. Другими словами, Москва была предвестником изменений в репродуктивном поведении, к которым с запозданием пришла затем вся страна.

На фоне сельской России столица выделялась гораздо более низким уровнем смертности, затем различия сгладились, но в 2000-е годы преимущества Москвы вновь стали проявляться. По средней продолжительности жизни Москва опережает страну на 5 лет (72 года против 67 лет, 2006). Дистанция огромного размера! Средняя продолжительность жизни мужчин в Москве больше на 7 лет (67 лет против 60), у женщин различие меньше (77 и 73 года соответственно)¹⁵. Санкт-Петербург отстает от Москвы в отношении средней продолжительности жизни на 3 года.

Как и для России в целом, для Москвы в последнее время характерна естественная убыль населения, но если вернуться к сравнению показателей Москвы и страны, то начиная с 2000 года произошла инверсия в их соотношении. Население Москвы теперь убывает медленнее, чем население страны, причем это произошло благодаря понижению показателей смертности в столице. В этом, несомненно, проявилось оздоровляющее влияние миграции постсоветского периода, пополнившей город молодым населением.

Все послевоенное время миграционный прирост играл определяющую роль в динамике численности населения Москвы (рис. 3). Его интенсивность на протяжении десятилетий превышала 1% в год, естественный прирост был в несколько раз ниже.

Собственно старожильческое население столицы (москвичи во втором–третьем поколении) уже много десятилетий до начала депопуляции в России могло только воспроизводить себя. По оценке Росстата, превышение смертности над рождаемостью в Москве за 1989–2006 годы составило 928 тыс. человек. Не будь миграции, население города к настоящему времени было бы на 2,5 млн меньше нынешнего.

Только с конца 1990-х годов регистрируемый (основанный на системе прописки) миграционный приток в столицу перекрыл есте-

ственную убыль ее населения (рис. 4). До переписи 2002 года считалось, что население Москвы сокращается.

Как отмечалось, перепись 2002 года прибавила Москве 1,7 млн мигрантов, прибывших в город в течение 1989–2002 годов. Переписная поправка у многих вызвала сомнение, тем более что организация этой переписи оставляла желать лучшего. Тем не менее исследовательские данные свидетельствуют в защиту данной поправки. Москва была наводнена трудовыми мигрантами и репатриантами, которые не имели возможности оформиться законным образом из-за бюрократических барьеров в миграционном законодательстве и коррупции. Опрос украинских трудовых мигрантов, проведенный нами в Москве в 2002 году, показал, что половина из них проживала в столице более трех лет, фактически являясь ее постоянными жителями. Еще в большей мере проживание в Москве де-факто, не регистрируясь, характерно для приехавших из российских регионов.

Роль миграции в росте Москвы на протяжении трех четвертей XX века особенно отчетливо проявляется при рассмотрении возрастнo-половых пирамид населения Москвы на фоне России (рис. 5).

Вернув себе статус столицы в начале XX века, после кровопролитных Первой мировой и Гражданской войн, Москва начала быстро возрождаться к обычной жизни. В город хлынул поток мигрантов – мужчин и женщин, преимущественно в возрасте 20–39 лет, что отчетливо видно при сравнении распределения населения Москвы и России по возрастным группам в 1926 году. При большом преобладании населения в активных репродуктивных возрастах детей в Москве было гораздо меньше, чем в России. Ясно, что большинство новых жителей Москвы приехали без семьи и не с целью заводить большую семью. Доля стариков в столице была в то время несколько ниже, чем в целом по стране. Это была типичная демографическая структура населения города в пору его бурного роста. Важно, что, несмотря на большой приток мигрантов, население Москвы было достаточно хорошо сбалансировано по полу – в столице находили места приложения труда как мужчины, так и женщины.

Благодаря стремительно развивающемуся в России процессу урбанизации Москва в 60–80-е годы по возрастной структуре населения быстро приближалась к показателям по стране и перестала выглядеть на общем фоне чем-то исключительным. Неизменной особенностью

Москвы остается меньшая доля детей по сравнению с этими же показателями по стране, но разница сократилась.

Пирамида 1959 года несет четко выраженные следы прошлых миграций, но прежние мигранты стали старше, и это привело к более быстрому старению населения Москвы в сравнении со страной. Новые же мигранты возместили «недобор» молодежи из-за низкой рождаемости и естественные потери населения.

В общем аналогичные особенности свойственны и пирамиде Москвы 1989 года, но 2002 год вновь демонстрирует миграционный всплеск, не только возместивший естественную убыль, но и омолодивший население города, причем в основном за счет притока мужчин.

Миграция поддерживает на высоком уровне долю трудоспособного населения в Москве вопреки малочисленности приходящих на смену детских поколений (табл. 2). Она также замедляет процесс старения населения.

Как мы видим, Москву в полной мере можно назвать продуктом миграции. Ее население сформировалось благодаря миграции и остается до сих пор активным и дееспособным тоже благодаря ей.

Таблица 2. Население по основным возрастным группам: Москва в сравнении с Россией, % (на 1 января 2007 года)

Возрастные группы	Россия		Москва
	Все население	Городское население	
Дети (0–15 лет)	16,0	15,0	12,3
Трудоспособные*	63,4	64,6	65,2
Пожилые**	20,6	20,4	22,5

* Мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года

** Мужчины 60 и более, женщины 55 и более лет

Источник: Демографический ежегодник России, 2007. С. 45, 48.

Миграция: новая волна

Если принять во внимание данные переписи 2002 года, масштабы ежегодного миграционного прироста столицы впечатляют, а начиная с 1999 года они сопоставимы с миграционным приростом всей страны (рис. 6). Москва быстро воспрянула после шока, вызванного распадом Советского Союза. В преддверии коллапса прежней страны и первые два года после этого статистика фиксировала даже убыль населения города. Чрезвычайное для Москвы событие, однако приходится сомневаться в его реальности. В Москву, как и в другие регионы России, в это время хлынул поток репатриантов, беженцев, а также мелких торговцев из бывших союзных республик, подавляющее большинство которых не могли получить в Москве прописку и, следовательно, попасть в учет.

Безусловно, Москва, подобно всей России, в период растерянности и неуверенности в будущем в начале 90-х пережила миграционный спад, но едва ли он опускался до отрицательных значений. Начиная с середины 90-х миграционный прирост столицы вновь стал очень существенным, его уровень даже превысил прирост в предыдущие десятилетия. С начала нового века Москва по сути дублирует нисходящий общероссийский тренд, при этом впитывая большую часть российских мигрантов. Причем чем меньше мигрантов приезжает в Россию, тем большая их часть концентрируется в Москве.

Сокращение регистрируемого миграционного прироста и по стране, и в Москве сопряжено с резким ужесточением миграционной политики с начала 2000-х годов. Легитимное пространство для мигрантов вследствие ужесточения соответствующего законодательства стало столь узким, что войти в правовое поле в качестве постоянных жителей имели возможность лишь те, кто оформил российское гражданство еще до приезда в Россию. Например, в 2006 году 91,4% зарегистрированных мигрантов, прибывших в Россию, уже имели российское гражданство. Естественно, граждане других стран тоже приезжали в Россию, но они пополняли ряды незаконных мигрантов.

В 2006 году Москва получила 48,5 человек миграционного прироста на 10 тыс. своих жителей против 11 человек в среднем по стра-

не. Еще больше мигрантов (105 человек на 10 тыс.) осели в Московской области, где легче зарегистрироваться, дешевле жилье и не столь силен милицейский рэкет. За мигрантов с Москвой способны конкурировать лишь единичные регионы страны – Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, Белгородская область и нефтегазовый Тюменский Север.

В 2006 году миграционный прирост имели 22 из 80 регионов России в статусе субъектов Федерации. Если сложить миграционный прирост, полученный всеми этими регионами, на Московский столичный регион придется 46,5%. Еще 6% забрали области, непосредственно граничащие с Московской, на которые распространяется сильное влияние столицы. Притяжение северной столицы гораздо слабее – Санкт-Петербург и Ленинградская область впитали лишь 12% миграционного прироста. Это типичные пропорции для последнего десятилетия.

По данным ВЦИОМ, каждый пятый россиянин (19%) хотел бы, чтобы его дети проживали в Москве, 11% – в Санкт-Петербурге¹⁶. Еще сильнее ориентация на Москву распространена среди населения крупных городов. Согласно опросам, проведенным Центром миграционных исследований в 10 региональных центрах России, расположенных в разных ее частях, в Москву устремлен каждый второй их житель из тех, кто хотел бы переехать или задумывается об этом (в возрасте 18–49 лет).

Причины столь высокой притягивающей роли Москвы многообразны: это иное качество городской среды (не всегда со знаком «+»), большие возможности заработать деньги, очень диверсифицированный рынок труда, возможности получить хорошее образование и т.п. Миграция в столицу для многих россиян и жителей стран СНГ являлась альтернативой выезду за рубежи бывшего СССР на постоянное место жительства, т.е. Москва выполняла роль своего рода «внутренней заграницы».

Согласно данным переписи 2002 года, 47% жителей Москвы не были ее уроженцами. Среди приехавших в Москву мигранты первого постсоветского десятилетия (1992–2002 годы) составляли 27,7% и еще 5,1% – те, кто прибыл в 1989–1991 годах, когда вопрос о распаде СССР уже витал в воздухе (табл. 3).

Учитывая центростремительность миграции в России, меньшая доля постсоветских мигрантов в Москве по сравнению со страной выглядит странной. Это можно объяснить не полным учетом прибывших в Москву между двумя переписями.

В действительности роль мигрантов последних лет (1989–2002 годов) в населении Москвы очень значима. По нашим расчетам, они составляют 30–40% населения в возрастах 20–39 лет, т.е. в молодых трудоспособных возрастах (рис. 7). Обращает на себя внимание и расширение возрастного спектра миграции – миграционный приток отмечен для всех возрастных групп трудоспособного населения, вплоть до 50-летних. На протяжении ряда десятилетий в составе мигрантов в Москве преобладали женщины¹⁷, однако теперь это не так. Сопоставление данных переписи населения 2002 года с данными текущего учета показывает, что они существенно расходятся именно по мужчинам в трудоспособных возрастах. В отличие от миграции на постоянное место жительства временная трудовая миграция имеет преимущественно «мужское» лицо.

В более старших, предпенсионных и пенсионных, возрастах баланс миграции Москвы почти нулевой. Для пожилого человека не столь значимы выгоды, которые предоставляет столичный рынок труда, стоимость же жизни в Москве – одна из наиболее высоких по сравнению с другими регионами страны. Возможно, выезд лиц

Таблица 3. Население России и Москвы по времени непрерывного проживания в месте жительства, % (по данным переписи 2002 года)

	<i>Россия</i>	<i>Москва</i>
Все население	100,0	100,0
Проживали непрерывно с рождения	55,0	53,4
Проживали не с рождения	43,6	40,6
Из них (в % к проживающим не с рождения):		
<i>С 1992–2002 годов</i>	29,6	27,7
<i>С 1989–1991 годов</i>	6,6	5,1
<i>ранее 1989 года</i>	62,7	64,2
<i>не указали, с какого срока</i>	1,1	3,0
Не указали, где родились	1,4	6,0

старших поколений из столицы недоучитывается, т.к. многие пожилые люди, выезжая из города, стараются не утратить московской прописки (ныне – регистрации), чтобы не потерять доплаты к пенсионным выплатам, возможность получения относительно более качественных медицинских услуг в Москве¹⁸ в случае серьезных проблем со здоровьем. Как москвичи, они учитываются и при переписи оставшимися родственниками.

Остается недоучтенным и выезд в страны «традиционного» зарубежья. Многие люди, постоянно проживающие за границей, сохраняют российское гражданство (либо как второе, либо довольствуясь видом на жительство), оставляют в Москве квартиры, из которых, соответственно, не выписываются. Сейчас квартира в Москве – это еще и возможность получать неплохие доходы от сдачи ее в аренду.

Население Москвы в основном пополнялось за счет регионов России, откуда приехал каждый третий житель Москвы. Каждый десятый прибыл из стран СНГ и лишь 1% – из других стран (рис. 8).

В зеркале переписи Москва выглядит городом с довольно ограниченным миграционным ареалом. Если даже считать за иностранцев приехавших из стран СНГ (а ведь многие из них прибыли в Москву еще в бытность СССР), то и тогда жителей иностранного происхождения окажется в Москве мало. Например, в населении Нью-Йорка родившихся за границей – 28,4%, Торонто – 38%, Франкфурта-на-Майне – 30%¹⁹.

На составе населения Москвы отразилось долгое существование в условиях закрытой страны. Более того, традиции «закрытости» оказали влияние и на перепись, поскольку отсутствовал опыт учета разных по происхождению категорий населения. Реально доля мигрантов из-за пределов России в населении Москвы, несомненно, выше, так как именно они испытывают наибольшие сложности с регистрацией и «невидимы» для статистики. Кроме того, персонал иностранных фирм или совместных предприятий и организаций, даже длительно проживающий в городе, часто является командированным и тоже не попадает в учет. По экспертным оценкам, в Москве и Московской области фактически проживают не менее 50 тыс. афганцев, более 100 тыс. китайцев, несколько десятков тысяч турок, вьетнамцев, сербов и др. С учетом банковских и офисных служащих западных компаний, числящихся в длительной

командировке, общее количество мигрантов из «других» стран, вероятно, составляет не менее 200–300 тыс. человек, то есть 2–3% населения города.

И все же население российской столицы на $\frac{3}{4}$ «прирастает» за счет внутренних мигрантов, и только на $\frac{1}{4}$ – за счет международных (рис. 9).

Устойчивый миграционный ареал Москвы исторически включал в основном губернии Центральной России. Так, совокупный удельный вес уроженцев губерний, прилегавших к Москве (Московской, Рязанской, Тульской, Владимирской, Ярославской, Смоленской, Тверской и Калужской), в общей численности мигрантов составил в 1882 году 48,6%, в 1926 году – 47,7%²⁰. Со временем география миграции в Москву расширилась, но ближнее окружение столицы по-прежнему формирует наиболее значительный контингент мигрантов. В 2002 году доля уроженцев этих областей составила 33,1% всех «неместных» уроженцев, проживающих в Москве; еще 6% дали другие области Центрального федерального округа, не являющиеся соседями столичного региона.

В современной внутривосточной миграции в Москву доля Центрального округа держится на уровне 40% (рис. 10). Чем ближе к Москве, тем сильнее ее притягательная сила. Именно по этой причине вблизи столицы не сформировалось за много веков ни одного крупного городского центра. Ближайший город с миллионным населением – Нижний Новгород – располагается на расстоянии более 400 км.

Вместе с тем для современной миграции в Москву характерна географическая селективность. Так, в миграционном обмене Москвы с Северо-Западом доминирует Санкт-Петербург, с Поволжьем – Самарская область, с Сибирью – нефтегазодобывающие Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Таким образом, речь идет о высоко урбанизированных территориях, население которых обладает сравнительно высоким уровнем благосостояния. Последнее обстоятельство важно, так как переезд на постоянное место жительства сопровождается приобретением жилья, а его цена в Москве уже превзошла уровень многих мировых столиц.

В не меньшей степени, чем во внутривосточном движении, селективность московской миграции проявляется в обмене столицы со странами СНГ. Наиболее конкурентоспособными за право про-

живания в столице оказались мигранты из закавказских стран: их доля среди осевших в Москве в полтора раза превосходит уровень страны и более чем в два раза – уровень Московской области (рис. 11). Относительно больше шансов переселиться в Москву у мигрантов из западных стран СНГ, особенно из Украины, тогда как приехавшие из Молдовы представлены в равной пропорции – в Москве и области их по 12%. Мигрантов из Белоруссии в московском регионе очень мало (около 4%), а Россия в целом вообще теряет население в пользу Белоруссии.

Приехавшим из Средней Азии Москва, напротив, не слишком охотно открывает свои двери: их доля здесь вдвое меньше по сравнению со страной. Казалось бы, это можно объяснить большой удаленностью Средней Азии от столицы, но вот на представительность приехавших из среднеазиатских стран в Московской области эта удаленность почти не повлияла. Похожая ситуация с Казахстаном.

Жесткость столичного отбора находит выражение и в количественной пропорции расселения: у мигрантов из стран СНГ шансов поселиться в Москве вполтину меньше по сравнению с Московской областью. Удел многих из них – работа в Москве, жизнь в пригороде. Согласно оценкам Г.А. Гольца, в 1985 году среднесуточный пассажиропоток в будний день в Москву из Московской области на работу и учебу составлял 720 тыс. человек, а поток в Москву с хозяйственно-бытовыми и рекреационными целями – 700 тыс. человек²¹. Оценки численности маятниковых мигрантов в последние годы достигают 3 млн человек²², однако эта цифра представляется сильно завышенной.

Большого масштаба достигают и рекреационные поездки москвичей на отдых, «на дачу». Летом, в выходной день число таких поездок уже в 1985 году достигало 2,1 млн человек – и это только в Московскую область²³. В настоящее время дачи москвичей есть во всех без исключения прилегающих к МСР областях, с ростом автомобилизации и развитием общественного транспорта зона рекреационного тяготения столицы продолжает активно расширяться.

Регистрируемая миграция не дает адекватного представления ни о размерах, ни о структуре миграционного потока из стран СНГ. Более или менее адекватную картину можно воссоздать на примере 2007 года, когда благодаря решительному упрощению правового

Таблица 5. Миграция из стран СНГ в Москву и Московскую область в 2007 году, тыс. человек

<i>Потоки</i>	<i>Москва</i>	<i>Московская область</i>
Прибывшие на постоянное место жительства	81,0	132,7
Трудовые мигранты	189,9	149,1

оформления мигрантов значительно полнее, чем раньше, была учтена временная трудовая миграция.

Во-первых, несмотря на то, что формальная трудовая миграция, по экспертным оценкам, составляла не более половины общего трудового потока, она превзошла по численности прибывших на постоянное жительство (табл. 5).

Во-вторых, между Москвой и областью два сравниваемых потока мигрантов распределяются противоположным образом, подтверждая, что работают чаще в Москве, а проживают в области.

Различен и состав рассматриваемых потоков по странам исхода. Во временной трудовой миграции решительно преобладают прибывшие из Средней Азии, формирующие половину этого потока, тогда как в постоянной миграции лидирует Украина (рис. 12). Мигранты из Закавказья стремятся поселиться в Москве постоянно, временная трудовая миграция их не привлекает. Дело здесь не столько в предпочтениях, сколько в способности кавказцев преодолевать барьеры на пути в Москву.

В отличие от постоянной миграции, отражающей избирательность Москвы, состав временных трудовых мигрантов по странам исхода в столице и области почти совпадает.

Очень высокие требования предъявляет столица и к образованию мигрантов. Например, 32% прибывших в Москву в 2007 году имели высшее образование, против 21,5% в среднем по стране. Еще выше доля лиц с высшим образованием среди прибывших в Московскую область – 35,9%. Таким образом, статистика опровергает уже укоренившиеся представления, будто город пополняется главным образом неквалифицированными мигрантами.

На пути к большему этническому разнообразию

В противоположность многим столицам население Москвы по этническому составу более однородно, чем население страны в целом. Подавляющая часть москвичей – русские. Их в Москве 84% против 80% в населении России и существенно больше, чем было в бывшем СССР (рис. 13). Например, среди жителей Лондона и Парижа в начале 1990-х годов доля национальных меньшинств была заметно выше – 20 и 28,5% соответственно²⁴, в настоящее время она стала еще больше.

И все же после распада Советского Союза в составе населения Москвы произошел серьезный сдвиг. Процент русских в Москве, в течение всего советского периода державшийся почти на одном уровне, за 14 лет (1989–2002 годы) упал на 5 пунктов, в то время как в целом по стране – всего на 2. Такая динамичная тенденция позволяет говорить о переломе, о начавшемся движении к большему этническому разнообразию.

По выражению Ю.В. Арутюняна, «наперекор элементарной логике Москва теперь, когда перестала быть столицей многонационального Союза, заметно “полиэтнизировалась”»²⁵. Однако быстрый рост численности народов Южного и Северного Кавказа, Центральной Азии в российской столице (армян и грузин в 1989–2002 годах – почти в 3 раза, азербайджанцев – в 4,5 раза) пока не привел к серьезной трансформации национального состава населения Москвы (рис. 14), так как большая часть мигрантов в столицу и в последние годы – русские, как бы ни казалось много на улицах столицы лиц неславянской наружности.

Как показали исследования, проведенные под руководством Л.М. Дробизевой, среди русских в Москве 40% приезжих, в том числе 15% приехали после 1986 года²⁶.

Но ситуация быстро меняется. Дефицит на рынке труда нарастает, причем не только в Москве, но почти повсеместно в России, демографический потенциал русских сокращается, и на рынке труда появляются новые этнические группы мигрантов. Параллельно увеличивается этнокультурная дистанция между ними и местным населением. В 2002 году, когда проводилась перепись, иностранные трудовые мигранты, работающие в Москве, в основном были представлены украинцами, закавказцами, молдаванами и китайцами. В те-

чение пяти лет, прошедших после переписи, преобладающими группами стали таджики и узбеки, киргизы, потеснившие украинцев, кавказцев и китайцев.

Этнокультурная дистанция с мигрантами из Средней Азии дополняется огромными социальными различиями, так как эти мигранты – в основном сельские жители, не имеющие специальности и едва говорящие по-русски. Им трудно в огромном чужом городе, они часто подвергаются эксплуатации, легко соглашаясь на принудительный труд, становятся «добычей» криминальных миграционных сетей, испытывают унижения и нападки со стороны скинхедов.

Между тем это реальный и долговременный источник пополнения рабочей силы Москвы. Российской столице предстоит выработать политику их интеграции, главное место в которой должна занять компонента социализации – приобщения среднеазиатских мигрантов к городскому образу жизни, обучения их городским профессиям, культуре труда. Это необходимо, чтобы избежать новой этнофобии, которая может прийти на смену уже несколько приглушенной кавказской.

СМИ, распространяя зачастую непроверенную информацию, в т.ч. получаемую от лидеров национальных диаспор, проживающих в Москве, способствуют представлениям о Москве как о городе, быстро утрачивающем свой этнокультурный облик. Так, несколько лет назад «Движение против нелегальной иммиграции» распространило информацию, которая впоследствии была воспроизведена на многих националистических интернет-ресурсах. Согласно этой информации, численность русских в Москве составляет... 3,3 млн человек, или 31% от общего числа жителей столицы²⁷. Оставив на совести авторов этих расчетов методологию оценок, не выдерживающих никакой критики, скажем лишь, что данные расчеты были выполнены на основе материалов вполне уважаемых российских СМИ, среди которых: «АиФ Москва» (27.09.2000); «Информационный бюллетень по правам человека в РФ» (№ 17, 16–30.09.2002); Радио «Свобода» (21.06.2001, 16.10.2002); «Московская правда» (16.03.2002); «Вести.ру» (02.02.2002); «Навигатор» (12.07.2001); журнал «Континент» (№ 17, 12–25.09.2001); «Сельская жизнь» (№ 51, 11.07.2002) и др.

Другой пример. Часто без всякой аргументации 5% присутствия мигрантов в городе выдается за предельную социально безопасную норму, в случае превышения которой «город станет терять свой облик и деградировать, в нем просто станет страшно жить...»²⁸ Но эта норма уже превышена примерно вдвое, по крайней мере в летний сезон. Город, тем не менее, не деградирует, а быстро развивается, и не миграция, а, напротив, вышеприведенные высказывания детонируют конфликт.

По данным социологических опросов, 67% москвичей считают, что в сфере межэтнических отношений существует напряженность. В то же время на вопрос «Сталкивались ли вы лично с проявлениями ксенофобии?» положительно ответили только 12–14%²⁹. По мнению В.Х. Бакова, начальника управления Комитета межрегиональных связей и национальной политики Москвы, количество москвичей, разделяющих ксенофобские взгляды, падает, но характер преступлений, совершаемых на национальной почве, ужесточается.

Этническая миграция деформирует пропорции населения Москвы по полу. Это видно на примере отдельных народов, зафиксированных переписью. У народов, значительная часть которых в Москве представлена трудовыми мигрантами, существенно выше доля мужчин: у армян и грузин – в 1,5 и 1,7 раза, у азербайджанцев – в 3,2 раза, в то время как для русских характерно сильное преобладание женщин (рис. 15). Женский перевес еще больше среди чувашей и мордвы, вероятно, из-за более частой переидентификации мужчин этих национальностей в русских по сравнению с женщинами. Среди молодого населения, в котором доля недавних и временных мигрантов повышена, половые пропорции нарушены еще сильнее, зато у молодых россиян они сбалансированы, свидетельствуя о замедлении процесса ассимиляции (рис. 16). Помимо того, что эти данные характеризуют особенности этнического состава временных мигрантов, прибывающих в Москву, они говорят о том, что в ходе переписи удалось учесть хотя бы часть мигрантов, не попадающих в текущий учет, что повышает ее достоверность.

Опять же, в отличие от многих мировых столиц и крупных городов, притягивающих мигрантов со всего света, миграция в Москву этнически и культурно более комплиментарна старожильческому населению. Мигранты из постсоветских стран в подавляющем боль-

шинстве если не в совершенстве, то на бытовом уровне знают русский язык, а их дети достаточно хорошо осваиваются в столичных школах. Даже не владея навыками деловой коммуникации, большинство временных трудовых мигрантов могут без особой переподготовки выполнять работы по многим специальностям, требующимся городскому хозяйству. Многие дети иноэтничных мигрантов, рожденные в Москве, утрачивают язык родителей. Среди детей-армян таких 61%, азербайджанцев – 24%³⁰. Дети от смешанных браков чаще всего принимают русскую этническую идентичность.

Конечно, не будь активной ассимиляции, население российской столицы было бы более этнически пестрым. В крупнейших городах этот процесс идет наиболее успешно, если не создавать искусственных препятствий для представителей отдельных этносов, не проводить сегрегацию жителей по этническому признаку. До последнего времени Москве удавалось этого избегать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Зубаревич Н.В. Агломерационный эффект или административный угар? // Российское экспертное обозрение. 2007. № 4–5.
- 2 Полян П.М., Селиванова Т. Городские агломерации России и новые тенденции эволюции их сети (1989–2002 гг.) / Горные страны: расселение, этнодемографические и геополитические процессы, геоинформационный мониторинг: материалы Международной конференции. Ставрополь – Домбай, 25–30 сентября. М. – Ставро.: Издательство СГУ, 2005. С. 290.
- 3 Глушкова В.Г. Московская агломерация / Энциклопедия «Москва». М., 1997.
- 4 Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда (опыт географического исследования) / Под ред. Г.М. Лаппо, Г.А. Гольца, А.И. Трейвиша. М., 1988. С. 137.
- 5 Там же. С. 149.
- 6 Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития / Бабурин В.Л., Битюкова В.Р., Казьмин М.А., Махрова А.Г. Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 44–54; Махрова А. Рынок жилья и расселение в Московском регионе // Демоскоп Weekly. 2006. 22 мая – 4 июня. № 247–248 [http://demoscope.ru/weekly/2006/0247/tema01.php].
- 7 Смидович С.Г. Проблемы регулирования миграции в Москве / Миграционные процессы. Прошлое. Настоящее. Будущее. Сборник материалов X и XI Московско-берлинских международных семинаров. М., 2005. С. 39.
- 8 Козаков А. Кто участвует в детородном процессе? // Квартирный ряд. 2005. 1 сентября.

- 9 Данные столичного Управления внутренних дел. См.: 3000 учащихся столицы изучают русский язык как иностранный // Мосинформ. 2006. 20 июня. [http://www.educom.ru/ru/departments/news/news_detail.php?ID=4329].
- 10 [http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_5803_aId_428179.html].
- 11 Моисеенко В.М., Переведенцев В.И., Воронина Н.А. Московский регион: миграция и миграционная политика. Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. 1999. № 3. С. 7.
- 12 Там же. С. 42–44.
- 13 Население России – 1995. Третий ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 1996. С. 86.
- 14 Суммарный коэффициент рождаемости показывает, сколько в среднем детей родит женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) при сохранении достигнутого уровня рождаемости.
- 15 Демографический ежегодник России, 2007. М.: Росстат, 2007. С. 96–98.
- 16 Метро. 2006. 23 сентября.
- 17 Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н. Указ. соч. С. 16–18.
- 18 Возможно, качество медицинской помощи – один из московских мифов, но для пожилых людей это является практически неоспоримым.
- 19 Назарова Е. Миграция в столицах и крупных городах мира (со ссылкой на: Friedmann J., Lehrer I.A. Urban Policy Responses to Foreign In-migration // Journal of the American Planning Association. 1997. Vol. 63. No. 1. P. 61–68) // Этнодиалоги. 2008. № 2 (28). С. 74.
- 20 Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н. Указ. соч. С. 7.
- 21 Пространственно-временной анализ системы расселения Московского столичного региона. Препринт / Под ред. Н.В. Петрова. М.: ИГАН, 1988. С. 85.
- 22 Смидович С.Г. Указ. соч. С. 37.
- 23 Пространственно-временной анализ системы расселения Московского столичного региона. С. 85.
- 24 Вендина О. Мигранты в Москве – рост этнокультурного разнообразия или социальной напряженности? // Миграция и урбанизация. Под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 1999. С. 302.
- 25 Арутюнян Ю.В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социологические исследования. 2005. № 1.
- 26 Демина Н. Москва слезам не верит: межэтнические проблемы мегаполиса // Полит.ру. 2006. 10 ноября.
- 27 Сколько русских осталось в Москве? // Сайт «Русская цивилизация» [<http://www.rustrana.ru/article.php?nid=3209>].
- 28 Михаил Москвин-Тарханов, депутат Мосгордумы. Нельзя допустить появления гетто // Москва. Тематическое приложение к газете «Известия». 2006. 15 июня. № 104.
- 29 Москва и регионы. 2008. Март. С. 56.
- 30 Арутюнян Ю.В. Указ. соч.

О.И. Вендина

Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве

На обсуждение выносится гипотеза о том, что этническая саморепрезентация является важнейшей формой интеграции меньшинств в принимающее сообщество, поскольку она позволяет носителям разных этнокультурных традиций выводить свой значимый мир за рамки частной жизни и встраивать его в общий городской порядок. В центре внимания находится вопрос о правомерности отнесения представителей этнических групп, проживающих в Москве, к этническим меньшинствам. На базе материалов московских исследований, данных статистического учета и переписи 2002 года проведен анализ численности, состава и особенностей расселения москвичей с разной этнической самоидентификацией, оценивается угроза фрагментации городского пространства Москвы и этнической сегрегации. Рассматривается вопрос, как политика властей и общественное мнение соотносятся с растущим культурным разнообразием. Особое внимание уделено связи проводимой в городе этнокультурной политики и общественных дискурсов, касающихся миграции и межэтнических отношений. Описаны основные каналы репрезентации и легитимации этничности в Москве.

Этнокультурная самоидентификация – одна из важнейших характеристик человека, предопределяющая для него многие ориентиры в окружающем мире. У людей чувство общности так долго ассоциировалось с родным языком, культурой, национальными корнями, родом, что теперь очень трудно приспособить эту унаследованную идентичность к новым реалиям, когда под давлением миграции стремительно меняется структура населения российских городов и уходит в прошлое привычная этнокультурная однородность. Возни-

кающее новое городское сообщество объединяет множество индивидов с самыми разными этническими корнями и происхождением. Космополитизм, присущий ранее лишь немногим крупнейшим городам мира, становится нормой жизни, индикатором успешности и развитости, включенности города в мировые процессы. О значимости и культурной продуктивности города судят по разнообразию этнической структуры его населения, свободе и легкости этнического самовыражения, частоте и активности культурных репрезентаций, широте спектра возможностей для реализации разных типов поведения и образов жизни.

Обратной стороной стремительного роста разнообразия стало усиление тенденций к культурному и социальному размежеванию ради сохранения привычной картины мира и устоявшейся системы социальных ориентиров. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в обществе оказались тесно связанными, исключая возможность однозначной интерпретации одних и тех же явлений. Разнообразии, не освоенное и не трансформированное в социальный капитал, стало опорой деструктивных процессов, о чем свидетельствуют конфликты, социальные по сути, но межэтнические и межкультурные по форме, периодически возникающие в российских городах. Достаточно вспомнить Кондопогу. Россия, несмотря на всю свою многонациональность, только открывает для себя опыт тесных межкультурных контактов. Поднимающаяся волна этнокультурного самовыражения вызывает острую реакцию у большинства населения, замешанную на обидах и многочисленных фобиях. Политики подливают масла в огонь, эксплуатируя слабости и предрассудки общества. Следуя за стереотипами общественного мнения, они не стыдятся использовать националистические и квазипатриотические лозунги в электоральных кампаниях, обеспечивая себе поддержку избирателей.

Приходится признать, что рост культурного разнообразия стал одним из факторов, будоражащих и дестабилизирующих общество. Большинство населения оказалось неспособным проявить такие высокие душевные качества, как психологическая гибкость, широта взглядов, терпение и толерантность, согласие принять в свое сообщество новых членов, заведомо находящихся на более низкой социальной ступени¹, предоставив им не только социальные гарантии,

но и право на самовыражение. Напротив, не чувствуя личной потребности в культурном диалоге и испытывая дискомфорт от постоянных контактов с носителями иных поведенческих установок, нарушающих устоявшиеся представления о «цивилизованных» нормах жизни, люди стали воспринимать рост культурного разнообразия как разрушение привычной картины мира, как внешнее насилие и угрозу. Возникла потребность в самозащите, а не желание принять и защитить других.

Похожую реакцию демонстрируют и приезжие, новые москвичи, пополняющие ряды этнических меньшинств. Столкнувшись с городской культурой столицы, высоким темпом и насыщенностью жизни, ее разнообразием и показной раскованностью, они нередко бывают шокированы состоянием «цивилизации», в которую они намерены интегрироваться и с которой они связывают будущее своих детей. У них «свои» взгляды и другие «нормы», и они видят свою миссию в их продвижении ради улучшения общей ситуации.

Каждая из сторон, утверждая свою правоту, вооружена целым арсеналом культурных аргументов, стереотипов, мифов, историй и образов, работающих как на культурную интеграцию, так и против нее.

Вызов, брошенный большинству, и переживаемый им кризис утраты культурного доминирования невольно порождают конфликты, которые невозможно разрешить только средствами, направленными на развитие толерантности, по крайней мере в существующих сегодня формах. Дело здесь не в агрессивности или косности большинства, не желающего сдавать свои позиции, или в необучаемости меньшинств, а в глубинных принципах существования общества как целого, в необходимости установления баланса между соблюдением гражданских прав и обязанностей. Как подчеркивает Амитай Этциони, естественные в условиях демократического общества требования соблюдения прав дискриминированных или ощущающих себя дискриминированными групп способны выродиться в борьбу за групповые привилегии. Современный «трайбализм» акцентирует различия, существующие в обществе, размывая основы социальной солидарности и приводя к внутренним трениям, противостояниям и фобиям. Учитывая, что именно общество как целое обеспечивает соблюдение прав каждого, поддержание его устойчивого развития требует одновременного сосредоточения на вопросах соблюдения

«прав» и взаимных «обязательств», поддержании общих ценностей, социальных институтов и политики в интересах всех².

Поиск консенсуса при определении общих интересов делает особенно важным изучение взаимодействия большинства и меньшинств в ситуации их наиболее тесного соприкосновения – в городах. Мы должны ответить на вопросы, как политика властей и общественное мнение соотносятся с растущим культурным разнообразием, особенно там, где это выливается в реальную фрагментацию городского пространства и сегрегацию? Как различные этнические культуры вписываются в городской ландшафт, где и как им удастся закрепиться в публичном пространстве города, где возникают точки соприкосновения культур, какие формы принимает их взаимное «притирание»? Если тесные межкультурные контакты не приводят к возникновению нового культурного целого, то город рискует постепенно превратиться в скопище людей и источник конфликтов, порождаемых сегрегацией, взаимонепониманием, неприязнью и подозрительностью.

Этнические меньшинства в Москве: особенности состава и расселения

За прошедшее столетие Москва во второй раз переживает стресс реструктуризации этнического состава своих жителей³. Согласно городской переписи 1923 года, наиболее заметными этническими группами в безусловно русской Москве были выходцы из западных провинций Российской империи, в то время более мобильные и более образованные (евреи – 5,58%, поляки, немцы, литовцы, латыши, эстонцы, белорусы, украинцы – 3,2%, татары – 0,8%, армяне – 0,3% и грузины – 0,09%). В советский период соотношения между этническими группами постепенно менялись, отразив одновременно изменение направлений миграционных потоков – нерусское население теперь прибывало в столицу преимущественно с «юга» и «востока» – и ассимиляционную национальную политику, подменявшую задачу выработки политической идентичности банальной русификацией. Более высокий социальный статус русских как доминирующей нации способствовал смене идентичности и сужению

нерусской части этнического спектра Москвы. Вплоть до конца 1980-х годов, несмотря на все рассуждения о многонациональности столицы, объединяющей представителей 120 народов, этническая структура населения города оставалась на удивление моноэтнической (доля русских достигала 90%) и стабильной. Список меньшинств возглавляли украинцы (2,8%), евреи (2%) и татары (1,8%).

Законсервированная в советские годы ситуация была распечатана лишь в начале 1990-х годов, когда в связи с либерализацией политической и экономической жизни, системным кризисом и развалом СССР в движение пришло население на всем постсоветском пространстве. Миграционное давление с «юга» привело к тому, что в Москве выходцы с Кавказа превратились в наиболее заметную группу, примерно равноценную по численности украинцам и белорусам и более представительную, чем татары, давно живущие в симбиозе с русскими. Зримым стало и присутствие китайцев, вьетнамцев, таджиков, узбеков и киргизов⁴.

Количественный рост новых членов городского сообщества сопровождался не только их выходом на рынок труда, но и культурной интервенцией в публичную сферу городской жизни. Возникли ассоциации, формируемые по региональному, религиозному, этническому или языковому принципу, национальные школы и университеты, печатные и электронные СМИ, сети национального питания, рестораны и магазины. Новые группы, консолидируясь и обретая своих лидеров, заявляли о своих правах, опираясь на требования реализации прав человека, в число которых входит свобода вероисповедания, выражения своих убеждений и проявлений культурной идентичности. В результате культурное пространство города стало быстро меняться. Привычка к этнической стерильности и унифицированности повседневной жизни, обретенная в советские годы несколькими поколениями москвичей, была нарушена. Миграция – основной источник пополнения человеческих ресурсов столицы, роста культурного разнообразия и поведенческих девиаций, стала трактоваться как этническая экспансия (кавказская, китайская, среднеазиатская) и угроза стабильности развития московского социума.

В 2000-е годы данная тенденция сохранилась. Несмотря на то, что среди «новых» москвичей, добавившихся к жителям Москвы после переписи 1989 года, русские составили большинство – 845 тысяч

из полутора миллионов, общее ощущение этнического давления не изменилось. Согласно выводам участников проекта «Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия», реализованного в Центре исследований межнациональных отношений Института социологии РАН, это объясняется высокими темпами прироста отдельных этнических групп. Зримое и быстрое увеличение численности выходцев с Кавказа и из Средней Азии запустило механизмы мигрантофобии, превратившейся в этнофобии, которые затем перекинулись и на соответствующие этнические группы постоянного населения Москвы⁵.

Действительно, если судить по относительным показателям, прирост числа русских (на 11%) был более скромным, чем прирост всего населения Москвы (на 17%), а темпы роста – намного меньшими, чем у других этнических групп, в частности, численность грузин выросла в 2,7 раза, армян – в 2,8, азербайджанцев – в 4,8 раза. Однако в этом нет ничего драматического, хотя обычно подобные данные ис-

Таблица 1. Этнический состав населения Москвы по данным переписей населения

Этнические группы*	Данные переписей (%)									
	1912	1926	1939	1959	1970	1979	1989	1994	2002	
Русские	95,3	87,5	87,4	89,5	89,3	90,2	89,7	90,5	84,82	
Украинцы	0,2	0,8	2,2	2,3	2,6	2,6	2,8	2,4	2,45	
Татары	0,6	0,8	1,4	1,5	1,5	1,6	1,8	1,9	1,6	
Евреи	0,4	6,5	6,0	4,1	3,5	2,8	2,0	1,5	0,76	
Белорусы	...	0,2	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,56	
Армяне	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,5	0,7	1,19	
Азербайджанцы	0,07	0,1	0,2	0,3	0,92	
Грузины	0,05	0,1	0,13	0,15	0,2	0,2	0,5	
Народы С. Кавказа	0,05	0,05	0,07	0,55	
Народы Поволжья	0,3	0,48	
Не указавшие национальность	4,2	

*В таблице приведены данные только для наиболее представительных этнических групп.

пользуются в качестве «страшилки». Прирост практически «с нуля» всегда впечатляет: рост с единицы до двух дает удвоение, а с 1000 до 1001 – не заметен. К тому же привычные для москвичей «старожильческие» этнические группы продемонстрировали статистическую устойчивость и стабильность, число украинцев осталось почти без изменений, численность татар увеличилась всего на 6%, а белорусов сократилось на 20%. Только численность евреев снизилась вдвое в результате эмиграции и естественного движения населения.

В 2000-е годы заметное влияние на этническую ситуацию в Москве стали оказывать и внутренние процессы. Во-первых, некоторое «омоложение» столицы за счет миграции привело к небольшим сдвигам в демографических трендах и к повышению «веса» представителей этнических групп среди детей и молодежи. Во-вторых, институционально оформилось стремление к национальному самоутверждению, начала складываться этнически окрашенная система образования. В-третьих, негативное отношение к этническим группам вышло из сферы предрассудков на первый план, став инструментом одновременно этнокультурного размежевания и внутригрупповой солидаризации, агрессивный национализм превратился в рядовое явление, равнодушно воспринимаемое обществом, участились случаи убийств представителей этнических меньшинств. Наконец, все отчетливее стала проявляться этническая сегрегация, закрепляющаяся в городском пространстве.

Анализ деперсонифицированной базы данных ЗАГС за 1993–2003 годы, где помимо гражданских актов зафиксированы сведения о месте проживания человека, его социальном статусе, этнической принадлежности и гражданстве, позволил с высокой степенью достоверности реконструировать ситуацию в Москве накануне экономических и политических реформ и выявить сдвиги, произошедшие в постсоветское время. Данные об «умерших» отражают картину, характерную для предшествующего исторического этапа, а данные о «новорожденных» позволяют судить о настоящем, поскольку в свидетельствах о рождении указываются сведения о родителях. У этого источника данных есть и другое преимущество: учет смертности и рождаемости – это наиболее полный охват реального населения Москвы. Случаи рождения и смерти регистрируются независимо от прописки, легального или нелегального проживания в городе.

Итак, если взглянуть на реконструкцию этнической карты советской Москвы, то она поражает своей контрастностью и выраженностью пространственных предпочтений, отчетливыми границами между ареалами проживания наиболее представительных в то время этнических меньшинств – украинцев, евреев и татар (рис. 1–3). Украинцы наилучшим образом были представлены в западном секторе города, евреи – в центре, на юго-западе и северо-западе, а татары – преимущественно на юге, юго-востоке и севере столицы, сохраняя свои традиционные ареалы исторического расселения в центре. Однако было бы серьезной ошибкой полагать, что столь очевидные пространственные различия были связаны с этнической сегрегацией и этническими предпочтениями в выборе места жительства.

В советское время свобода выбора жилья была крайне лимитирована, а география расселения этнических меньшинств была детерминирована социально-профессиональными характеристиками людей и уровнем образования⁶, которые и определяли пространственную мозаику расселения этнических групп. Те, кто обладал более высоким уровнем образования и, как следствие, социальным статусом, имели «говорящие» адреса. Поскольку престиж при социализме зависел от возможности распоряжаться властными и культурными ресурсами, то районы преимущественного проживания номенклатуры и интеллигенции ценились более всего. Адрес человека был его визитной карточкой, символом успешности и определенной гарантией благоприятной социальной среды. Поэтому неудивительно, что повышенная доля украинцев в составе партийно-хозяйственной элиты отразилась и на их большей концентрации в западном секторе города, вдоль традиционно правительственной трассы – Кутузовского проспекта. Доля евреев, известных своей социальной мобильностью, оказалась выше не только в центре, но и в районах строительства кооперативного жилья – инновационного проекта советского времени. Татар, напротив, было больше в рабочих районах Москвы, где активно строилось ведомственное жилье индустриальных гигантов, привлекавших рабочих «по лимиту».

Самые привлекательные кварталы в центре, западном и юго-западном секторах города, а также вдоль главных столичных проспектов, служивших витриной Москвы, были и самыми многонациональными, о чем свидетельствует расселение русского большинства (рис. 4).

На карте четко проявляется зона понижения доли русских в самых престижных частях города, образующая своеобразную «промоину». Предвзятый взгляд на данную карту дает повод для спекуляций относительно дискриминации русских, «оттесняемых» от наиболее лакомых кусков городского пирога, но не имеет ничего общего с реальностью. Приток представителей этнических меньшинств в Москву при советской власти имел характер «утечки мозгов» и квалифицированных управленческих кадров из национальных республик, что и отразилось на их расселении. Лишь на излете советской эпохи неудовлетворенная потребность промышленных предприятий в рабочих руках компенсировалась за счет их рекрутирования в Средней Азии и даже Северной Корее и Вьетнаме.

Этнический ландшафт современной Москвы значительно изменился, хотя следы прежней советской картины еще отчетливо проступают. Сегодня доминирующую роль в формировании межквартальных различий играют имущественные факторы, а этническую составляющую больше нельзя сбрасывать со счетов. Расселение этнических мигрантов, с российским гражданством и без него, обладает выраженной пространственной спецификой. Выбор россиян значительно менее лимитирован финансовым фактором; нехватка денег для покупки жилья, типичная для подавляющего большинства москвичей, компенсируется наличием родственных связей, а также включенностью в различные московские программы улучшения жилищных условий, сохранившиеся с советского времени. Как показывает карта расселения русских в постсоветской Москве (рис. 5), главные сдвиги в этническом составе населения произошли прежде всего в южном секторе города, обладающем самым обширным и самым новым жилым фондом. Именно здесь велось массовое жилищное строительство в 1980–1990-х годах. Расселение «не россиян» связано почти исключительно с особенностями жилого фонда Москвы и функционирования рынка жилья (рис. 6). Мигранты без российского гражданства покупают или арендуют «дешевые» квартиры в наименее привлекательных кварталах, соседствующих с промзонами. К тому же там сосредоточены и многие московские общезжития. Фактор родственных связей также нельзя сбрасывать со счетов. Однако, надо полагать, малогабаритные московские квартиры остужают теплоту родственных чувств, способствуя раздельному

проживанию москвичей и их родственников из новых независимых государств.

Наиболее дисперсным расселением в столице отличаются украинцы и белорусы (рис. 7), к которым в Москве относятся доброжелательно несмотря на конфликтность межгосударственных отношений. Наиболее контрастное расселение характерно для азербайджанцев (рис. 8, 9). Для них город расколот по оси север–юг на две неравные части, в одной из которых (на западе и юго-западе) азербайджанцы сравнительно малочисленны и не образуют сколько-нибудь значительных компактных групп, за исключением самых удаленных окраин, зато в другой наблюдаются прямо противоположные тенденции. Это свидетельствует о наличии внешних обстоятельств, подталкивающих азербайджанцев к компактному проживанию. Помимо материального положения свою роль играет неприязненность. Карим Абдулов, показывая синяки и царапины на голове, рассказывает о своей поездке в Теплый Стан: «...со скинхедами пообщался. Это здесь, в Гольянове, их нет. Они знают, что азербайджанцев тут много и что мы сможем ответить». Судейб Гасымов за десять лет жизни в Москве сменил пять квартир в Восточном округе и помог в нем обосноваться многим своим землякам, поскольку «здесь проще найти работу и жилье».

Конечно, факт расселения экономических мигрантов в районах сравнительно дешевого жилья легко объясним и понятен, но наличие межсекторальных межэтнических контрастов настораживает. Качество жилья и условия жизни в московских микрорайонах на окраинах весьма похожи, различия связаны со сложившейся репутацией места, которая более благоприятна в западном и юго-западном секторах Москвы. Следовательно, в качестве факторов, затрудняющих проникновение иноэтнических мигрантов в тот или иной район, работают не только экономические факторы – цена покупаемой или арендуемой жилплощади, но и социальные – статус жителей и престиж места.

Размежеванию способствует и политика городских властей. Конечно, в планы правительства Москвы не входит формирование компактных ареалов расселения этнических меньшинств, скорее наоборот. Однако многие решения обрастают со временем «побочными» последствиями. Так, возникли зоны компактного расселения армян в

Новых Черемушках, куда поселяли пострадавших от Спитакского землетрясения, и в Востряково, где временно в домах, предназначенных на снос, расселили армян, бежавших от погромов в Баку, Сумгаите, военных действий в Нагорном Карабахе. Строительство храмовых комплексов, открытие национально-религиозных образовательных центров и школ, создание мемориальных символов, значимых для национальных общин, в местах повышенной концентрации этнических меньшинств, как в Отрадном, на шоссе Энтузиастов, в Люблино или Южном Бутово, становится дополнительным стимулом не только для духовной, но и для территориальной консолидации этнических групп. Сказывается и наследие советского времени, политика концентрации общежитий промышленных предприятий вблизи мест приложения труда по принципу «завод – поселок», основная масса которых сосредоточена в Юго-Восточном, Южном и Северном административных округах. Общежития стали не только первым приютом мигрантов, но и местом их постоянного проживания, московским адресом. Многие общежития, часто состоящие из нескольких зданий, были выкуплены или арендованы китайцами и вьетнамцами, практически превратившись в анклав. Так же активно арендуется и советский гостиничный фонд, давно не соответствующий стандартам комфорта. Власти в целом спокойно относятся к этой практике, возникающая община контролируется внутренними лидерами, имеющими прямой контакт с милицией, да и сами обитатели этнических общежитий спокойней ощущают себя в «своей» среде.

Что нового о Москве мы узнали из переписи 2002 года?

Проведение переписи 2002 года в Москве было резко раскритиковано из-за многочисленных нарушений, серьезных организационных и методических изъянов⁷. Ее результаты были скомпрометированы, во-первых, из-за низкого качества подготовки переписчиков, способных правильно заполнять переписные листы и сознательно опускавших ответы на многие вопросы для ускорения процесса, искренне полагая их «второстепенными» или же в силу непонимания. Во-вторых, из-за недостаточного охвата населения переписью и большого количества отказов от участия. Согласно данным опроса

«Общественное мнение», проведенного Фондом по свежим следам переписи в конце октября 2002 года, реально на вопросы переписчиков отвечали только 34% москвичей, переписные листы часто заполнялись со слов соседей и родственников, порядка 20% жителей города вообще не были охвачены переписью. Из-за недоверия широко использовалась тактика «закрытых дверей», было трудно войти не только в квартиру, но и на этаж или даже в подъезд. **В-третьих**, широко применялось административное давление. Городские власти оказались заинтересованы в завышении численности населения города, что было продиктовано разными мотивами, – от статусного представления о мегаполисе с населением, превышающим 10 млн человек, до вполне меркантильных соображений о росте бюджетного финансирования, рассчитываемого исходя из числа жителей. Не последнюю роль играли и сведения о многотысячных отрядах нелегальных мигрантов, наводнивших Москву. Необходимо было найти официальное подтверждение этого факта, что во многом оправдывало дискриминационно-репрессивную миграционную политику и сохранение, в виде исключения, антиконституционной практики регистрации приезжих в столице. **В-четвертых**, нехватка собранной переписчиками информации компенсировалась данными о «прописке» и сведениями регистрационных карточек гостиниц и общежитий, использованных в полном объеме без учета сменяемости постояльцев сразу за несколько лет. В результате многие были переписаны дважды – по месту жительства и по месту прописки. **В-пятых**, перепись вообще не коснулась крупных рынков, что вызвало, например, обиду азербайджанской общины, готовившейся помочь властям и выделить переписчиков из своих рядов. Одновременно через префектуры шел «вброс» пустых переписных листов, которые заполнялись произвольно, с большим количеством пропусков.

Свидетельства наблюдателей за проведением переписи в Москве настолько красноречивы, что невозможно удержаться и не напомнить события 2002 года. «Сотрудник управы “Кузьминки” рассказал, что с 9 октября его и всех остальных работников управы завалили “распечаткой из милиции на плохом струйнике” на временно зарегистрированных в Москве граждан СНГ, причем “обязали вписывать в анкету переписи всех тех, у кого срок регистрации закончился в 1994, 1995, 1996 и т.п. годах. За два дня мы их “переписали”. Если

человек – гражданин Грузии, писали ему национальность грузин, Азербайджана – значит азербайджанец, если из Дагестана – дагестанец. В распечатке МВД не было указано, состоит человек в браке или нет, поэтому мы через одного писали: женат, не женат, женат, не женат. Не успели мы закончить “перепись” данных из милиции, как пришли списки из ЖЭО. Гадали с национальностью, работой и семейным положением: семейное положение определяли по сходству фамилий, национальность – приблизительно: Геворкян – армянин, Гонидзе – грузин, а всем остальным писали – русский. В итоге из тех, на кого документы пришли из ЖЭО, у нас “получилось” 99% русских. ... Место работы писали так: строительный отдел управы записывал всех строителями, социальный – музыкантами и учителями, торговый – продавцами. Больше всего писал социальный отдел, но под конец запрягли всех, писала даже секретарша зам. главы, только секретарша главы управы вроде не писала. Я лично “переписал” 500 человек (за это получил премию 2500 рублей), а всего в управе писали более 10 человек, писали с 10 утра до 20–21 часа, один раз даже до 22 часов. Писали допоздна, потому что не успевали: за день до окончания переписи у нас было “переписано” только 7,5 тысяч человек, а в итоге мы написали 10,5 тысяч. По-честному переписаны по нашему району только 1,5 тысячи человек. Еще 1,5 тысячи мы “переписать” не успели: их дописывали уже в префектуре. Так было не только в нашей, но и во всех управах Москвы: в одну из управ ЮВАО пришло указание, чтобы не ставили национальность: вы там фигню пишете, химичите, мы лучше сами ее проставим. И действительно: таких наций, как мордва, чуваша, коми, карелы, там не оказалось ни одного человека. ... Национальность нерусских записывали по месту рождения, и в массовом порядке появилась такая несуществующая национальность, как дагестанец. В конце пошли данные с рынков и предприятий, в которых место жительства “постоянных жителей” было указано как “рынок”, “завод” и т.д.»⁸

Все перечисленные обстоятельства, безусловно, удручают и заставляют подвергнуть серьезному сомнению результаты переписи в Москве. Вместе с тем перепись является документом, которым невозможно пренебречь как в силу особого статуса, так и в силу массовости и единовременности проводимого опроса. Поэтому, держа в голове возможные ошибки и подтасовки, все же попытаемся отде-

лить зерна от плевел, с максимальной осторожностью подойдя к интерпретации результатов переписи, что особенно важно в столь чувствительной сфере, как внутригородские сдвиги в этническом составе населения и расселении этнических групп. Ведь именно на основе этой информации делаются выводы о масштабах этнической сегрегации и формировании этнических кварталов в Москве.

Первый и ключевой вопрос – это **общая численность населения города и его районов**, которая важна не сама по себе, а как знаменатель, позволяющий определить «вес» каждой из этнических групп в каждом из районов Москвы.

После реформы административно-территориального управления столицы 1993 года определение численности населения районов стало большим вопросом для московского статистического ведомства. Изменение экономической и политической ситуации в стране привело к резкому росту мобильности населения, интенсификации внутригородских и внешних миграций. Однако никаких новых инструментов верификации сдвигов в расселении москвичей и изменении их численности не появилось. Основу базы данных о населении составляли, как и раньше, паспортные столы и текущий демографический учет (рождаемость, смертность, миграции). Микрперепись 1994 года, охватившая 5% населения Москвы, позволила все же как-то свести информацию из разных источников и определить более или менее достоверно численность населения. Согласно этим данным, в пределах городской черты в столице проживали 8,7 млн человек – 8,52 млн приходились собственно на Москву и 183 тыс. – на Зеленоград⁹. Близкие цифры назывались и накануне переписи 2002 года.

Данным этим никто не верил, в СМИ постоянно циркулировали оценки гораздо более высокой численности населения столицы и особенно подчеркивалось огромное число никем не учтенных нелегальных мигрантов. Накануне переписи «эксперты» националистического «Движения против нелегальной иммиграции» (ДПНИ) опубликовали добросовестно собранный список различных оценок численности этнических меньшинств в столице. Скрупулезная работа авторов дала впечатляющий результат – в городе живут более 12 млн, причем на долю русских приходится не более трети населения, все остальные – «иностранцы». Несмотря на очевидную для ис-

следователей бессмыслицу приведенных подсчетов и полученного результата, обилие цифр и имитация логической строгости доказательств – все учтено и все подсчитано, а также апелляция к солидным государственным органам защиты правопорядка и авторитетным изданиям создавали иллюзию правдоподобия, способствуя объективизации мифов.

В том же ключе, как ни странно, выступил и мэр Москвы Юрий Лужков, который подвел первые итоги переписи, объявив 15 ноября в выпуске вечерних новостей на московском канале ТВЦ численность населения столицы – 10,5 млн постоянного населения и 3 млн временно пребывающих на территории города. Новость отражала ощущения горожан, подтвердив субъективную уверенность в том, что «понаехали». Окончательная цифра, опубликованная в официальных источниках Росстата, составила 10,383 млн, из которых 10,167 млн проживают в черте Москвы и еще 215,7 тыс. человек – в Зеленограде. Однако до сих пор остаются множественные разночтения относительно численности населения Москвы: говорят о зарегистрированном населении, наличном населении, дневном населении и т.д., то прибавляя, то отнимая мифологизированную группу «нелегальных», часто маятниковых мигрантов.

Если опираться на данные статистического учета и переписей 1989 и 2002 годов, то **прирост населения Москвы составил более полутора миллионов. Возникает естественный вопрос, где расселились новые горожане?** Острота жилищной проблемы в Москве хорошо известна, так же как и недостаточная обеспеченность семей жилплощадью. В 1992 году на одного москвича приходилось 19 кв.м общей площади, в 1997 – 20,3 кв.м, в 2000 – 21,4 кв.м. В эти годы строили относительно мало, однако статистическое сокращение населения Москвы способствовало росту числа квадратных метров на человека. В 2003 году данный показатель, пересчитанный на новую численность населения, упал до 18,4 кв.м, ниже советского уровня, несмотря на то, что с 1990 по 2002 год в Москве было построено 16,1 тыс. кв.м жилья, прибавивших по 9,7 кв.м. общей площади на одного новосела¹⁰. Даже в 2007 году при всех масштабах жилищного строительства в Москве, что, правда, слабо отражается на реальном, а не статистическом улучшении жилищных условий москвичей, среднестатистическая обеспеченность жильем поднялась лишь до 20,4

кв.м. Такая стесненность не оставляет простора для нормального функционирования рынка жилья. Ведь в Москве численность нуждающихся в улучшении жилищных условий, исходя из минимальных социальных стандартов, составляла в 2002 году 1,67 млн человек, порядка 400 тыс. семей.

Получается, что почти 2 млн приезжих либо обитают в многочисленных муравейниках, расставленных в разных местах города, ютятся в крошечных комнатухах, либо они сильно «уплотнили» москвичей. Конечно, можно привести примеры перенаселенных общежитий или квартир, снимаемых на бригаду, многочисленных подтасовок документов и обманов одиноких стариков или алкоголиков, выселяемых из квартир, покупок и обменов на рынке жилья. Но все это явления разного масштаба.

Гораздо более правдоподобной выглядит версия о наличии довольно большого парка свободного жилья в Москве. Это ставит под сомнение реалистичность показателей среднестатистической обеспеченности москвичей жилплощадью. Поскольку дорогие квадратные метры в столице – предмет куда менее текучий и гораздо лучше учитываемый, чем численность населения, то, следовательно, искажает ситуацию неверно определенная численность.

Действительно, естественная убыль постоянного населения Москвы за годы после распада СССР до переписи 2002 года составила 839,5 тыс. человек. Кроме того, за тот же период за пределы страны эмигрировали не менее 100 тыс., а по сути отток был намного больше, поскольку эмиграция из Москвы резко активизировалась уже во второй половине 1980-х годов, и многие из отъезжавших на постоянное место жительства делали это по временным туристическим, учебным или рабочим визам. В начальные постсоветские годы заметным был и миграционный отток в другие регионы страны и СНГ. 1991–1993 годы были действительно «черными» для Москвы, экономический кризис и резкое падение промышленного производства спровоцировали возвратные миграции работников, рекрутированных промышленными предприятиями. В итоге суммарные потери «коренного» населения города к 2002 году составили более миллиона человек.

В Москве образовалась значительная свободная ниша на рынках труда и жилья, что и объясняет, почему город худо-бедно, но смог

функционально «переварить» столь массивный приток мигрантов без особых жилищных потрясений и нарушений в работе общественного транспорта. Однако вряд ли можно предположить, что новые мигранты заняли все «освободившиеся места». Скорее ситуацией воспользовались сами москвичи, в том числе и перепродавая или сдавая освободившуюся жилплощадь.

Следующий вопрос и источник сомнений – это **распределение «дополнительного» населения по территории города**. Как и следовало ожидать, наиболее масштабный рост населения перепись зафиксировала на окраинах (рис. 10). Чем больше была численность населения районов и чем дальше они располагались от центра, тем больше был и наблюдаемый рост. Корреляция этих показателей составляет $k=0,62$. Несмотря на доминирование данной логики, все же наблюдаются и явные отклонения.

Во-первых, крайне нелогично выглядит ситуация в Центральном округе и примыкающих к нему районах. В историческом центре Москвы на протяжении многих десятилетий население сокращалось, нижние социальные страты и московская интеллигенция, обитатели коммуналок, улучшали жилищные условия и уезжали на окраины, замещаясь более респектабельными обитателями. В постсоветские годы процессы социальной реструктуризации и обуржуазивания центра резко ускорились, шло интенсивное обновление. Коммуналки были расселены уже к 1998 году, офисная экспансия захватила и жилой сектор, способствуя массовому переводу помещений из категории «жилые» в «нежилые», аварийное жилье сносилось целыми кварталами, как на Сретенке или Остоженке, строились новые «элитные» дома. Размеры квартир в центре резко выросли, а размеры домохозяйств сократились. Если в 1991 году средняя обеспеченность жильем в районах центра составляла 23,3 кв.м, то сегодня она самая высокая в городе – более 25 кв.м. Сошлюсь на авторитетное мнение Владимира Ресина – первого заместителя мэра Москвы и руководителя комплекса архитектуры, строительства, развития и реконструкции города. Он полагает, что массовая застройка центра приводит к сокращению числа его жителей, *«никакое перенаселение центру Москвы не грозит. Сегодня в центральной части города живет значительно меньше людей, чем несколько десятилетий назад. И это понятно. Когда-то в среднем на одного москвича приходилось*

6–7 квадратных метров жилья. Теперь – 20 и более»¹¹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что перепись показала сокращение численности населения в Красносельском районе на 7,9 тыс. человек, Тверском – на 3,3 тыс., Дорогомиловском – на 3,5 тыс., Алексеевском – на 1,9 тыс. Практически без изменений осталась численность населения Арбата и Якиманки. Хотя и там число жителей, даже учитывая категорию временного населения, скорее всего, сокращается.

Эта логика почему-то меняется в Мещанском районе, где в начале 1990-х годов половину жилого фонда составляли коммуналки: здесь население выросло на 5,3 тыс. Этот рост населения особенно ярко выделяется на фоне соседних депопулирующих Тверского и Красносельского районов. Но Мещанский не одинок, на Таганке численность населения увеличилась на 4,9 тыс., в Хамовниках – на 9,1 тыс., в Басманном – на 8,7 тыс., в Даниловском, который журналисты любят называть российским Ватиканом, – на 19,7 тыс. человек! Объяснить такой рост можно только «приписками» к населению торгующих на рынках или работающих на промышленных предприятиях. Бывший рынок в Лужниках явно поспособствовал росту населения Хамовников, Бауманский рынок – населения Басманного района, Даниловский рынок вкупе с расположенными по соседству промышленными предприятиями и их общежитиями обеспечил рост населения Даниловского района. В общем, можно гадать, но нельзя угадать, откуда взялись такие цифры.

Столь же нелогично выглядит и сокращение населения в некоторых окраинных районах Москвы, таких как Молжаниновский, Северное Медведково, Лианозово, Ясенево, Теплый стан и пр.

Во-вторых, крупные рынки, такие как Митинский, Тушинский, Черкизовский, Щелковский, Савеловский, Горбушкин двор, Петровско-Разумовский и другие, совершенно явно и сильно исказили сведения о населении. Наглядный пример искажений – четыре соседних района, очень схожих по характеру жилого фонда, социальной структуре населения, транспортной доступности и местоположению, расположенные между Лосиным островом и Измайловским лесопарком. Осью этой группы районов является Северное Измайлово, где рост населения составил всего 3,2 тыс. человек, а вот в окружающих его районах случился демографический бум: Гольяново выросло на

23,5 тыс. человек, Измайлово – на 14,6 тыс., а Восточное Измайлово – на 16,6 тыс. Суммарно – на 54,7 тыс. Это целый новый город. При существующих негативных трендах естественного движения населения такой прирост нельзя объяснить масштабным жилищным строительством, которое было развернуто, например, в Гольянове.

В-третьих, перепись зафиксировала наиболее значительную прибавку населения на южных, юго-восточных, западных и северо-западных окраинах города, где согласно общественному мнению и должны были «скапливаться» мигранты. Меньше всего «росту» оказались подвержены районы западного и юго-западного секторов, несмотря на то, что они на протяжении последнего десятилетия являются лидерами жилищного строительства. Видимо, охраняли престиж районов. Такая избирательность заставляет предполагать, что **результаты переписи имеют отчасти дискурсивную природу, отражая не только реальную ситуацию, но и представления о том, какой она должна была бы быть.**

Все перечисленные факторы привели к заметному изменению картины распределения населения по территории города (рис. 11), сформировав образ перенаселенных окраин и вызвав к жизни неомальтузианство. На страницах газет регулярно появляются интервью с угрожающими предостережениями, вроде «Москва катастрофически перенаселена и трещит по швам», «Москва просто не выдержит такого роста населения», «проблема перенаселения Москвы создает сложности в культурной сфере», «неблагоприятная экономическая обстановка в регионах грозит Москве перенаселением» и т.д.¹² Такая озабоченность вполне понятна, ведь новая численность населения города привела к резкому ухудшению всех показателей социальной и бюджетной обеспеченности москвичей. Приведение их «в норму» требует значительного увеличения финансирования. Все упирается в городской бюджет и приоритетные статьи расходов. Отсюда и новые призывы ограничить рост города, «не пущать», как будто города растут или «умирают» по воле чиновников и не было советского опыта ограничения роста столицы.

Если количественная характеристика состава населения Москвы и его распределения по районам города вызывает множество вопросов, то еще сложнее дело обстоит с **качественной интерпретацией переписных данных**, поскольку значительные группы людей не

распределены по категориям. Это касается абсолютно всех показателей¹³, но особенно негативно отражается на этническом составе населения, поскольку открывает широкое поле для опасных спекуляций.

В целом по Москве свою этническую принадлежность не указали 4,2% населения (417,1 тыс. человек), но внутри города эта доля значительно варьирует по районам – от 0,5 до 26%. В Можайском, Дорогомиловском, Вешняках четверть населения не распределена по этническим группам, в Северном Тушино, Останкино, Филях-Давыдково, Раменках, Марьиной Роще, на Арбате – почти пятая часть, еще в 15 районах – от 7 до 16% переписанных жителей. Особенно много людей, не обозначивших свою этническую принадлежность в Западном и Юго-Западном округах Москвы (рис. 12).

Очевидно, что при определении этнической структуры населения районов невозможно в качестве общего знаменателя использовать показатель численности населения, содержащий значительный и неравномерный статистический шум. «Неизвестные личности», в избытке заселившие лишь некоторые районы города и практически отсутствующие в других, будут сильно искажать межэтнические пропорции. Поэтому наиболее адекватным решением будет их вовсе элиминировать, исходя из предположения, что этнический состав группы «неизвестных» не должен кардинально отличаться от этнического состава большинства населения. Нет никаких оснований полагать, что эти 4% населения города состоят лишь из представителей этнических меньшинств и таким образом «понижают» долю русского большинства, или же наоборот. Исключив категорию лиц, не указавших свою этническую принадлежность, мы повышаем адекватность анализа этнической структуры населения Москвы и внутригородских особенностей расселения этнических групп. В результате данной операции общая численность населения сокращается до 9,76 млн человек.

Чтобы еще больше уточнить «общий знаменатель», исключим и такую странную категорию, как русские, не считающие русский своим родным языком. Само по себе это вполне возможно, в Нью-Йорке или Париже легко можно встретить людей, считающих себя русскими, но плохо владеющих языком бабушек и дедушек. Однако в Москве или даже на всем постсоветском пространстве таких крайне мало.

Трудно предположить, что в столице проживают 137,5 тыс. русских, считающих родным иной национальный язык. Скорее всего, это либо представители других этнических групп, не захотевшие назвать себя из предосторожности, либо выбравшие категорию «русский» как нейтральную или протестную (ведь перепись зафиксировала гоблинов, марсиан и эльфов), либо непроверяемые фантазии переписчиков.

Таким образом, сравнительно «надежная» численность населения, пригодная для анализа, составляет 9,62 млн. Возможно, что эта цифра недалеко от реальной численности населения города, по крайней мере, она неплохо согласуется с другим разделом московской переписи, который касается жилищных условий. В официальной публикации Росстата «средний размер общей площади, принадлежащей на одного проживающего в Москве», составляет 20 кв.м. Простенький пересчет дает численность населения 9,5 млн человек.

Русские – нерусские, или что значит «меньшинство»? Без ответа на этот вопрос, так же как и без чистки количественных параметров, невозможно приступить к анализу. Сегодня, когда проблемы межэтнических отношений находятся в фокусе общественного внимания и все озабоченно подсчитывают численность разных этнических групп в Москве, приближенная оптика искажает очертания реальных процессов и отношений. Этничность парадоксальным образом воспринимается чуть ли ни как главный критерий дифференциации общества, при том, что она таковым не является. Понятие «меньшинство» утратило свою нейтральность и вновь, как во времена большевизма, приобрело негативную коннотацию и вызывает подозрения. Поэтому, сопоставляя данные о росте или сокращении этнических групп в Москве, важно отдавать себе отчет, что значит быть «русским» или «нерусским» и в каком смысле употребляется понятие «меньшинство».

С формальной точки зрения все просто: есть запись в паспорте, отмененная, к слову сказать, в 1996 году, или самоназвание, фиксируемое переписью. Достаточно подсчитать проценты, и вопрос закрыт, ясно – кто большинство, а кто – меньшинства. Но с точки зрения социума все далеко не так просто. Можем ли мы относить к меньшинству человека, родившегося и выросшего в Москве, сделавшего здесь карьеру, создавшего семью, считающего русский язык

родным и при этом сохраняющего свою этническую самоидентификацию как дань памяти предков? Вряд ли. С большим основанием к меньшинству можно отнести какого-нибудь деградировавшего пьяницу, несмотря на его кристально русское происхождение, или выходцев из российской глубинки, осваивающих азы московской жизни. Москва на протяжении своей истории формировалась мигрантами. Согласно последней переписи, только 53,4% ее населения являются местными уроженцами. Это типичная ситуация для всех крупнейших городов – главных локомотивов социальной мобильности. Следовательно, 46,6% москвичей в какой-то период своей жизни ощущали себя здесь меньшинством, плохо адаптированным к новым реалиям и слабо ориентирующимся в городе, страдая от дефицита друзей и знакомых, разрыва прежних связей и отчужденности.

Исследования Центра изучения межнациональных отношений (ЦИМО) Института социологии РАН позволили выявить соотношение мигрантов и московских уроженцев среди представителей разных этносов. При этом мигранты были разделены на две группы – «старожилы» и «новые», приехавшие в Москву в постперестроечный период (1986–2004 годы). Оказалось, что доля «коренных» москвичей выше всего среди украинцев. Русские – на втором месте, татары – на третьем. Однако среди всех этнических групп доля старожильского населения является очень внушительной, эти люди давно обжились в Москве и стали ее гражданами, не отделяющими себя от города, даже если они с грустью вспоминают о своей родине. Азербайджанское сообщество – наиболее недавнее в Москве, но и в этом случае половина его приходится на группу вполне «легитимных» москвичей.

К близким выводам подводят и данные переписи, отражающие отношение представителей разных этнических групп к русскому языку. В качестве «родного» его воспринимают 88% евреев, 72% белорусов, 71% представителей народов Поволжья, 62% татар, 61% украинцев, 51% армян, 45% грузин, 42% выходцев из республик Северного Кавказа, 37% азербайджанцев, 70% корейцев, традиционно живущих в России, и даже по 3% китайцев и вьетнамцев. Язык, ключевое средство коммуникации, является важнейшим идентификатором любой культуры. Восприятие языка как родного или его знание на уровне свободного владения означает и глубокое

погружение в культуру, даже если эта культура и не является полностью «своей», это верный индикатор высокой степени интегрированности, особенно на уровне повседневной жизни. Хотя, конечно, знание языка не означает тотального «растворения» в культуре большинства.

Данные переписи неплохо согласуются и с данными проводившихся в Москве опросов. Согласно упомянутому исследованию, русский язык среди «старожилов» считают родным 56% армян и 24% азербайджанцев, а среди вновь прибывших – 3% армян. Доля свободно владеющих русским языком в поколениях детей, прошедших социализацию в Москве, еще выше – 90% среди армян и 67% среди азербайджанцев. Скорее тревогу вызывает отмирание родного языка, которым вообще не владеют 61% армянских детей и 24% азербайджанских¹⁴. Понятно, что данная тенденция еще в большей степени выражена в среде украинцев, белорусов, татар и других российских народов.

Все это означает, что, тасуя москвичей по этнической принадлежности и не обращая внимания на то, что русских и нерусских горожан часто отличают лишь реликтовые признаки вроде записи в паспорте или унаследованной фамилии, мы конструируем меньшинства, а затем пугаемся их росту. Юрий Арутюнян не устает подчеркивать, что этнические группы принципиально важно рассматривать не в целом, а с учетом их включенности в столичную среду. Они, как любые сообщества, не монолитны, а глубоко дифференцированы по социальным, статусным, имущественным и даже этническим признакам, выражающимся в стремлении к воспроизводству системы ценностей и моделей поведения. *«Столичные этногруппы, судя по нашим конкретным материалам, лишь формально могут принадлежать к одному этносу. То, что они внутренне сильно дифференцированы социально, уже давно хорошо известно. ... Никто не будет смешивать воедино, допустим, рабочих, творческую интеллигенцию и “криминальных авторитетов”, принадлежащих к одному этносу. Но внутриэтническая дифференциация по социально-этническим признакам не менее существенна, чем социальная... при общей этничности и даже “одной родине” реально может быть совсем разная интенсивность выражения этнических черт»*¹⁵.

Поэтому вопрос о «меньшинствах» имеет смысл ставить лишь в отношении новых мигрантов, причем далеко не всех. Проблема этнических меньшинств не в этнической принадлежности людей, а в их недостаточной адаптированности к новым условиям жизни, бедности, низком социальном статусе и мобильности, в том, что их заслуги не признаются большинством, и им требуется прилагать несравненно больше усилий для достижения успеха. Если же мы забудем об этом и станем переносить проблемы этнических меньшинств на москвичей, идентифицирующих себя с разными этносами, то мы вольно или невольно будем провоцировать этническую мобилизацию, расколы в обществе и межэтническое противостояние.

Все это длинное предисловие, предваряющее анализ внутригородских различий в расселении этнических групп на основе данных переписи-2002, мне потребовалось, поскольку в печати появились труды, дающие неточную интерпретацию ее результатов. Полемика требует аргументации.

Первый вывод, на который хотелось бы обратить внимание: этническая структура населения Москвы, рассчитанная на основе разных источников информации – переписи и сведений ЗАГС о рождаемости и смертности, практически идентична (табл. 2). Данные ЗАГС лучше согласуются с пересчитанными, а не официальными данными переписи. Это хороший признак, поскольку появляется источник верификации данных, позволяющий корректировать допущенные в переписи искажения.

Сравнение показателей наглядно демонстрирует «завышенность» доли русских и «заниженность» всех остальных этнических групп. Учитывая особенности проведения переписи в Москве, можно предположить, что украинцы, белорусы, евреи, татары и другие народы Поволжья систематически записывались в категорию «русские» из-за сложностей с идентификацией по именам и фамилиям, сказалось и слабое знание переписчиками этнической карты России. Занижение доли выходцев с Кавказа также связано с недостатками проведения переписи, в частности плохим охватом мигрантов, торгующих на рынках. Однако порядок цифр одинаков, и, следовательно, никакие алармистские утверждения о сотнях тысяч и даже миллионах кавказцев в Москве не подтверждаются. Сложнее всего оценить численность выходцев из Средней Азии, Киргизии и Казахстана, по-

Таблица 2. Межэтнические пропорции населения Москвы, рассчитанные на основе переписи населения 2002 года и базы данных ЗАГС 1993–2003 годов

Этнические группы	Официальные данные переписи, 2002, %	Пересчитанные данные переписи, 2002, %	Расчет на основе базы данных ЗАГС, %
Русские	84,82	88,11	86,52
Украинцы	2,45	2,58	2,95
Татары	1,6	1,71	2,25
Евреи	0,76	0,98	0,95
Белорусы	0,56	0,6	0,79
Армяне	1,19	1,28	1,49
Азербайджанцы	0,92	0,98	0,86
Грузины	0,52	0,56	0,50
Народы С. Кавказа	0,55	0,58	0,69
Народы Поволжья	0,47	0,5	1,08
Средняя Азия, Казахстан и Киргизия	0,75	0,79	0,56

скольку массовая миграция коренного населения из этого региона стартовала несколько позже, это сравнительно недавнее явление, а оба источника информации датированы 2002–2003 годами. Но, скорее всего, эта цифра варьирует в обозначенных пределах.

Все эти неточности отразились и на определении доли русских. Цифра официальной переписи заметно ниже, чем в данных ЗАГС. Сказалось влияние недораспределенного по этническим группам населения, которое по сути выступило в роли «этнического меньшинства». Пересчет без группы неизвестных, напротив, заметно «завышает» долю русских. Это также вполне объяснимо, учитывая качество переписи. Но и данные ЗАГС – не истина в последней инстанции, а лишь приближение к ней. Поэтому, полагаю, что доля русских в Москве находится на уровне 85–86%.

Карты расселения этнических меньшинств, построенные на основе переписи и на основе сведений о рождаемости и смертности, также демонстрируют значительное сходство. Опираясь на оба источника,

можно с уверенностью говорить, что **наиболее пестрыми в этническом отношении являются центр и юго-запад столицы. За ними следуют юг и юго-восток. Западный, Северный и Северо-Восточный округа – наиболее «русские»** (рис. 5 и 13). Данный вывод подтверждается и другим показателем – долей лиц, считающих язык своей национальности родным, за исключением русских, разумеется. По этому признаку четко вырисовываются кварталы центра, юго-запада, юга и юго-востока, а также зоны крупных рынков (рис. 14).

Однако для анализа ситуации важны не только относительные цифры, позволяющие оценить «крепость» этнического коктейля, но и абсолютные, поскольку люди, а не проценты нуждаются в реальных программах по развитию толерантности и интеграции, и в расчете на душу выделяется необходимое для их реализации финансирование. Ситуация в абсолютных цифрах выглядит несколько иначе, чем в долях: лидирующие позиции занимают Южный и Восточный округа – самые крупные по численности населения в Москве, затем следует Юго-Западный и с заметным отставанием – Северный, Юго-Восточный, Северо-Восточный, Западный, Центральный и Северный округа.

Полученная картина расходится с официальной точкой зрения. Глава Комитета межрегиональных связей и национальной политики Москвы А.О. Александров в своих интервью неоднократно повторял, что *«самый многонациональный округ столицы – Западный, в то же время самый терпимый в плане межнациональных отношений. Потому что это один из самых дорогих округов столицы, где живут достаточно много обеспеченных людей и не так сильны социальные контрасты. Другой пример: Юго-Восточный и Южный административные округа. Эти округа – не самые многонациональные в городе, но в то же время они не слишком благополучные и в плане межнациональных отношений – следует думать, во многом потому, что социальная ситуация там не так благополучна, как в Западном округе»*¹⁶.

Причина таких разночтений – арифметика. При «взвешивании» этнических групп не учли, что в Западном округе почти четверть населения не распределена по этническому признаку (рис.12). Естественно, это отразилось и на общем результате. Самый «русский» округ стал самым «нерусским», а вот проблемы в Юго-Восточном и Южном округах оказались недооценены.

Подобными ошибками изобилует и книга Любови Остапенко и Ирины Субботиной «Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом». Кроме Западного округа авторы выделяют в качестве проблемных все районы со значительной долей «нераспределенного населения». Особую тревогу у них вызывают Вешняки, *«где вес нерусского сегмента составил 41,8%, Измайлово (35,9%), Богородское (23,5%), Перово (23,1%)»*. Такие же диспропорции обнаруживаются и в других частях города, что заставляет авторов делать выводы об опасном усилении межэтнической напряженности. *«Эти микрорайоны становятся не только территориями социального неблагополучия, но могут стать в недалеком будущем и ярко выраженными этническими районами Москвы»*¹⁷.

К сожалению, подобные интерпретации, основанные на неточных расчетах, становятся достоянием и без того разогретых СМИ, которые охотно потребляют исходящую из авторитетных источников «горячую» информацию о резком сокращении доли русских в некоторых районах Москвы и пугающем росте численности этнических меньшинств¹⁸.

Картирование доли русских по районам Москвы высвечивает и проблему искусственной «русификации» и «этнизации» районов. Так, дополнительной статистической «русификации» подверглись районы, где и без того доля русских была высока, а «этнизации» – кварталы рынков и общежитий. Особенно наглядный пример дает Измайлово. Судя по переписи, здесь самая низкая доля русских – 68,9%, даже при скорректированных подсчетах. При этом на долю китайцев и вьетнамцев приходится аж 13,2%! Другими словами, каждый седьмой-восьмой человек, встречаемый на улице, – китаец или вьетнамец. Это, конечно, не соответствует действительности. Да и где расселена такая масса людей – 13 тыс. человек? В гостиничном комплексе, где 7,5 тыс. мест, а стоимость проживания составляет 100 долл. в сутки, или где-то еще? Есть, конечно, в Измайлово китайская гостиница «Жэньминь», бывшая старенькая гостиница «Измайлово», но она явно не способна вместить столько людей. Может быть, китайцы и вьетнамцы спят прямо на рынках и никуда оттуда не выходят?

Другой отличительной чертой Измайлово является обилие азербайджанцев. Их, конечно, не так много, как китайцев с вьетнамцами,

но все-таки 5% – один из самых высоких показателей в Москве. Сказывается тот факт, что, по разным оценкам, на Черкизовском рынке 24 тыс. арендаторов – азербайджанцы¹⁹. Видимо, для укрепления представлений об азербайджанской экспансии в Измайлово Ирина Субботина делится своими личными впечатлениями как специалист по этносоциологии, использующий тактику включенного наблюдения.

«В Измайлово покупают и снимают квартиры сотни рыночных торговцев, мелких бизнесменов, преимущественно азербайджанской национальности. Появляются многочисленные палатки и магазины, азербайджанские, грузинские, а позднее и таджикские, в которых вначале объявляется собственник определенной национальности, затем отдельные работники этих торговых точек той же национальности, что и собственник. В начале процесса, когда большинство мигрантов составляли мужчины, исполнявшие роли грузчиков, шоферов, торговых посредников, администраторов, за прилавками магазинов еще стояли представители славянских народов. Правда, уже и тогда в магазинах звучала национальная музыка, не очень привычная слуху рядового московского покупателя. Через несколько лет начался процесс воссоединения мигрантских семей, и тогда к первым мигрантам мужского пола приехали их жены, сестры, матери, дочери, которых необходимо было трудоустроить, и уже практически все торговые места были заняты представителями одной этнической группы. Приходя теперь в такой магазин, ... покупатель уже не слышит русского языка, ибо все работники торговой точки говорят между собой на родном для них языке. ... Вокруг магазинов суетятся многочисленные уборщики, дворники все той же национальности, а чуть поодаль сидят игроки в нарды, вокруг которых стоят и сидят группы праздных “болельщиков” ... все той же этнической группы, не столько наблюдающие за игрой, сколько рассматривающие проходящих мимо людей, особенно женщин. Знакомая для улиц городов Закавказья картина, не правда ли?»²⁰

За таким рассказом вполне логично следуют алармистские выводы о чрезмерности «иноэтнической нагрузки» на русское население и опасном усилении межэтнического напряжения, которые подкрепляются некритично воспринятыми цифрами последней переписи.

Несмотря на столь авторитетные свидетельства, все же позволю себе предположить, что выбивающаяся из общего ряда численность

измайловских азербайджанцев либо в два раза меньше, либо во всем городе их должно быть в два раза больше. Первый вариант представляется более реалистичным, хотя все сторонники идеи «азербайджанской экспансии» и националистически настроенные умы с радостью ухватятся за второй вариант, увеличив численность азербайджанцев в городе если не до миллиона, то хотя бы до 200 тысяч. А там, может быть, и еще какая-нибудь «достоверная» информация появится.

Среди других районов, «этнизированных» рынками, – Вешняки (огромный комплекс строительных рынков в Косино, Косино-Ухтомском и вещевого рынок в Вешняках), Восточное Дегунино (рынок «Дмитровский двор»), Тимирязевский (Покровско-Разумовский рынок), Южное Тушино (Тушинский рынок) и т.д.

Эффект «этнизации» района создают и общежития, где живут выходцы из Средней Азии, Казахстана и Киргизии, работающие на стройках и в коммунальном хозяйстве города. Не буду гадать, почему в Вешняках, поселках Восточный и Некрасовка, районах Даниловский, Зюзино, Нагорный, Тимирязевский и некоторых других их получилось так много. Скорее всего, это аккумулированные данные о присутствующих и отсутствующих душах.

Характер расселения всех остальных этнических групп, исходя из переписи, также не добавил ничего принципиально нового. Самое важное то, что перепись позволила еще отчетливее проявить неоднородность меньшинств. Картина расселения «старожильческой» части этнических групп, о которой можно судить по доле лиц, считающих русский язык родным, давно устоялась, соответствует социально-профессиональным характеристикам этих людей и особенностям расселения, сложившимся еще в советское время. Представители старожильческих этносов, занятые в интеллектуальной, административной или сервисной деятельности, проживают в районах преимущественного расселения интеллигенции, а занятые в производстве – в бывших рабочих районах²¹. Наблюдающиеся незначительные расхождения вызваны не столько естественными причинами (все же данные о рождениях и смертях не дают полную картину населения), сколько особенностями переписи как документа. Во-первых, самоидентификация людей – это их персональный выбор, зависящий от многих причин и потому подверженный изменениям. Во-вторых,

могли сказаться и изъяны переписи. Практически везде представительство той или иной старожильческой группы сокращалось в пользу русских.

Расселение новой волны мигрантов также тесно связано с их статусом и занимаемой трудовой нишей. Элиты предпочитают центр, а все остальные выбирают жилье в соответствии со своими возможностями на окраинах или в районах пятиэтажек, которые сейчас активно сносятся и расселяются. Для разных этнических групп тренды различаются. Те, кто раньше делегировал в Москву своих лучших представителей (украинцы, белорусы, армяне, азербайджанцы, грузины и др.), сегодня составляют основу потока трудовых мигрантов. Если расселение украинцев и белорусов довольно дисперсное, то азербайджанцы наиболее представлены в Восточном, Юго-Восточном и Южном округах, армяне – в Южном и Юго-Западном. В отличие от названных групп татары, народы Поволжья и Северного Кавказа, напротив, резко увеличили в потоке мигрантов представительство наиболее квалифицированной части своих кадров и национальных элит. Степень успешности их деятельности прямо отражается на домашнем адресе, поскольку переезд в «хороший» район означает подъем по социальной лестнице. Однако это скорее гипотеза, вытекающая из анализа географической информации, которая нуждается в социологической верификации.

Несмотря на то что социальные полюса «бедности» и «богатства» постепенно обретают в Москве территориальную и этническую привязку, **реальных этнических кварталов в Москве пока нет.** Их возникновению препятствует множество факторов. **Во-первых**, многоэтажная застройка города и существующая сегодня конъюнктура московского рынка жилья с чрезмерно высокими ценами. Низкая мобильность и невысокие доходы большинства москвичей не позволяют им самостоятельно решать проблему выбора места жительства. **Во-вторых**, сохраняется унаследованная от советского времени социальная «перемешанность» жителей, которая препятствует быстрому изменению этнического состава населения районов. **В-третьих**, этнические группы неплохо интегрированы в московский социум и не испытывают потребности в компактном проживании. Численность тех, кого с полным основанием можно отнести к категории «этнические меньшинства», значительно меньше, чем численность

«нерусских» москвичей, и не превышает 5% населения. По районам этот показатель варьирует в интервале 1,5–7,5%. Все случаи, когда данный показатель зашкаливает, – Восточное Дегунино – 9,72%, Вешняки – 17,96, Измайлово – 24,47, поселок Восточный – 20,71, Куркино – 13,55% – требуют дополнительных исследований. Причины подобных девиаций могут быть разными, включая приписки. Соответственно, разными должны быть и принимаемые меры. **В-четвертых**, все этнические группы в Москве характеризуются значительной социальной неоднородностью и недостаточной внутренней солидарностью для образования ареалов компактного проживания. Несмотря на «неприветливость» москвичей, рынок труда к мигрантам «дружелюбен», и практически в любом районе города, как показывает практика размещения коммунальных рабочих и продавцов супермаркетов, найдется дешевое жилье поближе к месту работы. Не говоря уже о практике московских РЭО и ДЭЗов расселять нанимаемых гастарбайтеров в подвалах жилых домов или же в домах, предназначенных на снос.

Современную ситуацию в сфере межэтнических отношений в Москве можно определить как неустойчивое равновесие. В обществе сталкиваются самые разные точки зрения на происходящие процессы: от поддержки растущего культурного разнообразия как питательной среды любой креативности до представления о нем как об угрозе для русского народа и его культуры, размываемой и уничтожаемой, с одной стороны, новыми гуннами, хлынувшими с постсоветского пространства, а с другой – насилием западного консюмеризма над российской духовностью и соборностью. Процессы социальной и этнической самоорганизации населения доминируют над управленческими воздействиями и слабо контролируются. Существующий хрупкий баланс интересов обеспечивается сегодня прежде всего доброй волей приезжих, их стремлением интегрироваться в московский социум. Другим стабилизирующим фактором является вынужденное признание москвичами неизбежности трудовой миграции при современной демографической ситуации и социально-экономической конъюнктуре. От того, насколько удастся сохранить эти позитивные интенции, в значительной мере зависит, превратится ли растущее этнокультурное разнообразие в социальный капитал или станет источником постоянной напряженности и проблем.

Москва поддерживает культурное разнообразие, но не его «носителей»

В течение последних 15 лет московские власти пытаются выработать политику гармонизации национальных отношений, которая учитывала бы этнокультурные различия и противоречия их проявлений. К сожалению, главной чертой этой политики является ее непоследовательность, сочетание дискриминационных мер в отношении мигрантов, что придает расовый оттенок социальным проблемам, с мерами, направленными на укрепление этнокультурных институтов и толерантности, что поддерживает и закрепляет существующее разнообразие. Декларации о многонациональности как культурном богатстве столицы сосуществуют с полицейскими мерами против мигрантов, в первую очередь выделяющихся по физиономическим признакам.

Этническая культура (хорошая) отделяется от ее носителей (плохих), и это происходит на всех уровнях общества. Первая поддерживается, а вторые рассматриваются как неизбежное зло, с которыми приходится в лучшем случае мириться.

Анжела Арсинкей: *«Я приехала из Ижевска, это Удмуртская республика. После окончания художественно-графического факультета в Ижевске меня пригласило в Москву одно выставочное пространство поработать куратором. Уже прошло три года как я в Москве, идет четвертый, период адаптации у меня уже прошел, я себя более-менее комфортно здесь чувствую. Другое дело, что этот режим регистрации, когда меня останавливают на улице или в метро, милиция спрашивает документы, я понимаю, что я какая-то не такая, что мне нельзя, наверное, находиться в Москве, что у меня нет регистрации, что я приезжая. Я чувствую, что что-то происходит, то ли меня пугают, то ли унижают, то ли я не имею права жить в Москве, и я должна уезжать в Ижевск. А в регистрационном отделе в паспортном столе мне говорят, что по этому адресу они меня зарегистрировать не могут, потому что очень маленькая квартира. И где мне регистрироваться, тоже непонятно. В такие моменты чувствуешь это очень остро и становится обидно. Я в собственной стране, я не иностранка, и я не могу выбирать себе город, в котором я могла бы жить по личным своим соображениям».*

Айдан Салахова – художница и галерист, родилась и выросла в Москве в артистической семье, ее бабушка, знаменитая в свое время танцовщица и певица, была полуармянкой-полуузбечкой, отец – Таир Салахов, один из крупнейших советских азербайджанских художников: *«Москва является мультикультурным городом? Возможно. Здесь смешано много национальностей, и советская культура, и постсоветская, здесь много всего намешано. У меня дискомфорта никогда не было, я москвичка и никогда его не ощущала ... в бизнесе или на выставках на это просто не обращаешь внимания. ... Ребенка моего обзывают “черным” – это проблема. Для меня всегда этот вопрос был непонятен, когда меня обзывали “черной”, “еврейкой”, “лицом кавказской национальности”, сейчас ребенка моего так обзывают. Я как девочка не очень реагировала, а он – мальчик, он защищается, ему сложно. Он напряжен, он не знает, как ему с этим разбираться. Драться? Я стараюсь его успокаивать, научить, чтобы он не реагировал, но это невозможно».*

Противоречивость политики сказывается и на толковании складывающейся в городе ситуации. Нередко одни и те же слова наполняются разными смыслами, а понятия смешиваются. Этническая самоидентификация путается с этнической принадлежностью, а последняя интерпретируется как объективная и неизменная данность. В интервью «Независимой газете» А.О. Александров, глава Комитета межрегиональных связей и национальной политики Москвы, говорит: *«В Москве проживают не этносы, а москвичи различных национальностей. У нас нет особых национальных категорий, нет привилегий по национальному признаку. Конечно же, при этом никто не может упрекнуть московскую власть в попытках лишить человека его национального самосознания»²².*

Понятия «национальный» и «этнический» до сих пор не разведены на смысловом уровне и неспециалистами используются как синонимы. Это рождает не только двусмысленность и непонимание, но и политические спекуляции, оставляя свободу для реализации деструктивных проектов в рамках известного постулата о «праве наций на самоопределение». Валерий Тишков, а вслед за ним и многие другие специалисты неоднократно указывали на необходимость использования более научного и политически более рационального определения российского общества как «многоэтнического» или

«многокультурного», отказавшись от политически и эмоционально нагруженной «многонациональности»²³. Их аргументы, конечно, услышаны, но не восприняты.

«Многонациональность» конституирована и закреплена множеством формулировок – от опросов общественного мнения и газетных публикаций до государственных программ и управленческих решений. Присутствует она и во всех программных документах Правительства Москвы. Например, в среднесрочной городской целевой программе «Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия» (2005–2007) или материалах «круглого стола» «Этнонациональная политика для многонациональной России – стратегическая задача государства», проведенного в феврале 2008 года в Московском доме национальностей с привлечением администраторов и специалистов. Все эти формулировки небезобидны и оставляют широкое поле для самых неожиданных и спекулятивных толкований.

Еще сложнее обстоит дело с «мультикультурализмом». Концепция была жестко раскритикована как имеющая ограниченное применение в российских условиях²⁴. Основные выводы авторов сводились к тому, что использование канадского или австралийского опыта продвижения мультикультурализма будет способствовать не столько интеграции, сколько дальнейшему размежеванию российского общества. Культурная риторика маскирует проблемы социального неравенства и бедности, а ее использование эффективно в очень ограниченных пределах. Мультикультурализм, как и в целом апелляция к культурному капиталу, выполняет компенсаторные функции, наделяя дискриминируемую часть общества «особыми» свойствами, подчеркивая их значимость, но недостаточно влияя на изменение реального положения стигматизированных групп. Наиболее ценным достижением мультикультурализма является развитие представлений о культурном плюрализме, который не сводится к этнокультурному разнообразию и является наиболее продуктивной формой существования современных обществ, имеющих сложную социальную и этническую структуру.

К сожалению, из конструктивной и аргументированной критики на управленческом уровне было воспринято лишь то, что мульти-

культурализм – это отжившая доктрина, непригодная для российского потребления. Это укрепило позиции «многонациональности» как российского ноу-хау. В 2000-х годах «мультикультурализм» как идеология и дискурс практически ушел из административного обихода, заместившись «поликультурностью» в смысле повседневной практики и естественного следствия многонациональности. Поликультурность в свою очередь стала связываться с системой образования, превратившись в школьную программу, признающую необходимость знакомить учащихся с многообразием культур страны²⁵.

Не меньшие трансформации произошли и с понятиями «мигрант» и «миграция»: они дегуманизировались и стали все чаще адресоваться безликому человеческому потоку, протекающему через город и оставляющему на его лице зыбкий след, смываемый последующими миграционными волнами или городской жизнью. С одной стороны, это вроде бы означает, что мигранты, оседающие в городе, а тем более их дети, рассматриваются как полноценные москвичи, но с другой – без ответа остаются ключевые вопросы о способах интеграции и степени интегрированности вчерашних мигрантов в московский социум. Наличие постоянной московской прописки еще не делает их москвичами, они остаются чужаками и маргиналами даже при наличии высоких доходов и социального статуса. Их маргинальность предопределена не только предрассудками принимающего сообщества, но и стремлением каждой из сторон пестовать свою особость, выдвигая в качестве доказательств морального превосходства такие расплывчатые аргументы, как ментальность, отсталость, специфика поведения, моральное разложение, исконные ценности и прочее.

Так, большинство москвичей сходятся во мнении, что мигранты *не признают* (40% опрошенных) или лишь *частично признают* (45%) сформировавшиеся в Москве ценности и традиции²⁶. Можно подумать, что появившиеся в российской столице люди настолько кардинально отличаются от ее коренных обитателей, что являются как минимум аборигенами Океании. Отношение самих мигрантов к москвичам несколько мягче. Они, конечно, неуютно чувствуют себя в городе, воспринимающем их как граждан второго сорта (30% мигрантов сказали, что ощущают себя «изгоями»), но 14% *в полной мере принимают* московский строй жизни, 27% – *частично* и 22% – *не*

*принимают. 28% заявили, что не знакомы со сложившимися в Москве ценностями и традициями!*²⁷ Замечательное заявление, которое было интерпретировано авторами исследования как чрезмерная загруженность мигрантов, не позволяющая им знакомиться с традициями города. Наверное, можно принять и такое объяснение, но скорее почти треть мигрантов просто не видит ничего специфически особенного в системе московской жизни, что бы ее кардинально отличало и требовало каких-то дополнительных усилий для освоения местных норм и традиций. Ведь речь идет не столько о полярности культур, сколько о нюансах, которые делают москвичей москвичами.

Самым серьезным препятствием в выстраивании взаимных отношений являются не культурные нормы, а возникающий языковой барьер, который по мере удаления от советского времени становится все ощутимей. По данным уже цитированного опроса²⁸, половина новых мигрантов недостаточно владеет русским языком и 42% испытывают потребность в его изучении. Другая причина кроется в ворохе накопившихся взаимных обид, в подспудной борьбе за признание собственной исключительности, которая пронизывает все сферы московской жизни.

Возьмем для примера безобидный рекламный плакат, встречающийся в метро и на улицах города и декларирующий этнокультурное разнообразие как необходимое условие существования города. Город – это сад, в котором каждому цветку (культуре, социальной практике) найдется свое место. Очевидный message плаката – призыв к толерантности и оценка культурного разнообразия как позитивной характеристики жизни в мегаполисе. Однако он содержит и не столь очевидные смыслы, вскрывающие неоднозначное отношение к этническим меньшинствам и этническим культурам, определяющее противоречия проводимой политики.

Во-первых, возникает вопрос, почему на плакате изображены цветы, а не люди? Все же речь идет о городе и его жителях. Необходимость привлекать аллегории указывает на табуированность темы социальных или межэтнических различий, невозможность поместить на одном плакате представителей разных народов, имеющих ярко выраженные физиономические черты. Сразу оговорюсь, социальная реклама, изображающая представителей разных этнических групп, все-таки есть, но она призывает не к толерантности, а к дис-

циплинированности, указывая, что мигранты, работающие в Москве, не должны забывать об обязательности регистрации. Другой квазиэтнический плакат еще красноречивее: на нем мигранты, так нужные Москве, изображены в виде безликой цветной массы, лишенной всякой индивидуальности, одинаковых разноцветных пуговиц с двумя дырочками вместо глаз. Все это свидетельствует о неблагополучии московского сообщества и о попытках московских властей романтическим «цветочным» или «пуговичным» способом смягчить существующее напряжение.

Согласно многочисленным и регулярно проводимым опросам, московское сообщество расколото на два сравнимых лагеря. У большинства москвичей (53–60% в зависимости от опроса) рост этнического разнообразия вызывает устойчивую негативную реакцию. Оппозиционный лагерь, ратующий за большую толерантность, объединяет 34–43% горожан. Власти при этом справедливо видят угрозу потенциальных конфликтов не столько в этнической несовместимости, сколько в кризисе московской идентичности и маргинализации части населения. Еще раз процитирую господина Александрова: *«Угроза межнационального конфликта – это громко сказано... Сегодня есть угроза другого характера: у коренных москвичей теряется роль лидера и ощущение хозяев города»*²⁹.

Действительно, москвичей на протяжении уже многих десятилетий объединяет не общность интересов, а гипертрофированное чувство кастовости, привилегированности и исключительности своего положения. К сожалению, структурные особенности московской идентичности изучены слабо, некоторое представление о ней дают лишь результаты отдельных опросов, косвенно затрагивающих эту тему, в частности исследование отношения к приезжим в московской молодежной среде. Любовь Борусяк пишет: *«Судя по ответам участников опроса, Москва, столица, рассматривается как некий высокостатусный экономический, культурный, но дефицитный ресурс, то место, где у людей есть возможности, которых нет в других регионах России. ... Этот ресурс они высоко оценивают, но отказываются рефлексировать, почему именно они имеют на это право. ... Коренные москвичи считают, что права на обладание этим ресурсом носят аскриптивный характер: если ты родился в столице, то по праву рождения наделен дополнительными права-*

ми, которые не могут справедливо распределяться никаким иным образом. ... Немалая часть участников опроса – молодых, образованных людей – полагает, что нерусского человека вообще нельзя считать москвичом – 42%. ... Точка зрения, что Москва – интернациональный (открытый!) город, характерна для незначительного меньшинства»³⁰.

Добавим, что и другие опросы показывают, что не более 5% жителей столицы готовы принять мигрантов в качестве полноправных москвичей. Понятно, что в такой ситуации изображение на плакате людей вместо невинных цветов подтолкнет скорее к проявлениям агрессии, нежели толерантности.

Во-вторых, соотнесение каждой из этнических или социальных групп с отдельным цветком заставляет воспринимать их как некую объективную данность, которую не может изменить даже культурная гибридизация. Трудно себе представить, какой жизнеспособный продукт может получиться в результате перекрестного опыления, прививок или пересадок розы и лилии. Такое объективированное представление о различиях рождает и представление о мозаичности культур, каждая из которых существует сама по себе. **Разобщенность и фрагментарность доминируют над идеей единого, хотя и гетерогенного культурного пространства.**

Естественно, возникает вопрос, как могут сосуществовать в городе различные этнические или социальные группы, если они являются носителями собственных самостоятельных культур? Ведь в этом случае должны быть выстроены и различные системы социализации и коммуникации, отвечающие их запросам. Прежде всего различающиеся системы образования. По-видимому, эта проблема и связанные с ней последствия недостаточно осознаны, поскольку в концепции демографической политики Правительства Москвы прямо указывается на приоритетность «*содействия населению города Москвы, принадлежащему к национальным меньшинствам, в реализации права на получение образования на родном языке*»³¹.

Однако образовательная система, которая работает в режиме этнической замкнутости, превращая знание родного языка и культуры в удел для избранных, ведет к самоизоляции, а в условиях крупнейших городов – к оформлению диаспор и дезинтеграции городского сообщества. Этому способствуют и личные интересы лидеров диа-

спор, стремящихся сохранить свой статус и позиции, слабеющие по мере развития интеграционных процессов.

Различия систем социализации порождают проблему русского языка, который оказывается в нетипичной для себя ситуации параллельного сосуществования с другими языками на «своей территории». Мы привыкли полагать, что русский является языком межнационального общения, облегчающим представителям других народов, находящихся в сфере влияния России, приобщение к мировому багажу знаний и культуры. Русский играл доминирующую роль в СССР, и без знания русского языка невозможно было двигаться по социальной, научной или карьерной лестнице. Однако в условиях, когда большинство каналов социальной мобильности для экономических мигрантов, особенно из числа этнических меньшинств, перекрыты экономическими и социальными барьерами, необходимость в изучении русского отпадает сама собой. Для работы на стройке, подметания двора или торговли на рынке хватает элементарных знаний, обретаемых в процессе общения. Этот подход в отношении к русскому языку распространяется и на детей, которые априори находятся в неравном положении с москвичами. Большинство семей этнических мигрантов не может обеспечить им достаточные стартовые условия для дальнейшего жизненного продвижения в новой среде и будет радо отдать своих детей в этническую школу, где те, по крайней мере, не будут выглядеть белыми воронами.

Ослабление мотивации к изучению русского языка при поддержке этнической системы образования фактически закладывает под московское сообщество мину замедленного действия. К сожалению, предпринимаемые усилия по обучению мигрантов русскому языку, введению «русского языка как иностранного» являются эффективными лишь для людей, мотивированных не просто на интеграцию, а на кардинальное повышение своего статуса в московском сообществе. Надежды властей на поддержку образовательной деятельности организованными структурами диаспор тоже не слишком оправданы. Во-первых, потому, что в лучшем случае лишь пятая часть этнических мигрантов охвачена деятельностью общин, землячеств и культурных ассоциаций. А во-вторых, потому, что элиты этнических групп видят свою миссию скорее в сохранении своего языка и культуры, чем в приобщении своих подопечных к культуре прини-

мающего сообщества, и нередко стремятся к тому, чтобы социализация детей уже с раннего возраста соответствовала этнической традиции. Юрий Арутюнян справедливо подчеркивает, что *«национально-культурные организации подчас однобоко понимают наиболее болезненные задачи национальных отношений и вместо того, чтобы воспитывать взаимное уважение народов, больше заняты самовосхвалением культуры и заслуг “собственных” этносов»*³².

Конечно, в знании родного языка и национальной культуры нет ничего плохого или опасного. Более того, очень важно, чтобы у людей была такая возможность. Но не стоит преувеличивать роль знаний о других культурах в интеграционных процессах, особенно если представление о культуре жестко связывается с представлением об этносе. Подчеркивание этнической специфики и культурных различий способствует закреплению и легитимации внутренних барьеров в обществе, а не наоборот.

Представление о культурном разнообразии как социальном капитале предполагает не только теоретическое знакомство или изучение других культур, не только их автономное и параллельное существование, как цветов на плакате, но и тесное взаимодействие. Это взаимодействие не должно застревать на стадии «культурного диалога» или поиска культурных «компромиссов», поскольку всякий диалог или компромисс асимметричен и влечет за собой не только позитивную, но и негативную ответную реакцию. Целью межкультурного взаимодействия должна стать выработка и совместное продвижение общих ценностей. **Проблема этнокультурного разнообразия как залога стабильности и процветания общества не может быть решена только этнокультурными средствами.** Чтобы желаемое стало реальным, необходим рост социальной мобильности населения, столь актуальной для низших страт московского сообщества. Необходим поиск механизмов, мотивирующих людей к овладению русским языком; нужна перестройка системы школьного и вузовского образования, пройдя через которую, дети мигрантов (а через детей и их родители) смогут получить прививку общегржданской культуры; необходимо укрепление московской идентичности, чувства сопричастности людей к жизни в столице. Другими словами, **нужно признать не только равноправие культур, но и равноправие их носителей.** Все это легче сказать, чем сделать. На

сегодня в Москве нет ни политической воли для реализации столь масштабного и затратного социального проекта, ни кадров, которые могли бы его осуществить.

Наконец, **в-третьих**, несмотря на попытку дать объективный образ разнообразия, его реальные черты на цветочном плакате даже смутно не угадываются. Приходится признать, что этнические сообщества в Москве еще недостаточно изучены. И если вопросы статистического учета мигрантов, условий их жизни, социально-демографического состава и влияния на столичный рынок труда систематически привлекают к себе внимание в силу остроты проблемы, то анализа изменений идентичности людей, сдвигов в их понимании самих себя и своего места в динамичном потоке городской жизни практически нет. Однако именно способность к таким изменениям и определяет, в конечном счете, возможность перехода от ситуации противоречивого сосуществования многих культур, разделенных по этническим или религиозным основаниям, к ситуации культурного плюрализма, основанного на признании общих интересов.

Репрезентация этничности как реакция на вызовы жизни в столице

Этническая саморепрезентация – это заявление о себе индивида или социальной общности, базирующееся на совокупности символов, идей, традиций, привычек и обычаев, имеющих этническую природу. Этнические саморепрезентации позволяют носителям разных культур (включая и русское большинство) создавать собственный значимый мир, выводить его за рамки частной жизни и встраивать в городской порядок.

Московская жизнь фактически соткана из множества повседневных соприкосновений с проявлениями этничности, визуализированными в городском пространстве. Даже если мы не выходим из дома и физически не контактируем с представителями иных культурных традиций, опосредованно – через СМИ, рекламу и потребляемые товары – мы все равно включены в межкультурные обмены.

Мода на этничность, прежде всего ориентализм, пришла в Москву с Запада как один из признаков высоко развитой городской культуры,

мегаполиса, культурного перекрестка. Но если в Европе или Америке она стала продолжением длительного периода выстраивания межэтнических взаимоотношений, изменивших в лучшую сторону представления об этнических культурах и их носителях, то в Москве это было формальным заимствованием. «Свои» этнические маркеры городской среды – рестораны, кафе и магазины, кроме существовавших с советского времени как дань «дружбе народов» и символ присутствия национальных республик в столице СССР, – появились позже многих экзотических. Исключение составляли, пожалуй, лишь рестораны грузинской кухни, столь популярной и известной в России, что она давно воспринимается как часть русской жизни.

Мода на этничность в Москве явно опережала ее осознание как эффективного средства заявления о себе и своих правах. Тамара Гузенкова, исследовавшая в конце 1990-х годов особенности идентичности гуманитарной интеллигенции нерусской национальности в Москве, пришла к выводу: *«Воспроизводство членами диаспор собственной языковой и культурной самобытности осуществляется, главным образом, через систему неформальных связей, в ближайшем социальном – родственном и земляческом – окружении, в домашних праздничных застольях... в языке домашнего общения, в домашнем образовании, в личной переписке, в деловых контактах, построенных по этническому и земляческому принципам»*³³. Это значит, что в 1990-х годах люди еще не выносили свою этничность за пределы частной или общинной жизни.

Первым на этническую моду как средство самовыражения отреагировало русское большинство, обозначив русскость Москвы засильем псевдорусской архитектуры, «Русским бистро» и «Елками-Палками». До середины 1990-х годов массовые рестораны российской (не обязательно русской) этнической кухни, конечно, были, но все они вели вполне укромную жизнь, довольствуясь полуподвалами или «стекляшками». Вслед за русскими появились и другие «свои» национальные рестораны³⁴ как дань кулинарным привычкам и предпочтениям. Характерный пример – история создания украинской корчмы «Тарас Бульба», рассказанная Александром Орловым, владельцем этнических ресторанов «Желтое море», «Гоа», «Лос бандитос», «Старый Токио», «Тануки». *«Первым был “Старый Токио”, потом “Тарас Бульба”. Они были рядышком на Петровке. Сейчас там очень ожив-*

ленное ресторанное местечко, а мы первые были... Был офис. В этом офисе была девушка украинка, и она готовила обеды... Обеды были настолько вкусные, что приглашались какие-то знакомые туда, ели, облизывали пальцы, говорили – “нереально”. Возникла такая идея – на почве всей этой истории сделать ресторан, где можно кормить. Не было даже никакой цели зарабатывать какие-то деньги».

В 2000-х годах российская «этничность» окончательно вышла из сферы быта, этнокультурных ассоциаций и музеев на улицы Москвы, а ее визуальное воспроизводство стало самым доступным и распространенным способом этнической репрезентации. Вслед за ресторанами и интерьерами этнический колорит распространился на одежду. Татарские и узбекские мотивы оказались не менее популярными, чем индийские или китайские. Инокультурные знаки и символы рассеяны по всему городу, нередко создавая причудливое совмещение несовместимого, вроде китайских драконов, прилепленных к фасаду хрущевской пятиэтажки, мраморных портиков при входе в старомосковский приземистый купеческий дом, грузинских двориков на Садовом кольце или Новом Арбате.

Став заметной, декоративная сторона этничности повлекла за собой и более серьезные формы ее визуальной репрезентации. С середины 2000-х годов на улицах Москвы появились девушки в хиджабах. В немусульманской и достаточно исламофобной московской среде появление на улице в хиджабе имеет выраженный демонстрационный характер. На девушек фактически легла миссия визуализации присутствия исламской общины в Москве, ее представительности и легитимности наравне с православной. Как говорит Эльвира (19 лет), *«чтобы мужчине сделать дават, ему нужно собрать аудиторию, хотя бы добиться какого-то внимания. Чтобы женщине сделать дават, достаточно просто надеть платок и выйти на улицу»*³⁵.

Этот аргумент широко используется в религиозной пропаганде, приравнивающей публичное ношение хиджаба к ежедневному подвигу ради веры. *«Мусульманка, выходя на улицу в хиджабе, словно окунается в холодные воды Берингова моря. Она погружается в мир, где порок называется добродетелью, а добродетель – пороком; где прелюбодеяние является обычным видом отдыха и развлечения, а благопристойность – по меньшей мере, признаком средневековой отсталости»*³⁶.

Несмотря на все трудности, испытываемые женщинами, барьер преодолен. Сегодня ношение хиджаба стало настолько распространенным, что в Университете нефти и газа им. Губкина, где традиционно обучается высокий процент выходцев из регионов нефтедобычи – Азербайджана, Татарстана, Дагестана, Чечни и Ингушетии, администрации пришлось выпускать предписание относительно формы одежды.

Произошедшие сдвиги свидетельствуют о том, что мода на этничность из подражания визуальному ряду, присутствующему в городской среде Запада, превратилась в одну из форм этнокультурного самоутверждения. Это требует ответа на вопрос, что стоит за этнической саморепрезентацией, какие формы она принимает и какие цели преследует? Из бесед и интервью с представителями этнических меньшинств, вливающих в общий поток культурной жизни Москвы, можно выделить, как минимум, четыре ключевые формы публичного проявления этничности. Они выражают попытки интеграции этнических меньшинств в московскую среду, их «одомашнивания» и одновременно дистанцирования от культуры большинства для сохранения или переосмысления своей прежней домосковской идентичности и придания ей новых жизненных импульсов.

I. Поддержание этнической традиции как особого видения окружающего мира и системы знаний о себе. Условно это направление можно разделить на два конфликтующих течения. Мейнстрим представляет «**фольклорная**» традиция, сведение этнической репрезентации к народному творчеству, обычаям и национальным или религиозным праздникам. Второе течение можно назвать «**нонконформистским**», усматривающим в культуре своего народа истоки миропонимания как концепции собственной жизни и отношений с другими.

Фольклорная традиция. Поддержание угасающих в городских условиях народных обычаев является самым простым, позитивным и понятным способом этнической репрезентации. Это наиболее очевидное направление визуализации этнокультурного разнообразия, настолько освоенное в советские годы, что представление о «национальных по форме, но социалистических по содержанию» культурах практически заместило знание о них. Наслаждение яркой формой и удовлетворение потребности в необычном, собственно, и

стало восприниматься как культурное разнообразие и культурное богатство.

Данью такому подходу стало не только проведение многочисленных фестивалей, праздников, концертов и выставок, воспринимаемых с разной долей интереса, но и создание Московского Дома национальностей в 1998 году в качестве места, где *свободно могут реализовывать свои национально-культурные потребности представители всех национальностей Москвы*. Предполагалось, что Дом будет площадкой межэтнических контактов и открытого диалога большинства и меньшинств, но практика оказалась гораздо уже выдвинутых задач. Дом не стал инструментом развития гражданского общества и согласования интересов разных групп населения. Туда нельзя прийти «с улицы» со своими проблемами, рассчитывая на юридическую, гражданскую или экономическую поддержку. Он скорее выполняет функцию легитимации деятельности этнических элит, сотрудничающих с городскими властями, а также служит местом проведения разного рода культурных мероприятий, семинаров и «круглых столов», не имеющих широкого резонанса ни в структурах власти, ни в обществе.

Если говорить о визуализации фольклорной традиции и ее значимости для представления культурного разнообразия в Москве, то следует признать, что этнические символы русской культуры доминируют и в количественном, и в качественном отношении. С одной стороны, русские составляют более 80% населения города, и было бы странно, если бы их преобладание не находило выражения в его визуальной палитре. С другой стороны, русская культура давно завоевала свое место среди мировых культур, имеет универсальное значение и не нуждается в самоутверждении через широкое тиражирование этнических символов.

Причины русификации и без того русского города кроются в сфере политики и социальной психологии. Прежде всего Москве как бывшей столице бывшего СССР и «образцовому коммунистическому городу» необходимо было освободиться от печати всего советского и вернуть себе право называться столицей новой России. Борьба за признание вкупе с дискуссиями о переносе столицы шла все 90-е годы и не окончена до сих пор. Национальному самоутверждению Москвы служат практически все знаковые проекты Правительства Москвы: реконструкция Красной и Манежной площа-

дей, восстановление Храма Христа Спасителя, строительство новых храмовых и соборных комплексов, переустройство Царицыно и многое другое, что обозначает преемственность Российской империи и новой России.

Другой причиной тяготения к русской фольклорной традиции как способу визуального самоутверждения доминирующей роли русской культуры является комплекс ущемленности, свойственный постсоветскому самосознанию, его направленность в прошлое, где находятся основные достижения, стремление найти опору в безусловных, неоспоримых исторических свидетельствах³⁷. Выбираемые для саморепрезентации образцы – культурные коды – являются наиболее массовыми, привычными, исконно-посконными, имеющими характер фундаментальности, закреплённой в народных обычаях. Однако в отличие от прошлого современная «официальная народность» десакрализована и коммерциализирована, суть традиции, предполагающей повседневную или ритуальную практику, выхолощена, осталась лишь привлекательная и узнаваемая форма, добавляющая сочных красок в повседневность.

Ярче всего это проявляется в вывесках, декоре ресторанов и кафе, оформлении рынков. Самым фантастическим местом в Москве по выразительности визуальной саморепрезентации является Измайлово, где в одну точку сходятся Вернисаж, оформленный в пряничном стиле «царства славного Салтана» и называемый в отчетах мэрии «Русским подворьем», и китайские рынки с их китайской торговлей и китайскими павильонами. Визуальное «склеивание» этнических образов двух культур обретает здесь метафорическое значение и геополитический смысл соседства и противостояния двух миров. Такое можно увидеть только на берегах Амура, разделяющего китайский Хэйхэ и российский Благовещенск. Помимо воли московских властей, следующих в фарватере рыночной самоорганизации, возник образ, репрезентирующий страну в целом.

Другим наглядным проявлением коммерциализации этничности являются народные гулянья, например Масленица, которая все шире отмечается в Москве. Русский антураж, русские красавицы, песни и балалайки, роли расписаны за актерами, а население выступает в качестве зрителей и потребителей, выстаиваясь в длинные очереди за блинами.

Нонконформистское направление визуализации народной традиции отличается от официально фольклорного прежде всего своей самостоятельностью, авангардистской направленностью, использованием новых художественных средств, обращением к современности или к современному переосмыслению прошлого, к сущностной интерпретации этнического самосознания. Формальной, декоративной стороне национальной культуры также отводится важная роль, но образцы выбираются хотя и узнаваемые, но не затертые до дыр. Здесь существует свое массовое и индивидуалистическое течение.

Массовое связано с реальным участием в организации народных, часто дохристианских праздников. Потребность в этом испытывает лишь незначительная часть населения, большинство довольствуется театрализованными представлениями, возможностью воспользоваться «услугой» по формальному поддержанию обычаев, что создает ощущение исторической преемственности. Это явно проявляется в случае упомянутой Масленицы: ее официальная театральная составляющая занимает все площадки города, а неофициальная – отправляется за город, где подготовка к празднику начинается задолго до отмеченной в календаре даты. Люди тратят свои выходные дни на строительство снежной крепости для предстоящего штурма, возведение ледяных горок, устройство качелей и каруселей, подготовку поляны для хороводов, костров и сожжения чучела, места, где можно раскинуть кухню для приготовления блинов. Ежегодно такие действия собирают по несколько тысяч человек, которые приезжают большими компаниями и семьями с детьми. Люди нередко добавляют к одежде что-то из арсенала национальных костюмов, здесь выступают самостоятельные и профессиональные клоуны, народные непрофессиональные хоры, вовлекающие участников в пение песен. Веселье длится целый день.

Также отмечается и Курбан-Байрам. В московских мечетях к девяти часам утра собирается множество народа, молитва имама «Аллах Акбар», усиленная динамиками, разносится по всей округе. Люди в мечети и на улице совершают праздничный намаз, а вокруг уже ожидают машины с жертвенными баранами. Во дворе устраивается и общий стол для бедных и богатых. Правда, у москвичей, наблюдающих жертвоприношение и пированье из окон своих квартир, все это вызывает неодобрение³⁸.

Индивидуалистическое направление этнической репрезентации связано с публичным самовыражением артистических натур³⁹, организацией различных перформансов, выставок, созданием фильмов, не имеющих проката, но запускаемых в интеллектуальный оборот культурной жизни столицы.

Нара Золян, армянская художница, о своей жизни в Москве: *«Я себя чувствую человеком вне системы общества... лицом кавказской национальности. Хотя я себя чувствую комфортно среди своих друзей, я знаю, что это место не мое, ... что я здесь гость, в лучшем случае. ... При этом мне интересно здесь жить, здесь много всего, человек так или иначе может иметь здесь информацию, которую он не получит в другом месте, в своей закрытой стране. Но Москва не создает возможности ощутить себя единицей, которая сама по себе что-то значит. Если ты сам не отсоединишься, то ты себя просто потеряешь в этом городе. Это, видимо, характерно для всех больших городов, но тут есть своя специфика, ... негативная все-таки. Мне как художнику, как я поняла эту ситуацию, в обществе, где нет места свободному высказыванию, остается язык молчания.*

Мои работы – это история современной Армении, Армении после блокадного периода, когда шла война, не было света, не было газа, вырубались деревья и т.д. Вот эта вся история была представлена в письменности: текст и одновременно глиняные фигуры, из которых можно выкладывать целые предложения и таким образом вовлекать русского зрителя в иноязычную, инокультурную проблематику. Мы сделали самый натуральный хаш. Хаш – это армянская еда, ее поглощают в шесть утра, чтобы она затем на весь день оставалась перевариваемой. Хаш разливался в глиняные миски, на дне которых были буквы армянского алфавита. Человек, съедая хаш, как бы приобщался к армянской культуре. Затем, когда все наелись и получили удовольствие, из оставшихся хрящей выкладывался весь алфавит, названия букв произносились вслух. Каждый раз остановка на проговаривание символизировала остановку во времени, остановку в истории, которая так или иначе происходит, когда человек отрывается от родины. Для меня было очень важно соединить этот переход от языческого, от физического, от этого хаша, от мяса, от плоти к духовному, христианскому – алфавит, текст. Это форма моего языка, перенесенного в другое пространство. В своем прост-

ранстве я буду, видимо, говорить о другом. В Москве это способ не быть чужим, разделить свои проблемы с другими, стать им более родным».

Сергей Братков – один из признанных фотохудожников России, перебрался в Москву в 2001 году. *«Я стопроцентный русский эмигрант. Что привело меня в Москву? Деньги, слава и власть (смеется). Есть, конечно, проблемы. Для меня они связаны с тем, что я остаюсь украинским гражданином. Получить российское гражданство – это достаточно муторное дело, потом я совершенно асоциальный человек, и ходить в какие-то инстанции, милицию мне абсолютно не хочется. Это, конечно, мешает жить, потому что есть определенное напряжение. ... Но я не ощущаю себя особенно эмигрантом, потому что я русский, и родители мои русские, и по паспорту я стал украинцем совсем недавно, в один день».*

Для Браткова этническая саморепрезентация – это сохранение аналитического духа русского искусства, а не национальные костюмы или православие. С его точки зрения, Москва – это не сердце Святой Руси, а *«памятник сталинской архитектуры и ВДНХ – квинтэссенция ее духа, самое мощное энергетическое место, помимо Красной площади – усыпальницы».* И Зураб Церетели, грузин по национальности, лучше других воплотил русскую традицию постсоветского времени, особенно его скульптуры в Зоопарке, *«нелепые и китчевые, где гора зверей и звери похожи на людей».* То ли звери как люди, то ли люди как звери.

II. Конструирование этничности как реакция на запрос глобализирующегося мира, способ выделить себя из общего ряда, определить свою индивидуальность, следование моде. Конструирование этнических образов далеко не всегда зависит от этнической принадлежности. Конечно, обращение к «своей» этнической культуре проще, но и оно требует освоения нового комплекса знаний. Конструирование этничности начинается с осознания, что этническая принадлежность и связанный с ней багаж специфических знаний могут быть использованы как дополнительный козырь в саморазвитии, карьерном росте или продвижении бизнеса. Этническая еда, одежда, манера поведения и прочее инструментализируются и становятся средством достижения социальных, а не этнических целей.

Этническая кухня – одна из важнейших составляющих традиции и одновременно источник вдохновенного кулинарного творчества, рассматриваемого как искусство жить. Практически вся история человечества сопряжена с то и дело повторявшимися периодами голода. Желанием досыта поесть, мечтами о скатерти-самобранке или бобовом зернышке пронизаны сказки и легенды всех народов мира. Вкусное угощение до сих пор рассматривается как один из способов оболщения или благодарности за услуги.

Развитый мир окончательно решил проблему голода только во второй половине XX века и сегодня гораздо больше озабочен избыточным потреблением калорий и ожирением населения. Оказалось, что система питания наиболее благополучных северных стран, ориентированная на тяжелый физический труд и холодный климат, при отсутствии естественных и религиозных ограничений на объемы потребляемой пищи далеко не всегда рациональна и больше не соответствует современному образу жизни. Это послужило сигналом для развития концепции здорового питания и популяризации кухни разных стран мира. Возникновение спроса привело к формированию нового рынка. Этнические рестораны и магазины перестали рассматриваться как специфическая черта этнических кварталов и вышли за их пределы. Если на начальной стадии этническая кухня воспринималась как эксклюзивная, то по мере расширения рынка она трансформировалась в наиболее доступную и демократичную, став привычной составляющей городской жизни. Покупка экзотических продуктов, специй, бакалеи, овощей и фруктов, даров моря перестала составлять проблему, появилось большое количество специализированных компаний, занимающихся поставками «экзотики».

Москва подхватила вирус моды на этническую кухню в самом ее разгаре. По данным Федерации рестораторов и отельеров, среди 3,5 тыс. московских ресторанов более половины имеет выраженный этнический акцент. В меню большинства московских ресторанов входят этнические блюда, иногда в самых парадоксальных сочетаниях. Так, одним из лидеров рейтинга грузинской кухни, наряду с «Тифлисским двориком» и «Кавказской пленницей», является ресторан «Индус», предлагающий индийские, японские и грузинские блюда. Среди наиболее популярных московских ресторанов лидируют ита-

льянские – 18,5% посетителей, русские – 15,7, японские – 10,8, китайские и французские – 9,2%⁴⁰.

Однако несмотря на востребованность этнической кухни в российской столице отсутствуют «национальные кадры», необходимые для создания аутентичных заведений. Поэтому московские этнические рестораны не вырастают из этнического бизнеса, а конструируются их хозяевами в соответствии с личными вкусами и конъюнктурой рынка. Так, маленькая империя Аркадия Новикова включает в себя 45 ресторанов, представляющих 18 национальных кухонь, а русская, французская, японская и узбекская кухни являются сетевыми проектами (рестораны «Елки-Палки», «Делис-кафе», «Япона-мама», «Суши весла», «Киш-миш»). Олег Шейхаметов, владелец сети ресторанов «Якитория», последовательно открывал рестораны «Фудзи», «Навруз» (узбекская кухня), «Кармель» (еврейская кухня). Другой преуспевающий ресторатор Кирилл Братенков рассказывает об известной случайности этнического выбора: *«Что касается “Наби”, то он стал результатом совпадения за короткий промежуток времени сразу нескольких событий в моей жизни. В ноябре мы стали планировать азиатский ресторан с облегченными для европейского вкуса традиционными блюдами, в декабре купили действующий ресторан “Ньютон”, а в январе я поехал на Бали и увидел там интерьеры, которые идеально подходили к моему видению нового ресторана. Я вызвал из Москвы человека, с которым мы две недели закупали декор, в итоге в Москву отправили 40-футовый контейнер».*

Все это означает, что львиная доля этнических заведений в Москве, обставленных со скрупулезностью этнографического музея, является визуализацией мирового культурного многообразия, но не саморепрезентацией этнических меньшинств. При этом такие рестораны успешно выполняют репрезентативные функции. Мотивом, приводящим сюда людей, является не только желание поесть, но и любопытство.

Аутентичные этнические рестораны в Москве тоже есть, но они скромны и совсем не выделяются дизайном. Так, среди 250 китайских ресторанов порядка 30 действительно соответствуют канонам китайской кухни, среди множества японских – два. Настоящие китайские, узбекские или азербайджанские харчевни можно найти на рынках в укромных павильонах или забегаловках вблизи метро. Ар-

мянские и грузинские рестораны гораздо лучше приспособлены к московской жизни, они представляют определенную смесь декоративного подхода и настоящей кухни. И все же, выходя из узкой сферы обслуживания «своих» и расширяя бизнес, этнические рестораны и магазины вынуждены заниматься рекламой, основанной на этнической саморепрезентации, и конструировать свой привлекательный образ. Так, продавцы специй на рынках одновременно торгуют яркой восточной (чаще всего узбекской) керамикой, чугунами казанами и медной посудой. Это самый легкий способ стать узнаваемым и выделиться из окружения. К этому нехитрому приему прибегают даже те, кто и не связывал свой жизненный путь с этнической идентичностью и стремился ее преодолеть.

Например, президент компании *Indian Spices* Джива Поннучами закончил Российский университет Дружбы народов. Еще во время учебы он попробовал себя как бизнесмен и вместе с друзьями открыл обычный продовольственный киоск в одном из корпусов университета, где торговал товарами повседневного спроса. Киоск неплохо функционировал и приносил доходы. После окончания учебы в Москве Джива поехал в Лондон навестить родственников, где был поражен обилием магазинов, торговавших всем необходимым для индийской национальной кухни. *«Я понял, что на подобные товары есть спрос, и на этом можно неплохо заработать. Все началось с нескольких коробок специй, причем, поскольку я их продавал в университете, реклама не требовалась – все размели за несколько дней подчистую. А через полгода, когда приправы у меня стали закупать и рестораны, пришлось менять “логистику” и переходить с “чемоданных” объемов на контейнерную доставку».*

У Сяо-хэ, поступив в Плехановский институт на экономический факультет и выучив русский язык, не планировала связывать свою будущность с этническим бизнесом. Однако она оказалась первой, кто организовал фирму по оптовой поставке специй из Юго-Восточной Азии. Ее основные клиенты – рестораны, закупщики сетей корейских салатов, русско-китайский фаст-фуд, суши-бары и якитории, небольшие кафе и магазины в китайских общежитиях и частные торговцы. Интернет – главный инструмент визуализации присутствия ее компании на рынке. *«У рынка наших товаров очень большая потенциальная емкость, ежегодно он растет на 20%, одна-*

ко частный покупатель пока не созрел для нас. Рестораны китайской кухни действительно процветают, но русские не склонны заниматься приготовлением китайской пищи в домашних условиях. Но... я бы очень приветствовала появление небольших розничных магазинов, которые взяли бы на себя хлопоты по фасовке и переводу этикеток». Понятно, что вместе с фасовкой встанет вопрос и о вывеске, а также о форме одежды персонала в торговом зале. Сегодня фирма «Вэй Ван» укромно располагается в одном из корпусов Московской обойной фабрики на Верхней Красносельской улице, однако информация о ней присутствует в кулинарном гиде столичного журнала «Большой город» наряду с очень известными магазинами.

Реанимация этнической составляющей самосознания под влиянием обстоятельств жизни в Москве происходит и с артистическими личностями, живущими в столице или только осваивающими московскую жизнь. Этническая часть их души как бы «спала» до поры до времени, пока не была разбужена вызовом социальной конкуренции, необходимостью доказывать свою состоятельность, потребностью в признании, выражении солидарной точки зрения или для реализации своих гедонистических устремлений.

Алиса Хусаинова – юная татарская певица, исполняющая на ломаном татарском языке своеобразные композиции, замешанные на татарской фольклорной музыке, роке и рэпе. *«Когда я училась в школе, мы татарский вообще не учили. Все было на русском языке. Скучные какие-то, деревенские, вот они на татарском общались. А модные люди – им это все было не надо, даже в поколении моих родителей. Мой папа был рок-музыкантом. Он был такой модный-модный, у него были такие длинные бакенбарды... они слушали там всякие... на бобинах... всякий рок, и, конечно, татарское – это было что-то скучное. Все это были такие с к у ч н ы е люди, такие н е м о д н ы е, они по-татарски своих детей называли. А эти были такие модные, такие продвинутые ... Вот такое было отношение к татарскому».*

Я родилась и выросла в Казани, но никогда не интересовалась ничем татарским, просто это было у меня “в крови”. Конечно, я читала вывески магазинов на татарском языке, слушала музыку, но я даже язык татарский толком не знала. Мои мама и папа, они татары. У мамы даже какой-то старинный род, у нее были бабушки и праде-

душки муллы и музыканты. Мама прямо-таки аристократка, ну такая казанская, татарская. Но я никогда этим не увлекалась, не интересовалась, и все это было мне чуждо. Потом, в декабре 2002 я случайно познакомилась со своим мужем, а он москвич и жил всегда в Москве. Ему, наоборот, из-за того, что он жил в отрыве от татарской культуры, мама прививала любовь к татарскому. Когда мы с ним познакомились, я сразу в него влюбилась, прямо тут же, в тот же день, и, чтобы он в меня тоже влюбился, я решила быстренько стать «татарской принцессой». Чтобы он не мог совсем устоять. Первое, что я сделала, – перевела старую песню на татарский язык. Я позвонила своей маме в Казань. Она программист, но у нее такой менталитет, что она может так трогательно писать наивные стихи. Мне мама написала текст. Я ей говорила тему и лексику, чтобы там были слова-аффиксы. Ну, чтобы корень был понятен и татарские аффиксы. Например, «рубльлар», татарский суффикс «лар», мне очень нравится такое слияние. В общем, какого-то понятного слова, технического, с татарским окончанием. Это прямо-таки по-новому звучит».

Анжела Арсиkey: «В Москве одна из первых моих работ – по удмуртскому национальному мифу. Я одета в удмуртский национальный костюм и представлена лежащей под водой. Эта работа называлась «Как в воду канула». Это миф об удмуртской невесте, которая вышла замуж, не зная своего жениха, и оказалась женой водяного, ушла жить под воду, обрекла себя на несчастье, погубила себя. Я стала интересоваться этими мифами, что-то прочла и представляла, как я могу их иллюстрировать. Несмотря на то, что я удмуртка и знаю удмуртский язык, я очень плохо знаю удмуртскую культуру. В советское время нам не преподавали ее, никакой литературы, никакой культуры. Даже просто в городе говорить по-удмуртски было стыдно, признаваться в том, что я удмуртка было очень сложно, просто невозможно в школьные и даже студенческие годы. Уже здесь, в Москве, я стала сознавать, что это что-то важное, что у меня есть, что это подлинное. Что нужно изучать это, а не стесняться или закрываться от этого».

Айдан Салахова: «Я в какой-то момент вернулась к этнической теме, поскольку меня все это всю жизнь окружало и это является такой декорацией моей жизни, красивой... Поэтому многие восточ-

ные вещи отражаются в моем творчестве, в образах. Женский образ, женственный... у меня он – восточный. Я стараюсь показать ислам иначе. В мире сложился его угрожающий образ, а я через женский образ пытаюсь показать его другую сторону. Рассказать об этом больше. Восток – это очень тонкий, очень красивый мир и не настолько угрожающий, как это представляют массмедиа... Образы женщин в моем проекте «Хабиба» – они все смешанные, многонациональные, я специально взяла какие-то китайские, узбекские, индийские, русские элементы одежды».

Наконец, визуальная репрезентация сконструированной или открытой в себе этничности может иметь демонстративный характер. Наиболее безобидные формы связаны с желанием привлечь к себе внимание, выделиться из общего ряда. Элементы этнического костюма или декора, восточные или западные ткани, украшения, особый макияж дают прекрасную возможность для выражения своей особенности и индивидуальности.

Алиса Хусаинова: «Раньше, когда я выступала, я была в парандже. Мне казалось, что это очень красиво. У меня были разные паранджи, леопардовая, цвета фуксии, розовая с крапинками. Я их заматывала, оставляла только глаза, а глаза красила сурьмой. И мне казалось, что это невероятно красиво. Но потом я поняла, что вдумчивые люди за паранджой услышат музыку, а поверхностные – увидят паранджу, а остальное и не заметят. Они до творчества даже и не дойдут и будут думать обо мне, что я певица в парандже. Я думаю, что это очень поверхностно, и я не хотела бы, чтобы люди думали, что я эксплуатирую острую тему ислама, что я на этом паразитирую. Я решила все это отменить, чтобы люди слышали мои песни. Там много всего яркого и интересного, и для этого мне не нужно эпатаживать людей паранджой. Поэтому я уже с год завязываю платок, как татарские старушки, тоже очень интересно».

Однако демонстративная этничность может иметь и более драматический характер, принимать форму протеста, разрыва с культурой общества, группы или семьи, утверждения права на собственный выбор. Это особенно проявляется в случае обращения русских девушек в ислам и ношения ими принятой в исламской традиции одежды. Как многие неофиты, они усерднее в исполнении предписаний, демонстрируя разрыв с прошлой жизнью и системой ценно-

стей. Но похожие проблемы возникают и у девушек из исламской среды. Гюзель Сабирова, исследовавшая опыт обращения к исламу татарок разных поколений, проживающих в Москве, подчеркивает конфликтность перехода к новой идентичности практикующей мусульманки, неодобрение ближайшего окружения, в том числе и родителей, которые, будучи этническими мусульманами, не всегда позитивно принимают новый облик своих дочерей⁴¹.

Несмотря на то, что сконструированная этничность несет на себе печать искусственности, ее вклад в выстраивание межкультурного диалога огромен, думается, что много больше, чем надежной и проверенной временем этнической традиции. Возникающий новый этнический продукт современен, вызывает большой интерес, выходит за рамки набивших оскомину традиционных культурных стереотипов. Конструирование этничности отражает социальный процесс, который можно определить как этнический дрейф, освобождение человека от жесткой привязки к канонам этничности; ставит социальную суть человека впереди его этнической принадлежности. Такое смещение акцентов чрезвычайно важно и для городской политики, поскольку является шагом к осознанию общих интересов в формировании культуры общежития.

III. Институализация этничности как направление этнической саморепрезентации связано с привнесением моральных норм, заложенных в этнической традиции, в различные социальные практики, с формированием собственных социальных институтов, касающихся воспитания и образования, заключения брачных союзов, соблюдения обрядовости, медицины и здравоохранения, питания, гражданской и политической жизни, системы информационных и финансовых обменов, общинной поддержки и благотворительности.

Важнейшим этническим институтом в крупнейших многонациональных городах является диаспора. Сегодня этот термин употребляется чрезвычайно широко, став жаргонным и практически отождествляясь с представлением об этнической группе. Известный российский политолог Ростислав Туровский пишет: *«Обычно о диаспоре говорят применительно к народам, происходящим из зарубежных государств. В России расширили это понятие. Мы, например, говорим о чеченской диаспоре, хотя Чечня – это часть России. Если*

*использовать это допущение, можно говорить обо всех народах, проживающих в Москве, кроме русских, как о диаспорах»*⁴².

Использовать такое допущение можно, поскольку важна не формальная сторона вопроса, а самоощущения людей, их вера в то, что они «чужаки» и никогда не будут приняты местным социумом. Но стоит уточнить: диаспора⁴³ – это довольно структурированное сообщество, важнейшими признаками которого являются, во-первых, наличие миссии и скрепляющей группу идентичности, способность к ее устойчивому воспроизводству; во-вторых, развитая система социальных и экономических связей, включая обмены информацией, капиталом, авторитетом, идеями, кадрами и прочее; в-третьих, сохранение отношений с «родиной» – постоянным источником поддержания и укрепления идентичности, материальным подтверждением мифов коллективной памяти, лоббирование интересов «своей» нации и поддержка реализуемых «дома» проектов.

Во второй половине XX века диаспоры стали почти исчезающим феноменом, тем не менее процессы экономической глобализации и резкая интенсификация миграций воскресили их. Во многих отношениях диаспора как организационная структура оказалась устойчивей, чем государство. С точки зрения идентичности она способна конкурировать с нацией, но в отличие от последней не имеет жесткой территориальной привязки, опираясь на социальные и экономические сети. До определенной степени это объясняет кризис государств, раскалывающихся на составные части, и возрождение диаспор в условиях глобализации, предполагающей доминирование сетевых отношений. Однако это не значит, что маятник не может качнуться в другую сторону и что государство не способно к изменчивости и саморазвитию.

Не стоит также ставить знак равенства между диаспорой и этническим анклавом. Сетевой принцип организации диаспоры препятствует анклавизации и выстраиванию жесткой иерархии. Диаспора предполагает ячеистую территориальную структуру с множеством центров культурной, экономической или общественной жизни, часто не совпадающих и иерархически независимых. Конечно, отдельные этнические сообщества, замыкающиеся в территориальные общины, могут входить в диаспору, но диаспора будет содействовать росту социальной и территориальной мобильности членов оукленной группы и, в конечном

итоге, ее разрушению. В целом «диаспора» и «мобильность» – две стороны одной медали. Однако и этнические анклавы демонстрируют способность к выживанию за счет притока новых мигрантов.

Как всякий сложный социальный организм, диаспоры имеют свои позитивные и негативные проявления. Они вносят огромный вклад в накопление капитала культурного разнообразия, без эффективной политической и финансовой поддержки диаспор многие социальные и культурные проекты не были бы никогда реализованы. В то же время создаваемые диаспорой сети используются не только в благих целях, но и организованной преступностью⁴⁴, которая также находит свое место под ее сенью и жертвует значительные средства на благотворительность.

И все же диаспора – это не Коза Ностра и не Аль-Каида. Основная цель диаспоры – не обогащение и не борьба с политическими режимами, а сохранение и развитие своего народа, подготовка его культурного и политического возрождения, повышение мировой значимости и, в конечном итоге, служение родине. Такая высокая миссия и позволяет интегрировать всех членов диаспоры независимо от их происхождения, материального положения и межгрупповых противоречий. Лидеры диаспоры обычно обладают моральным авторитетом и статусом.

Диаспору нельзя смешивать и с институтами гражданского общества. НГО, НКО, гражданские ассоциации и союзы действуют от лица группы, но в интересах всех, диаспора действует только в своих интересах, которые могут как совпадать, так и расходиться с интересами общества в целом. Главным критерием оценки социальных и политических событий, с точки зрения диаспоры, является то, как они отразятся на ее жизни или на жизни исторической родины.

Диаспора не монолитна и не нуждается во властной иерархии или корпоративной дисциплине. Главное – осознание людьми своей причастности и участие, которое может быть разовым, эпизодическим, частичным или активным. Реализация гуманитарных и политических целей, провозглашаемых диаспорой, является чрезвычайно затратным проектом, часто не приносящим никаких дивидендов, поэтому диаспора всячески поддерживает этнический бизнес, включая теневой, и стремится выстраивать отношения с теми представителями своего народа, которые достигли высокого социального положения.

Наличие или отсутствие диаспор нельзя трактовать в положительном или отрицательном смысле, это реальность, с которой необходимо считаться. Более того, последние десятилетия заставляют предполагать, что диаспора наряду с национальными государствами станет одной из ключевых форм территориальной организации общества⁴⁵. Диаспора заинтересована в интеграции с принимающим сообществом, поскольку это дает дополнительные возможности саморазвития, в том числе и за счет коррумпирования власти, но не в ассимиляции. Это предопределяет непростые отношения между диаспорой и властными структурами на всех уровнях, требующие постоянного согласования различающихся интересов, в том числе и в сфере этнокультурной политики.

Несмотря на широкое использование и даже демонизацию термина «диаспора» в применении к Москве, диаспор в столице пока нет, за исключением представительств старых мировых диаспор – китайской, еврейской, армянской и остатков греческой. Подтверждением этому служит развитость системы еврейских и армянских благотворительных организаций, ориентированных непосредственно на помощь людям, и практическое их отсутствие в случае других меньшинств. Большинство этнических благотворительных фондов, функционирующих в Москве, являются целевыми и служат для реализации какого-либо конкретного проекта – строительства мечети, поддержания школы и пр.

Ближе всех к оформлению диаспоры стоят чеченцы, консолидированные в результате войны и сохраняющие надежду на обретение собственной государственности. Однако сложившейся сегодня чеченской общине еще нужно продемонстрировать свою способность противостоять интеграционным процессам, преодолев разногласия между приверженцами и противниками идеи независимой Чечни. Мобилизованное в результате катаклизма чеченское сообщество может оказаться не слишком устойчивым.

Наиболее многочисленные украинская и татарская «диаспоры» не являются диаспорами в принципе и могут в них превратиться только в результате каких-то невероятных насильственных действий в отношении украинцев или татар. Эти меньшинства являются такими же «коренными», как и русские москвичи, особенно если вспомнить, что Московия выростала из русско-татарского симбиоза,

а Украина стала одним из главных поставщиков кадров советского нацстроительства. Рост интереса к этническим и религиозным традициям или раскол СССР вовсе не превращает украинцев и татар в диаспоры. Живя в Москве, они ощущают себя частью московского социума, а не народами, оторванными от основной территории проживания, – диаспорами Украины и Татарстана.

В целом этнические группы в Москве не являются ни структурированными, ни хорошо организованными сообществами. В городе действует порядка сотни национальных общин, землячеств и культурных ассоциаций, но они слабо взаимодействуют и могут даже не знать друг о друге. По разным оценкам, реальное участие в их деятельности принимают не более 10–15% представителей этнических меньшинств, но, конечно, это самые активные и заинтересованные люди, способные влиять на свое окружение. Примерно столько же (20–25%) вообще не поддерживают никаких «общинных» отношений. В среде этнических меньшинств сильны внутренние противоречия. «Старожилы» нередко неприязненно относятся к вновь приехавшим. Этническая интеллигенция стыдится и дистанцируется от своих «дикуватых» по московским меркам сородичей. Сильны и межклановые конфликты. Поведение остальной части этнических сообществ, фактически этнического большинства, не выделяется какими-либо особенностями. Люди сохраняют хорошие, чаще всего дружеские или родственные отношения со своими соотечественниками, пытаются налаживать новые рабочие контакты (трудовые или учебные) или выстраивать дружеские связи.

Однако сложившаяся ситуация не означает, что в Москве не могут возникнуть «представительства» других диаспор или новые диаспоры. Во-первых, в столице уже сложилась «диаспора гастарбайтеров»⁴⁶ со своими отношениями, рекрутинговыми компаниями, «культурными центрами», местами решения проблем, оказания медицинских услуг, обучения детей, авторитетами и связями. Второе поколение, дети сегодняшних трудовых мигрантов, частично будут ассимилированы, а частично, по мере обретения средств для саморазвития и компенсации пережитого унижения и комплексов, вполне могут вдохнуть жизнь в диаспору. Не стоит забывать, что диаспора – это продукт элит, а не нижних страт мигрантских сообществ. Во-вторых, трудности вхождения в московский социум, высокоме-

рие, отбраковывающее немосквичей от москвичей и нерусских от русских, рождает ответное высокомерие и утроенное желание этнического самоутверждения и реабилитации. В-третьих, в этнической среде достаточно образованных, энергичных и обеспеченных людей, способных стать авторитетными лидерами, выдвигающими новые инициативы и организующими социальную жизнь вокруг идей этнокультурного возрождения.

Сегодня в Москве можно наблюдать постепенную привязку этничности к социальным институтам, что также способствует формированию диаспор. В столице действуют пять детских садов и 46 школ с этнокультурным компонентом (татарская, азербайджанская, грузинская, армянская, корейская, еврейская, таджикская, литовская и др.), финансируемых из городского бюджета, еще в 84 школах введены различные этнокультурные программы. Как правило, школы с этнокультурным компонентом поддерживаются представительствами соответствующих стран или республик (субъектов РФ), обеспечиваются языковыми пособиями, преподавателями – носителями языка, разного рода шефскими программами, экскурсионными поездками, компьютерами и оборудованием. За счет спонсорской поддержки их бюджетная обеспеченность выше, чем в обычных городских школах. Лучшие выпускники, как в случае корейской, еврейской и литовской школ, имеют возможность поступления в университеты соответствующих стран. Кроме этого, в Москве действуют международные школы – британская, англо-американская, французская, итальянская, турецкая, израильская, норвежская, немецкая, – где преподавание ведется на иностранном языке по образовательным стандартам этих стран. В международных школах могут учиться и российские дети, но на платной основе.

Лучшая финансовая обеспеченность влечет за собой и лучшую кадровую укомплектованность школ. Авторы книги «Интеграция мигрантов средствами образования» констатируют: «Часто родители отдают детей в школы с этнокультурным компонентом образования, руководствуясь желанием дать ребенку высококачественное образование и дополнительный шанс для последующего профессионального роста»⁴⁷.

Создание этнокультурных школ в Москве – явление не новое. Перед войной в столице насчитывалось пять татарских школ, одна

немецкая и пять неполных средних – еврейская, мордовская, латышская, английская и польская. Восемь из них были самостоятельными, а три – отделениями при русских школах. Кроме того, имелось девять отдельных классов при русских школах: ассирийские, цыганские, татарские. Все это было данью росту национального самосознания, ликвидации безграмотности и проводимой национальной политики. Целью этих школ было не сохранение национальных языков и культур, а обучение русскому. По данным переписи 1939 года, общее число русскоязычных в городах составляло 75,4%, а среди городского нерусского населения русским языком в полной мере владели только 25,4%⁴⁸. Во время войны национальные школы в Москве были закрыты и после уже не открывались.

Новая волна создания национальных школ начала подниматься в конце 1980-х годов. Первой ласточкой стала мини-школа для ста армянских детей, проходивших реабилитацию в Москве после Спитакского землетрясения в 1988–1989 годах. Потом дети разъехались, а структура осталась и первое время функционировала как армянская воскресная школа. Затем развитие пошло по пути расширения языковых групп. Представители любого народа, живущие в Москве, имели возможность организовать здесь свои курсы. Армянский центр трансформировался в «поликультурный». В 1989 году была открыта грузинская гимназия, ее основатель академик Шалва Амонашвили полагал, что, *«предоставляя разным национальностям возможность сохранять свою культуру, в частности язык, в том числе на уровне школы, власти снимают межэтническое напряжение. В противном случае неизбежны конфликты»*.

После распада СССР в 1991 году началась цепная реакция создания национальных школ, ядра которых были заложены в поликультурном центре, а сам центр преобразовался в государственную экспериментальную школу с углубленным изучением языков, истории и культуры разных народов. Оформившиеся в 1991–1994 годах этнокультурные школы были поддержаны ЮНЕСКО в рамках программы «Развитие национальной школы», что резко повысило их статус.

По словам Любови Кезиной, до недавнего прошлого руководителя департамента образования Правительства Москвы, *«это школы не национальные, а имеющие этнокультурный компонент. Открывает их департамент образования по просьбе различных националь-*

*ных общин или культурных центров. Дети 120 национальностей, которые в них учатся, родились и живут в Москве. Мы обязаны дать им возможность учить свой родной язык. При этом часто дети, изучающие родной язык, начинали потом учить ему и своих родителей. Это уникальное явление»*⁴⁹. Положим, это явление совсем не уникальное, образование детей в образовании родителей играет огромную роль, поскольку родители заново «поступают» в школу со своими детьми, но гораздо ответственней относятся к изучаемым предметам. Да и употребление эвфемизма «этнокультурный компонент» затушевывает процесс межэтнического размежевания на ранних этапах социализации детей. Проблема эта пока слабо осознана на уровне лиц, принимающих решение. Об этом свидетельствует тот факт, что в Москве среди школ с этнокультурным компонентом 23 – русские! *«Сделали мы это потому, что наши ребята не знают своих традиций, плохо ориентируются в вопросах культуры, православной религии»*⁵⁰, – говорит Любовь Кезина.

Этнокультурные школы позиционируются как русско-этнические и по идее теоретиков школьного образования должны способствовать формированию «бикультурной личности»⁵¹. Предполагается, что учеба в таких школах позволяет лучше узнавать «другую» культуру, сравнивать и критически осмысливать ценности каждой из культур и в итоге формировать свою собственную культурную идентичность.

Московская концепция этнокультурного образования, созданная в 1990-х годах, по мере применения и изменения миграционной ситуации в городе претерпела заметные изменения. Первоначально этнокультурное образование должно было решать три взаимосвязанные задачи: 1) обеспечить личности возможность самоидентификации как представителю той или иной культурной общности, 2) создать условия для равноправного диалога с имеющимся инокультурным окружением, 3) обеспечить включенность личности в современные мировые процессы⁵². Концепция дальнейшего развития этнокультурного образования в Москве в качестве его главной цели выдвигает *«воспитание российской и московской идентичности, гражданственности и патриотизма независимо от национальной принадлежности учащихся. Этнокультурная составляющая образовательного процесса должна быть нацелена на формирование позитивной этничности, межкультурной компетентности и толерантности учащихся, вос-*

питание личностных установок культуры мира, межнационального диалога и согласия»⁵³. Хотя формулировка новой цели грешит неточностью и сомнительностью употребляемых выражений, она отчетливо демонстрирует переход от групповых принципов выработки этнической идентичности к индивидуальным, личностным. Эти идеи и далее прослеживаются в Концепции. Несмотря на то, что в тексте прямо указывается на необходимость сочетать общегражданское воспитание с поддержанием «этнической культурной самобытности»⁵⁴, документ фактически ставит под сомнение целесообразность существования созданной и окрепшей в Москве системы этнического образования и необходимость перехода от образования для «разных по культуре» к образованию «для всех».

Действительно, повседневная практика показывает, что «бикультурный», «билингвальный», «поликультурный» или «межкультурный» подход «с использованием принципов диалога культур» – не более чем красивые формулы на бумаге, не имеющие действенного механизма претворения в жизнь. Вопрос об интеграции различающихся культурных смыслов и ценностей в процессе школьного образования по-прежнему остается без ответа. Надежды на автоматическое «срастание» мировоззрений в результате совместного обучения вряд ли оправданы. По сути, московские этнокультурные школы предлагают подросткам раздвоенную модель мира, с одними правилами в московской русскоязычной среде и с другими – в семье и своей этнической группе. Первое требует значительной модернизации и пересмотра системы взглядов. Дети начинают стыдиться своих недостаточно современных родителей. Как грустно пожаловалась мне одна таджичка, ее дочь стыдится несовременного внешнего вида своей матери и настаивает, чтобы та носила джинсы и сняла платок. Второе предполагает следование традиции. Очевидно, что возникает раздвоение личности, провоцирующее кризис идентичности, который подталкивает человека не к бикультурности, а к определенности и следованию одной из линий поведения.

Этот выбор может быть сделан еще в школе. Вот слова бывшей ученицы 157-й азербайджанской школы: *«...действительно учились только русские дети, а наши на всех уроках болтали, обсуждали свои любовные дела и т.д. Хотя я наших тоже хорошо понимаю, теперь... Одни только язык хорошо знали, другие и его толком не знали, а ро-*

дители все равно их впили в эту школу. У меня была такая же проблема: говорила хорошо, но грамматика моя равнялась нулю. Короче, мы только время проводили. Потом уже мне наняли репетитора, и я перешла в русскую школу».

«Двойные» школы довольно быстро утрачивают свой смешанный характер, дрейфуя в сторону этнической составляющей. Лема Гирфамова, директор татарской школы, в интервью газете «Труд» рассказывает: *«Есть у нас, конечно, и русские дети, но мало. Зато татарских детишек, желающих записаться в школу, хоть отбавляй – везут со всей Москвы».* Показательна и история со школой № 223, директор которой Дали Макацария в 2003 году получила лицензию на введение грузинского компонента в учебный процесс. В школе были организованы две смены: в первую – учеба шла по обычной программе на русском языке, во вторую – для грузинских детей на грузинском языке. Дети не могли «поделить» школу, каждый считал ее «своей», а не общей и указывал сверстникам другой национальности «на дверь». Никакой бикультурности не возникло, напротив, нарастали взаимные претензии. Родители, неодобрительно относясь к «межкультурным контактам», стали переводить детей в соседние школы, не желая, чтобы в аттестатах было упоминание о грузинском компоненте. Начали уходить и прежние учителя, их заменяли новые, грузинские. В конце 2004–2005 учебного года в другую школу перевелись сразу два «русских класса» в полном составе. Вокруг школы разгорелся скандал с митингами и пикетами под лозунгами «Хватит притеснять русских!» В конфликт ввязались националистические общественные движения и депутаты муниципального собрания. Это продолжалось целый месяц, и потребовались серьезные усилия департамента образования Правительства Москвы, чтобы его погасить, сохранив за школой статус русско-грузинской⁵⁵.

В большинстве подобных бикультурных школ не решен ключевой вопрос, касающийся иерархической структуры формирующейся системы ценностей. Однако он не решен и на уровне Концепции национальной образовательной политики РФ (2006). В документе можно прочесть, что *«к приоритетам такой политики принадлежат удовлетворение этнокультурных и языковых образовательных потребностей народов России в сопряжении с сохранением единства федерального культурного, образовательного и духовного прост-*

ранства, консолидация многонационального народа России в единую политическую нацию, формирование в корреляции с этнической самоидентификацией общероссийского гражданского сознания». Думается, что все должно быть наоборот: если мы заботимся о целостности страны, то приоритетом такой политики должно быть сохранение «единства федерального культурного, образовательного и духовного пространства, консолидация многонационального народа России в единую политическую нацию» и при этом сохранение и расширение «возможности удовлетворения этнокультурных и языковых образовательных потребностей».

В результате бикультурная школа рассматривается как завоевание этнического меньшинства, как его выделенное социальное пространство, своя территория. Поэтому крайне тяжело, несмотря на все декларации, добиться, чтобы ученики признали приоритет общих интересов над интересами своей этнической группы. Тем более что «общие интересы» в значительной степени воспринимаются и неверно трактуются как интересы русского большинства, формирующего принимающее сообщество.

Сольвейга Валаткайте, директор литовской школы: *«Сюда часто приезжают дети, которые не владеют русским языком, и наша задача – помочь им адаптироваться. С другой стороны, в смешанных браках здесь рождаются малыши, которые рано или поздно столкнутся с непростой проблемой выбора языка»⁵⁶*. Показательны расставляемые акценты. Одно дело, когда школа учит детей языкам и культурам разных народов, поскольку это соответствует интересам страны и среди ее граждан есть люди, которые по культурным причинам мотивированы к их изучению. И совсем другое дело, когда обучение ставит человека перед выбором, какой язык является для него основным и что важнее – гражданская или этническая принадлежность?

В итоге право основных этнических меньшинств в Москве учить своих детей родному языку реализовано. Этнические школы функционируют наравне с обычными. При этом цели их деятельности сформулированы с позиции этнических меньшинств, а последствия формирования «бикультурных личностей» не ясны. В национальных школах, сумевших завоевать себе репутацию, учатся дети второго, а то и третьего поколения этнических меньшинств, живущих в Москве. Это значит, что школы работают прежде всего на воспроиз-

водство этнических элит и обслуживают интересы существующих или будущих диаспор.

IV. Укрепление фундамента этничности – использование религии или принадлежности к какому-либо обширному культурному миру как фундаментального основания этнической общности; перевод стрелок межэтнических отношений на уровень цивилизационного выбора.

Реконструкция фундамента этничности может работать как «механизм включения», способствующий расширению узких рамок этнической принадлежности, так и как «механизм исключения», позволяющий делить овец на черных и белых, истинных и случайных представителей группы, фактически трансформируясь в фундаментализм.

Хотя понятие фундаментализма срослось с исламом, это явление можно наблюдать в самых разных сферах жизни, далеких не только от ислама, но и от религии. Суть фундаментализма состоит в категоричном отказе от плюрализма, признании единственно верным только своего видения мира и способа жизни, отказе признавать изменения других и меняться самим⁵⁷.

Возможен и прямо противоположный способ укрепления или сохранения фундамента этничности посредством обращения к «зонтичным» культурным системам, соотнесения себя с более широким культурным миром, определения своего вклада в образование значимого целого.

Причин происходящих сдвигов в этнической самоидентификации и саморепрезентации довольно много, и они противоречивы. Прежде всего, современные сообщества мигрантов, нацеленные на модернизацию и изменение своего социального положения, все хуже отзываются на этнические аргументы как архаичные. Призывы к служению родине, которую они добровольно покинули в поисках заработков или лучшей доли, не вызывают большого энтузиазма. Да и само понятие «родины» уже во втором поколении утрачивает свой первоначальный смысл, превращаясь в далекую «землю предков». Изменившиеся реалии отняли у этнических лидеров такой мощный мобилизационный стимул, как «изгнание». В подавляющем большинстве случаев мигранты не только сами выбирают, куда им «бежать», но и имеют возможность вернуться домой и убе-

даться, что репатриироваться им не хочется. Скорее возникает проблема «неприкаянности», когда люди не ощущают себя ни достаточно интегрированными в новое сообщество, ни достаточно связанными со старым. И вот здесь на помощь приходит религия, культурная или территориальная общность, ощущение себя православным, мусульманином, евразийцем, европейцем, африканцем, латиноамериканцем, русским, как все эмигранты из бывшего СССР, или кем-нибудь еще. Через религию или «свой» культурный мир представители этнической группы «включаются» в важнейшие мировые процессы как в прошлом, так и в настоящем. Выход за узкие рамки этнической принадлежности позволяет легче выстраивать стратегии личного успеха и адаптироваться в разных жизненных ситуациях, опираясь на более широкий фронт поддержки, не только моральной, но и материальной, обращаясь в различные благотворительные фонды.

Иные причины привязки этничности к религии связаны со стремлением защитить себя от давления глобализации. Архаизация этничности, возврат к отжившим социальным практикам позволяют спрятаться за традицию как единственно возможный и оправданный многими поколениями способ жизни, предопределяющий свой особый путь и свое особое место в истории. Религия, в первую очередь такая, как ислам или иудаизм, расписывающая правила жизни человека, становится законом, соблюдение которого жестко требуется от представителей группы, если они хотят сохраниться как народ. Но и в христианстве крайне сильны интенции к морализаторству и фундаментализму, позволяющие использовать религиозные заповеди как этико-моральный код современной жизни. Между этносом и вероисповеданием ставится знак равенства, исключающий иной выбор, вроде «православие – основа формирования русской нации». Такая постановка вопроса приводит к резкому сужению границ этноса, поскольку его членам надо обладать чистотой этнической принадлежности, веры и помыслов.

Третья причина фундаментализации этничности – это стремление дистанцироваться от «включающей» общности, что требует легитимных оснований. Эту функцию лучше всего выполняют культурные аргументы, доказывающие принадлежность к иному культурному миру. Положение насильно удерживаемого позволяет

выдвигать разного рода требования – от получения отдельных привилегий до создания собственной государственности.

Репрезентация этничности через религиозные символы, идеи и традиции как масштабный проект реализовалась в Москве только в случае демонстрации единства русской нации и православия. Русской православной церкви отведена роль высшего морального арбитра, ее авторитет используется для создания позитивного образа власти, разделяющей христианские ценности. Первые лица государства публично демонстрируют свое религиозное усердие, телевидение транслирует встречи Президента с иерархами Церкви, и все эти образы как бы ненавязчиво подтверждают значимость религии как фундамента «русской идеи» и «русскость» российской власти – правопреемницы российской государственности.

Эта позиция отвечает представлениям русского большинства столицы. Согласно опросам Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в Москве к верующим православным себя причисляют 62–66% населения, хотя посещающих регулярно церковь и соблюдающих обряды набирается не более 10–12%. Даже на Пасху и Рождество на службу в храм приходят менее четверти москвичей, искренно считающих себя верующими, для остальных все ограничивается застольем⁵⁸. Церковь явно не справляется с возложенной на нее идеологической миссией. Поэтому, стремясь к объединению общества на религиозной платформе, государство прибегает к наиболее эффективным инструментам воздействия – телевидению и школьному образованию.

На протяжении всех 2000-х годов в столице ведется активная дискуссия о необходимости преподавания в общедоступной школе предмета, связанного с религией. Конкурируют две основные формы представления знаний. Первая – «Основы православной религии» – ориентирована на большинство и обретает в силу этого этнический характер, хотя «православные» и не обязательно «русские». Предполагается, что предмет будет способствовать морализации общества и претендует на воспитание патриотических чувств у молодого поколения. Вторая концепция – просветительская и связана с изучением «Истории мировых религий». Она имеет светский характер и менее отягощена «воспитательной» функцией, поэтому менее популярна у идеологов «русской идеи» как интегрирующей платформы государства.

Несмотря на то, что население города в целом разделяет идею введения «Основ православной культуры» в качестве факультативного предмета в школе и даже полагает, что лучшими учителями будут священники, московские власти не торопятся с ее реализацией⁵⁹. «Основы православия» были введены только в школах с русским этнокомпонентом. Дискуссия, развернувшаяся в обществе вокруг этого спорного предмета, вызвала не только острую критику со стороны представителей других российских конфессий и лидеров этнических республик в составе РФ, но и симметричный ответ – разработку школьного курса «Основы мусульманской культуры».

Фундаментализация этничности выразилась и в фактическом наложении запрета на критику Церкви. Проявлением этого стал скандал вокруг выставки «Осторожно, религия!», проходившей в Москве в январе 2003 года. Целью организаторов выставки было привлечь внимание к коммерциализации Церкви, ее альянсу с властью и нередко лицемерию. В экспозиции были использованы многочисленные религиозные символы, недвусмысленно апеллирующие к православию. Так, большое раздражение вызвала композиция из трех водочных бутылок, увенчанных репчатými луковицами, явно намекающая на льготы, полученные РПЦ на торговлю спиртным и табаком. Выставка была разгромлена, ее организаторы обвинены в разжигании межнациональной розни, а участники погрома оправданы как защитники России и православия. В искусствоведческой экспертизе выставленных экспонатов, проведенной по требованию суда, подчеркивалось, что *«Русская православная церковь является исторической и социальной реалией, имеющей фундаментальное национальнообразующее, социообразующее и государствообразующее значение на всей огромной территории Российского государства на протяжении всей истории его существования. Поэтому негативные и уничтожительные характеристики, высказываемые по отношению к ней, входят в конфликтное противодействие со всей совокупностью традиционных и сакральных устоев, на которых созидалась история Российского государства, формировалось национальное самосознание русских и других православных народов России»*⁶⁰.

Реакцией московских интеллектуалов на фундаментализацию российской идентичности и сведение ее к «русской идее» было со-

противление. В 2005 году Марат Гельман организовал выставку «Россия-Два», целью которой было создание диалоговой площадки, где могла бы развиваться культурная система, параллельная официальной. На вопрос о разнице между Россией Один и Два он ответил: *«Россия-Один работает с прежними достижениями культуры, занимается адаптацией прошлого к сегодняшнему дню, точнее, сегодняшнего дня к прошлому, а Россия-Два – аккумулятор настоящего и генератор будущего, художественно перерабатывающий текущую жизненную реальность»*. Экспонаты новой выставки также имели антиклерикальный характер, но были освящены авторитетом Третьяковской галереи и именами признанных художников. В марте 2007 года в Музее и общественном центре им. Андрея Сахарова прошла еще одна выставка «Запретное искусство – 2006», также под патронажем Третьяковки. Экспонаты выставки можно было увидеть через небольшие отверстия в стенде, представлявшем глухую стену. Такое концептуальное решение имело и функциональную составляющую: пощадить национальные чувства сторонников движения «За нравственное возрождение Отечества» и лишить их возможности использовать аргументы о разжигании межнациональной розни для организации нового погрома.

Несмотря на доминирование в городе русской репрезентации через православие, наибольшее внимание к себе со стороны общества и СМИ привлекает ислам. В Москве проживают порядка миллиона человек, являющихся представителями 22 народов, исповедующих ислам. Верующими мусульманами считают себя 4% населения города, что втрое меньше потенциально возможной исламской общины Москвы, исходя из численности населения. Но и среди тех, кто считает себя верующими, действительно практикующих не более 10%. Следовательно, в случае ислама, как и в случае православия, религиозные предписания воспринимаются как часть этнокультурной традиции, а не как образ жизни.

Представители Совета муфтиев несколько иначе оценивают ситуацию. Муфтий Равиль Гайнутдин, глава Духовного управления мусульман Европейской части России, не раз подчеркивал, *«что в Москве 3,5 миллиона мусульман, в том числе около миллиона татар и почти столько же азербайджанцев»*⁶¹. *Плюс еще этнические мусульмане из Средней Азии, дальнего зарубежья. Это громадная цифра»*⁶².

В Москве действуют сегодня четыре основные мечети – Московская Соборная мечеть на Проспекте Мира, Историческая мечеть на Большой Татарской улице, Мемориальная мечеть на Поклонной горе и мечеть «Ярдам» в Отрадном, объединяющая суннитский и шиитский храмовые комплексы⁶³, – и порядка 40 религиозных общин. В 1988 году при Московской Соборной мечети было открыто медресе «Исмаилия», в 1994 году – Московский высший духовный исламский колледж, в 1998 году – Московский исламский университет. Практически при всех мечетях со дня открытия были организованы медресе или факультативные учебные курсы. В 1994 году было основано Духовное управление мусульман Центрально-Европейского региона России (Московский муфтият), позднее переименованное в Духовное управление мусульман Европейской части России.

Помимо мечетных институтов в Москве представлены и другие конфессиональные, этнокультурные и исследовательские структуры, открылись мусульманский роддом, стоматология, салоны красоты, магазины женской одежды, кафе и рестораны, где не подают свинину и алкоголь. Халяльная, приготовленная в соответствии с мусульманскими нормами, продукция продается в киосках при мечетях, в двух крупных сетях супермаркетов и 30 торговых точках. В 2008 году должна была начать функционировать сеть из 40 халяльных мини-маркетов. Магазины снабжаются мясокомбинатами, расположенными в Щелково, Воскресенском и Раменском, где параллельно с халялем выпускается кошерная продукция. Однако исламские нормы далеко не всегда строго соблюдаются, а прилагательное «халяльный» используется в маркетинговых целях. По распоряжению Совета муфтиев в начале января 2008 года была проведена проверка полусотни халяльных кафе и ресторанов, которая показала, что там, так же как и везде, курят и подают спиртное, к тому же и мясо частенько было «неизвестного происхождения». Кроме магазинов и сетей питания, в Москве работают турфирмы, обеспечивающие отправку мусульман в Мекку, открыты кадровые, брачные и ритуальные агентства, адвокатские бюро, издательства, правозащитные организации. В общем, сложился свой исламский мир, который, конечно, значительно меньше православного, но зато значительно более привлекающий внимание и актуализирующий присутствие ислама в Москве.

В отличие от православия, апеллирующего к истокам русской нации и этническим корням, ислам в Москве позиционирует себя как умеренное, публичное и современное религиозное течение, нацеленное в будущее. Яркий пример – Бутово, где Марат Алимов, уроженец Москвы, имеющий высшее образование и закончивший уже в постсоветское время исламский институт в Катаре, организовал исламскую общину «Милость». По его данным, в Северном и Южном Бутово проживают 40–60 тыс. этнических мусульман – татар, чеченцев, дагестанцев, узбеков, азербайджанцев и др. Это порядка 20–30% населения. Перепись 2002 года не подтверждает эту информацию, давая цифру в 6,9 тыс. человек, но в любом случае это достаточно внушительная группа.

Марат Алимов мечтает объединить этнически пестрое и разрозненное сообщество мусульман. *«В 2005 году по благословению муфтия шейха Равиля Гайнутдина мы проявили инициативу и начали регистрацию общины. ... Я знаю, что у вас сейчас на уме. Но я не говорю о традиционном исламе, не надо об этом писать. Потому что традиционный ислам – это эпоха первобытного человека. А у нас умеренный ислам, мы обычные люди, такие же, как все. ... Цель нашей организации – не только детские сады. Мы помогаем не только мусульманам. Собираем помощь для приютов, для интернатов – одежду, старые компьютеры. Мы не пиаримся. Вот это можно записать. Мечтаем культурный центр в Бутове построить. ... Культурный центр должен вмещать под одной крышей мечеть, воскресную школу, халяль-магазин без спиртных напитков, но с низкими ценами. ... Там будет и досуговый центр, и Интернет, и ресторан халяльный. ... Также должен быть свой кинотеатр для мусульман, театр мусульманский, конференц-зал и мусульманская гостиница – хорошая, пятизвездочная, где могли бы располагаться SPA-салоны, салоны красоты. Отдельно для женщин и отдельно для мужчин. Фитнес – только для женщин. Бассейн – только для женщин и только для мужчин. И обязательно медресе, среднее религиозное образование, воскресная школа и филиал Московского исламского университета. Со своим общежитием, со своим пансионом»⁶⁴.*

Такая масштабная программа деятельности может и толковаться, и использоваться по-разному. С одной стороны, ислам привлекается как способ преодоления этнической ограниченности, форма ин-

теграции этнических мусульман в московский социум, но с сохранением своих отличительных особенностей. С другой стороны, явно просматриваются черты ядра будущей диаспоральной структуры.

Духовное управление мусульман в Москве не имеет столь прямого доступа к власти, как иерархи РПЦ. Поэтому, подводя фундамент под различные этнокультурные проекты, московскому муфтию приходится апеллировать к лидерам регионального масштаба, прежде всего президенту Татарстана Минтимеру Шаймиеву или мэру Москвы («Юрий Лужков сказал, что в каждом округе в Москве должен быть мусульманский храм, чтобы каждый мусульманин мог добраться помолиться»⁶⁵), реже к президенту или даже патриарху как к лицу, влияющему на принятие государственных решений.

Третья мировая религия – иудаизм – также имеет свою длительную историю в Москве. Наиболее известная Московская хоральная синагога в Большом Спасоглинищевском переулке была открыта еще в 1891 году. Кроме главной синагоги, в Москве действуют Мемориальная синагога на Поклонной горе, где открыт Музей Холокоста, общинный центр Хабада в Марьиной роще, включающий синагогу, и историческая синагога на Большой Бронной. Работает более десятка еврейских средних учебных заведений, половина из которых возникла на основе бывших общеобразовательных школ. Функционирует Еврейский университет, который в 2003 году был преобразован в Высшую гуманитарную школу им. С. Дубнова, Высшее духовное училище «Огалея Яков», Духовная академия иудаики «Торат Хаим» и еще десяток специализированных учебных заведений. Для еврейской общины вопрос фундаментализации этничности не стоит, поскольку иудаизм изначально является основной чертой еврейской самоидентификации. Московские евреи, численность которых втрое сократилась за постсоветские годы, находятся «под патронажем» еврейской диаспоры и сами активно принимают участие в ее деятельности. Московские раввины, популяризирующие еврейские праздники и традиции (так, Ханука отмечается в Кремле), в то же время пропагандируют основные ценности демократического общества и поддерживают правозащитников.

Есть в Москве и свои язычники. В поисках краеугольного камня фундамента этнической идентичности они ушли в дохристианскую глубь веков, где, видимо, и нашли самые незамутненные источники

русской традиции. Свою веру неоязычники называют «язычеством», «ведической верой», «родянством», «родноверием», «исконной традицией», «поконом», «природной верой», «родовой верой». Практически во всех московских лесопарковых зонах существуют свои капища. Если по Битцевскому лесопарку, Лосиному острову или Царицыно прогуляться после летнего Ивана Купалы или зимней Коляды, то в глаза бросятся свежие кострища, разноцветные ленточки на деревьях, зерна пшеницы и цветы, принесенные в жертву духам леса. Хотя язычники почти не занимаются миссионерством, на их красочные праздники-представления собираются тысячи. Язычники, как и представители официальных церквей, считают своих последователей миллионами, включая в их число всех тех, кто наряжает елки, оставляет водку и хлеб на могилах, гадает, стучит по дереву или плюет через правое плечо.

*«Язычники – это люди одного языка, принадлежащие одной Традиционной культуре, одному роду-племени, которые чтят его обычаи, любят и берегут свою Землю, хранят родо-племенные мифы и воспроизводят родовые (языческие) отношения в новых поколениях. При этом Земля, народ, ее населяющий, другие формы жизни и Боги образуют единое родовое целое, что отражается в мифах и обрядах, в способе жизни и хозяйствовании. Для язычников основополагающими понятиями являются род, семья, община, племя, народ, Земля и Природа»*⁶⁶. Другими словами, язычники разделяют консервативные и ретроградные позиции примордиализма, не мысля этнос в отсутствии единства Земли и Крови.

Будучи людьми образованными, неоязычники организовали в Москве шесть общин, наиболее известные из них – «Круг языческих традиций», выступающий против расизма и национализма в языческом движении, и «Союз славянских общин Славянской родной веры», имеющий выраженную расистскую направленность. Как заявил один из лидеров второй организации Андрей Добровольский, *«чистота крови является сокровищем. Нарушить ее – значит навсегда утратить родство с Предками-покровителями»*.

Хотя неоязыческие объединения не особенно нуждаются в признании со стороны власти, активисты «Круга языческих традиций» сочли необходимым обратиться к президенту для легитимации своего статуса и к мэру Москвы для официального выделения места в городе для отправления религиозных нужд. Городские власти не

рассматривают неоязычников как реальную силу, РПЦ также воспринимает их как маргинальное течение, хотя время от времени милиция совершает рейды, разрушая деревянных идолов и постройки на языческих капищах.

Неоязыческие союзы и властью, и населением воспринимаются скорее как игра, несмотря на откровенно националистическую риторику, и становятся все более популярными. Они впитывают в себя все самые модные социальные направления и движения – от экологических («*Чтобы встать на стезю язычества, надо выйти за порог и идти неприметной тропой в лес. А там вслушиваться – в шелест листьев, скрип высоких сосен, журчание ключа. И оно, язычество, придет и захватит Вас*») до социокультурных: феминизма, идей хиппи и свободной любви, музыки в стиле «этно», этнофутуризма, нью эйджа (new age), буддизма, индуизма, кришнаитства, ролевых игр и других. Язычество смыкается с фольклорной традицией, завершая круг этнических саморепрезентаций.

Заключение. Культурное разнообразие versus этническое самоутверждение

Развитие такого огромного города, как Москва, только в очень ограниченной мере является результатом продуманной и целенаправленной политики, с просчитанными последствиями принимаемых решений. В гораздо большей степени это результат стечения обстоятельств и действия сил, не имеющих никакого отношения к планировочным органам. Незапланированные, «побочные» эффекты принимаемых законов, инвестиционных проектов, различных социальных и культурных программ нередко перевешивают запланированные, порождая кардинальные сдвиги не только в жизни города, но и в его пространственной организации.

Этот тезис имеет прямое отношение к освоению этнокультурного разнообразия. Современная этнокультурная политика Москвы строится одновременно под влиянием устаревших советских представлений об объективном характере этничности и вполне современных страхов перед этнокультурным разнообразием, которое в любой момент может обернуться этническими анклавами или кон-

фликтами, с которыми непонятно, что делать. Поэтому принимаемые решения, имеющие далеко идущие последствия, находятся в русле удовлетворения этнических запросов меньшинств и актуализации этничности большинства в духе раздачи «всем сестрам по серьгам». Этнокультурные традиции сильно романтизированы и рассматриваются как жизнеспособная альтернатива глобализации. При этом этнокультурная деятельность направлена на подчеркивание самобытности и своеобразия, но никак не на сходство культур.

Побочным эффектом такой политики становится производство этнических элит в Москве и абсолютизация этнокультурных различий. Культурное равноправие трансформируется в равное право на этническое самоутверждение (этноцентризм), даже в тех случаях, когда для этого нет объективных предпосылок. Например, целенаправленные усилия по формированию татарской диаспоры в Москве являются явным политическим проектом, в реализации которого заинтересованы Татарстан и группа националистически настроенных московских татарских элит, но никак не московские татары или Москва в целом. Этнокультурное размежевание усиливается социальным расслоением и имущественной сегрегацией, что неизбежно выливается в ослабление московской идентичности, которая могла бы смягчить существующие межэтнические противоречия и способствовать консолидации населения города.

Это серьезный вызов развитию Москвы, поскольку требует тонкой политики согласования интересов и взвешенных решений, направленных на интеграцию общества. Опыт управления культурным разнообразием, накопленный в предыдущий, советский период развития и основанный на идеях многонациональности, становится малоприменимым, а имеющихся средств (инструментов, ресурсов) недостаточно для разрешения накопившихся противоречий.

Хотя мэр Москвы Юрий Лужков не устает повторять, что «многонациональность – это не проблема, а наше богатство», невольно возникает вопрос: а чего стоит это богатство, если мы не знаем, как им распорядиться? Если СМИ и общество рассматривают его как пороховую бочку, способную взорваться в любое время и полыхнуть как в пригородах Парижа?

Сегодня все чаще высказывается точка зрения, что Москва – это русский город. Мигранты, если они ориентированы на долгосроч-

ное пребывание в столице, «должны приспособиться к условиям жизни русского города... отказавшись от многих этнических и культурных атрибутов, дабы не выделяться среди жителей Москвы и не вызывать недоумения и недовольства»⁶⁷.

Хотелось бы оспорить этот тезис. Москва – город космополитичный, в котором русские составляют большинство населения. То, насколько российская столица сумеет реализовать свои претензии на статус мирового города, что требует не только «богатства» и блеска витрин, но и мощной культурной продуктивности, способности сказать «новое слово», зависит от большинства, от того, насколько оно будет способно оценить значительность аутсайдерских усилий меньшинств в создании новой оригинальной версии российской культуры. Этот путь от культуры меньшинства к признанной культуре большинства уже прошли совсем другие, не этнические меньшинства, а художественный, музыкальный и театральный андеграунд, который очень долго исключался из основного потока культурной жизни в советское время. (Можно привести и массу других примеров, но этот еще жив в памяти.) Потребовались серьезные изменения мировоззрения большинства, а не только правящих элит, чтобы андеграунд превратился в символ эпохи, доказывающий культурную продуктивность советского общества. Так же и этнические меньшинства являются лакмусовой бумажкой, выявляющей нашу способность к плюралистическому мировоззрению и саморазвитию.

Космополитичная природа Москвы и ее дрейф в открытое мировое пространство требуют изменчивости ото всех и по всем параметрам. Нужно не приспособливаться друг к другу – это задача минимум, а стремиться к соответствию критериям современного гуманистического общества, хотя это и звучит как утопия. Другими словами, нужно отказаться от видения представителей иных народов через призму «потенциальной враждебности», изменить ракурс и перестать искажать реальность. Этнические группы и даже этнические меньшинства в Москве не представляют угрозы для большинства. Москва продолжает работать как огромный «плавильный котел» не потому, что это русский город, как раз акцентирование русскости затрудняет «плавку», а в силу ассимилирующей роли городской культуры, меняющей и русских, и нерусских. Действенной в случае Москвы остается и модель мультикультурализма, оставляющая «воздух» традиционным

культурам, собственную жизненную нишу, и допускающая параллельное существование современного и архаичного миров. Важно только, чтобы архаичные представления и предрассудки не начали играть первую скрипку в обществе. В этом направлении и должна была бы работать этнокультурная политика, акцентирующая идеи культурного плюрализма. Подчеркну, что **плюрализм означает не только то, что всего много, но и то, что все – вместе.**

Капитал культурного разнообразия – это не эвфемизм или политкорректная форма признания неспособности справиться с активными миграционными процессами, это реальность современного мира, без которой немислимо дальнейшее успешное развитие городов. Несколько утрируя, можно сказать, что сегодня оно опирается не на оседлый и добропорядочный средний класс, как было на протяжении всего послевоенного времени, а на миграцию, как это было в эпоху бурной урбанизации. Экономика всех нас вынуждает становиться в той или иной мере «мигрантами», разница между «мобильностью» и «миграцией» все больше стирается.

Ричард Флорида выдвинул тезис о том, что будущее каждого города все в большей степени зависит от его способности притягивать, удерживать и даже «баловать» мобильный и требовательный класс творческих людей, от аккумулированных усилий которых зависит появление новых источников экономического роста. Главным полем конкуренции между городами становится не промышленно-производственная сфера, не сектор услуг, а то, что Флорида назвал «три Т» – технологии, таланты и толерантность⁶⁸. Толерантность требуется во всем, не только в отношении к мигрантам, но и ко всему новому. Однако и таланты нужны другого рода, связанные с широким пониманием креативной деятельности, включая менеджмент, дизайн, градостроительство, интеллектуальную деятельность и просто умение жить. Отсюда следует, что этнокультурная политика города должна строиться исходя из поддержки разных форм креативности, включая и этнические, поскольку они принципиально важны для укрепления стратегического направления экономического развития города, его будущего успеха.

Но, может быть, все это «не про нас»? Современная Москва притягивает к себе не только креативные личности, основную массу миграционного потока составляют трудовые мигранты, вовсе не избало-

ванные и озабоченные проблемами выживания. Однако это не значит, что Москва может расточительно пренебрегать этими человеческими ресурсами, разбазаривая нереализованные таланты или направляя их энергию в сферу этнического самоутверждения. Наше будущее зависит от того, как мы сумеем распорядиться капиталом этнокультурного разнообразия, формирующимся сегодня. Думаю, что политика города должна быть направлена на выстраивание единой системы социализации молодых поколений и расширение доступности социальных лифтов, укрепление московской идентичности как основы общности людей, демонстрацию разветвленности и сцепления корней, питающих разные культуры, цикличности процессов этнокультурного развития и взаимодополнительности культур. Другими словами, **воз накопившихся межэтнических и этнокультурных проблем сдвинет с места лишь социальный привод, приводящий в действие механизм выработки общих интересов.**

К сожалению, современная миграционная политика и практика поддержания этнокультурного разнообразия не предполагают плюрализма, наследуя советской управленческой традиции. Мы по-прежнему не в состоянии адекватно отвечать на вызовы все более усложняющегося общества, по-прежнему сильно желание остаться в рамках упрощенных управленческих схем, понятных и четких нормативов, как и раньше чрезвычайно низкой остается восприимчивость к новым культурным практикам. Поэтому сохраняется высокий риск того, что незапланированные эффекты управленческих решений окажутся значимее предпринимаемых мер. Наблюдаемые сегодня позитивные процессы накопления капитала этнокультурного разнообразия связаны с самоорганизацией населения, а не с проводимой политикой, освоение инокультурных практик происходит не через школу и систему образования, а через повседневную жизнь и активизацию этнических саморепрезентаций.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Филиппов В.* Динамика этнического и конфессионального состава населения Москвы по данным предыдущих переписей / На пути к переписи. Под ред. В. Тишкова. М.: Авиаиздат, 2003. С. 277–313.
- Дробижьева Л.М.* Москва слезам не верит: межэтнические проблемы мегаполиса. Публичная лекция. Полит.Ру, 2006, 10 ноября. [<http://www.polit.ru/science/2006/11/10/etnos.html>].
- Florida R.* Cities and the Creative Class. NY: Routledge, 2002.
- Вендина О.И.* Москва – образ города, не похожий на портрет // Политика. 2001. Осень. № 3. С. 71–94.
- Вендина О.И.* Москва этническая. Грозит ли городу геттоизация? // Демоскоп Weekly. 2004. 8–21 ноября. № 177–178 [<http://demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema01.php>].
- Вендина О.И.* Москва: от социальной сегрегации к формированию закрытых жилых зон // Известия РАН. Сер. Географическая. 2004. № 6. С. 80–90.
- Тишков В.А.* После многонациональности // Знамя. 2003. № 3. С. 179–194.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данные сравнительных опросов относительно отношения к миграции и положения мигрантов, проводящихся в среде москвичей и мигрантов, хорошо отражают имеющиеся различия, даже учитывая типичное завышение респондентами уровня образо-

Самооценка респондентов	Москвичи (%)	Легальные мигранты (%)	
Уровень доходов:	очень низкий	1	4
	низкий	10	77
	средний	71	16
	высокий	16	3
	очень высокий	2	—
Уровень образования:	высшее	45	35
	незаконченное высшее	29	12
	среднее специальное	17	32
	среднее	9	15
	неполное среднее	—	6

вания и занижение уровня доходов (Мнение москвичей о миграционной ситуации и деятельности Правительства Москвы и органов исполнительной власти всех уровней по ее оперативному регулированию. М.: ООО НИЦ «Инженер», 2006. С. 13–14).

2 *Etzioni A.* The Community of Communities: A Communitarian Position Paper, 1995 [<http://www.gwu.edu/~ccps/Comofcom.html>].

3 Подробный анализ изменений этнического состава населения Москвы и сдвигов в расселении этнических групп проведен в целом ряде исследований, см.: *Гаврилова И.Н.* Население Москвы: Исторический ракурс. М., МОСГОРАРХИВ, 2001; *Филиппов В.* Столичный мегаполис: антропология переписи // *Этнография переписи – 2002*. Под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003; *Вендина О.* Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2004. № 3 (71). С. 52–85; *она же.* Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск третий. М.: Центр миграционных исследований, 2005; *Арутюнян Ю.В.* О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // *Социологические исследования*. 2005. № 1. С. 26–40; *он же.* Москвичи глазами этносоциолога. М.: ИЭА РАН, 2006; *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М.: Российский университет дружбы народов, 2007.

4 Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.

5 *Дробижева Л.М.* Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 2. С. 16–28; *Дробижева Л.М., Арутюнян Ю.В., Кузнецов И.М.* Выходцы из Закавказья в Москве // *Демоскоп Weekly*. 2007. 1–21 января. № 271–272 [<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/tema01.php>].

6 Согласно переписи 1989 года, в Москве на долю лиц, имеющих высшее образование, среди русских приходилось 255 человек на 1000 в возрасте старше 15 лет, среди украинцев – 332, армян – 487, евреев – 604, а татар – только 147. На долю лиц, занятых умственным трудом, среди русских приходилось 54,9% взрослого населения, среди украинцев – 61,4%, евреев – 85,3%, а татар – 36,0%. К этому стоит добавить и различия в сферах занятости. Так, среди русских, украинцев и евреев преобладали служащие – 54,3%, 61,2%, 84,5% соответственно, а татары имели преимущественно рабочие специальности – 64,3%. Доля лиц, фигурировавших в высших эшелонах власти, среди украинцев была выше (1,2%), чем среди русских и евреев (по 0,7%) и тем более чем среди татар (0,3%) (Итоги всесоюзной переписи населения 1989 г. по Москве. Национальный состав населения города Москвы. М.: Мосгорстат, 1991. № 18.)

7 *Филиппов В.* Указ. соч.; *Эррера Й.М.* Полевые заметки о первой постсоветской переписи // *Этнография переписи – 2002*. Под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003.

8 *Гульский М.* Мертвые души. Станут ли материалы переписи материалами уголовного дела? // *Вслух.Ru*. 2003. Ноябрь. Цит. по: *Демоскоп Weekly*. 2003. 1–14 декабря. № 137–138 [<http://demoscope.ru/weekly/2003/0137/perep04.php>].

9 Основные итоги микропереписи населения 1994 года по городу Москва. Статистический сборник. М., МОСГОРКОМСТАТ, 1995; Национальный состав населения Москвы по данным микропереписи населения 1994 года. Статистический сборник. № 56. М.: МОСГОРКОМСТАТ, 1995.

10 Регионы России. Социально-экономические показатели. Официальное издание. М.: Госкомстат России, 2005.

11 Центру Москвы перенаселение не грозит. Интервью с Владимиром Ресиним // Приложение к газете «Коммерсантъ». 2005. 15 сентября. № 173 (3257) [<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=608099>].

12 Новый регион. Москва. 2007. 9 апреля.

13 Например, согласно переписи, численность «занятых» среди русских в Москве составляет всего 49%, опускаясь в некоторых районах до 35%. Среди азербайджанцев «занятых» – 55%, среди армян – 49%, татар – 52%, даже среди выходцев из Средней Азии – только 61%. Это при том, что официальная численность занятого населения в Москве в 2002 году составляла 5,4 млн, или 63,7% населения. Вместе с теневой занятостью, надо думать, эта цифра была заметно выше. Глядя на такие данные, можно было бы сказать, что московское экономическое чудо совершено руками мигрантов, прежде всего представителями этнических меньшинств, оплачивающих «неработающих» русских москвичей, да боюсь, что вся эта впечатляющая цифра абсурдна и является статистическим артефактом, вызванным к жизни низким качеством переписи.

14 *Арутюнян Ю.В.* О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе.

15 Там же.

16 Вечерняя Москва. 2008. 13 февраля.

17 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Указ. соч. С. 39–41.

18 Комсомольская правда. 2006. 28 февраля.

19 *Филиппов В.* Указ. соч.

20 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Указ. соч. С. 37–38.

21 Сегодня уже не вполне корректно говорить о «рабочих» районах в Москве по двум причинам. Во-первых, реально сократилась доля занятости в производственной сфере, упав с 24 до 14%. Основу рабочего класса столицы сегодня составляют строительные рабочие, прежде всего гастарбайтеры. Во-вторых, бумовый рост московского

рынка жилья и дефицит территорий для нового строительства привели к размыванию представлений о престижных и непрестижных кварталах. Респектабельные анклавы дорогого жилья, предназначенного совсем не для рабочих, возводятся во всех районах города. Близость к центру или крупным лесопарковым зонам играют более значимую роль, чем прежняя репутация района. Это сильно меняет и образ, и социальную структуру бывших рабочих кварталов, особенно в примыкающих к центру зонах старой промышленности.

22 В Москве проживают не этносы, а москвичи // *Независимая газета*. 2007. 15 марта.

23 *Тишков В.А.* Теория и политика диаспоры / Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Гл. XIII. М.: Наука, 2003. С. 435–490.

24 *Малахов В.* Зачем России мультикультурализм? / Малахов В.С., Тишков В.А. (отв. ред.) Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 48–60;

Дерябина С. Россия и опыт мультикультурализма: за и против // *Этнопанорама*. 2005. № 1–2. С. 14–18; *Низамова Л.Р.* Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России // *Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Материалы конференции* / Под ред. А. Малашенко. Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2005; *Дробизева Л.М.* Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России. Что может и чего не может дать демократизация // *Общественные науки и современность*. 2005. № 2. С. 16–28.

25 Концепции демографической политики Правительства Москвы, 2005 [http://demoscope.ru/weekly/knigi/konceptiya/mos_konceptiya.html].

26 Мнение москвичей о миграционной ситуации и деятельности Правительства Москвы и органов исполнительной власти всех уровней по ее оперативному регулированию. М.: ООО НИЦ «Инженер», 2006. С. 13–14.

27 Там же. С. 33.

28 В Москве проводится достаточно много опросов, касающихся миграционной ситуации. Выбор был сделан в пользу исследования, проведенного по заказу Правительства Москвы социологической службой, которой доверяют московские власти. Этот факт представляется очень существенным при оценке этнокультурной политики, реализуемой в городе. Добавим, что результаты цитированного исследования не расходятся с данными опросов, проводимых независимыми социологами.

29 Приезжих научат правилам московского быта. Интервью с главой Комитета межрегиональных связей и национальной политики Москвы А.О. Александровым // *Московский комсомолец*. 2007. 28 августа.

30 *Борусяк Л.* Патриотизм как ксенофобия (результаты опроса молодых москвичей) // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*. 2004. № 6 (74). С. 58–70.

31 Концепция демографической политики...

32 *Арутюнян Ю.В.* О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе.

33 *Гузенкова Т.* Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве: проблема идентичности // *Мир России*. 1998. № 1–2. С. 206.

34 Рестораны европейской кухни не стоит принимать в расчет, поскольку это было символом вестернизации, обозначавшим стремление к новому образу жизни, ее новому качеству и новым стандартам, а не к этническим традициям.

35 *Сабирова Г.* Как стать и остаться мусульманкой: опыт разных поколений // *Устная история и биография. Женский взгляд*. Отв. ред. Е.Ю. Мещеркина. М.: Невский простор, 2004. С. 191–220.

36 Женщина в Исламе. Подвиг каждый день. Девушка в хиджабе – героиня нашего времени. 2007 [<http://www.islam.ru/woman/herohij/>].

37 *Гудков Л., Дубин Б.* Своеобразие русского национализма // *Pro et Contra*. 2005. № 2 (29). С. 6–25.

38 *Поздняев М.* Заочное благочестие. Для российских мусульман празднование Курбан-Байрама сопряжено с массой проблем // *Новые Известия*. 2006. 11 января; *Глезарова Ю.* О бедных агнецах замолвите слово. Защитники прав животных против жертвоприношения // *Независимая газета*. 2005. 2 марта.

39 Интервью с художниками Нарой Золян, Сергеем Братковым, Анжелой Арсинкей, Айдан Салаховой были взяты Кордулой Гданец в рамках совместного российско-германского проекта «Этничность как культурный капитал. Подходы к концепции этничности в Берлине и Москве».

40 Рейтинг популярных ресторанов Москвы, ноябрь 2007. [<http://www.restorate.ru/?pkey1=000020004300001&yr=112007&cuisine=7#rest>].

41 *Сабирова Г.* Указ. соч.

42 *Туровский Р.* Принесенные ветром // *Политический журнал*. 2005. 12 сентября. № 80.

43 Детальный разбор представлений о диаспоре, эволюции теоретических представлений и форм существования диаспоры дан в монографии: *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

44 К сожалению, данные об этнической преступности «закрыты» в Москве для серьезного квалифицированного анализа. Об этом много говорится, на попадающих в СМИ и некритично воспринятых цифрах строятся угрожающие прогнозы. В то же время эксперты указывают на то, что этническая составляющая преступности соответствует представленности этнических групп в населении. Трудно сказать, к какой точке зрения ближе истина. Все это требует детальных исследований.

- 45 *Cohen R.* Diasporas and the nation-state: from victims to challenge // *International Affairs*. 1996. Vol. 72. No. 3. July. P. 507–520.
- 46 Джон Армстронг обратил внимание на расплывчатость термина «диаспора» при описании форм этнической коллективности иммигрантов, на отсутствие таких важнейших параметров жизненной ситуации, как недостаточная грамотность, дистанция между аморфным «пролетариатом» диаспоры и мобилизованными этническими «элитами», которые хотя и не имеют статусных привилегий, но зато могут пользоваться многими материальными и культурными преимуществами. Он же предложил ввести понятие «диаспора пролетариата» (*Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diaspora's // *American Political Science Review*. 1976. Vol. 70. № 2. P. 393–408).
- 47 *Горячев Ю.А., Захаров В.Ф., Курнешов Л.Е., Омельченко Е.А., Савченко Т.В.* Интеграция мигрантов средствами образования. Коллективная монография. М.: Этносфера, 2008. С. 33.
- 48 *Кузьмин М.* Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики // *Электронный журнал «Русский язык»*. 2001. Август [http://www.gramota.ru/mag_new.html?id=81].
- 49 Как по-татарски «мама»? // *Труд*. 2006. 12 мая. № 83.
- 50 Могут ли дети разных народов учиться в Москве на родном языке. Совет экспертов // *Российская газета*. 2005. 28 июня. № 3806.
- 51 Согласно Концепции национальной образовательной политики РФ, «бикультурность – это состояние одновременного и полноценного владения двумя культурами. Возникает в социокультурном, образовательном пространстве России как результат взаимодействия родной и неродной культур (русской и культуры другого этноса), может включать в себя двуязычие (билингвизм)».
- 52 Концепция содержания образования московских школ с этнокультурным (национальным) компонентом образования / Состояние и перспективы развития учреждений национального образования г. Москвы. Информационно-методологический сборник. Вып. 2. М., 1995. С. 5–6.
- 53 Концепция дальнейшего развития этнокультурного образования в Москве (проект) // *Альманах «Этнодиалоги»*. 2007. № 2 (26). С. 18.
- Все та же досадная путаница национального и этнического. Вряд ли в тексте Концепции речь идет о воспитании российского патриотизма у детей, не имеющих российского гражданства. Очевидно, что никакого патриотизма, тем более гражданственности, не существует без осознания своей национальной принадлежности, причастности к нации. Неясно, какой смысл вкладывается и в понятие «позитивной этничности». Это выражение дает повод для самых разнообразных интерпретаций.
- 54 Там же. С. 30.
- 55 Аттестат с акцентом // *Коммерсантъ. Деньги*. 2006. 11 сентября. № 36 (592).
- 56 Как по-татарски «мама»?
- 57 *Giddens A.* Runaway World: How Globalization Is Reshaping Our Life. Routledge, 2003.
- 58 Первомай и Пасха. ФОМ, опрос 02.05.2002 [<http://bd.fom.ru/report/map/dd021709>]; Рождество в России: смыслы, эмоции, ритуалы. ФОМ, опрос 28.12.2006 [<http://bd.fom.ru/search?page=1>].
- 59 Основы православной культуры введены в учебные программы в 20 регионах страны, а в двух – Белгородской и Брянской областях – являются обязательным предметом.
- 60 Заключение экспертов по уголовному делу № 4616. Музей и общественный центр «Мир, прогресс, права человека» им. А.Д. Сахарова, 2003 [<http://www.sakharov-center.ru/news/2003/>].
- 61 По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, совокупная численность татар в Москве составляет 166,5 тыс. человек (1,6%), азербайджанцев – 95,6 тыс. человек (0,92%). Чтобы получить заявленную численность в миллион человек, нужно увеличить переписные данные почти в десять раз. Такая ошибка переписчиков, при всех претензиях к проведению переписи, маловероятна.
- 62 *Шакиров М.* Новая Соборная мечеть в Москве будет больше храма Христа Спасителя. Интервью // *Институт религии и политики*. 2006. 23 мая [<http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-9742.html>].
- 63 Религиозный центр в Отрадном задуман и реализован как комплекс мировых религий. В одном месте собраны православный храм с часовней, две мечети и синагога. В 2008 году начнется строительство буддистского храма, совмещенного с культурным центром.
- 64 В Москве появились исламские кварталы // *Комсомольская правда*. 2007. 15 ноября.
- 65 Интервью с Мансуром Шакировым – заместителем председателя Совета муфтиев России. «Жилья рядом с минаретами не будет». Новая соборная мечеть будет больше храма Христа Спасителя // *Strana.ru*. 2006. 19 мая.
- 66 Битцевское обращение, 2002 [<http://www.arya.ru/kap/inf/bo.htm>].
- 67 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Указ. соч. С. 351.
- 68 *Florida R.* The Rise of the Creative Class. NY: Basic Books, 2002.

Е.В. Тюрюканова

Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество¹

За прошедшие со времени распада СССР годы Россия превратилась в одну из главных стран приема мигрантов. Основная миграционная нагрузка ложится на крупные города; и первой в этом списке стоит Москва, на которую приходится, по официальным данным, около 30% всех иностранных работников, приезжающих в Россию для временной работы.

В целом Россия идет по стопам многих принимающих стран: миграция здесь развивается по тем же сценариям, по которым она развивалась в Европе и Северной Америке во второй половине XX века. В России, и в первую очередь в ее крупных индустриальных центрах, миграционная компонента существенно влияет на структуру экономики и состояние рынков труда. История современной трудовой миграции насчитывает в Москве более 10 лет. К середине 2000-х годов трудовые потоки приобрели массовый, многомиллионный характер. Постепенно происходила сегментация мигрантского рынка труда, выделялись сектора, зависимые от притока иностранных работников, анклавные ниши этнической занятости, формировалось своеобразное разделение труда, основанное на сегрегации работников по национальному (или этническому) признаку. Сегодня экономика Москвы сильно зависит от притока труда мигрантов, и эта зависимость будет только увеличиваться.

Мигранты влияют и на социальную жизнь больших городов – снижение бедности, формирование среднего класса. Многие миг-

ранты, первоначально приехавшие на время, сегодня практически постоянно проживают в Москве, внося свой вклад в демографию, экономику и социально-культурное развитие города. По результатам исследования Международной организации по миграции (МОМ) 2006 года, примерно треть трудовых мигрантов хотели бы остаться в России на постоянное жительство и в перспективе получить гражданство, еще 22% ориентированы на длительное проживание в России.

Наряду с перечисленными положительными эффектами миграции существуют и связанные с ней серьезные проблемы как в экономике, так и в социально-культурной сфере. Массовый приток мигрантов, предъявляющих пониженные требования к работе и социальным стандартам, приводит к сегрегации в сфере труда (мигранты занимают низкооплачиваемые и непрестижные рабочие места), образования (детей мигрантов принимают в основном в «плохие» школы), расселения по городским районам (мигранты концентрируются в непрестижных районах города, где цены на жилье ниже).

И выгоды, и издержки, связанные с миграцией, наиболее ярко проявляются в крупных городах. Москва в полной мере испытывает как первые, так и вторые. Россия здесь не одинока; необходимость принимать мигрантов ставит перед всеми странами назначения серьезные вызовы, которые не имеют легких и однозначных ответов.

Иностранные мигранты, приехавшие в Москву на заработки, составляют примерно от 10 (в период зимнего спада) до 20 (в период сезонного пика) процентов населения города. Значительная часть из них живет в пригородах, но работает в Москве. По численности они могут составить население миллионного города. Что представляет собой это «второе общество», насколько оно однородно (или фрагментировано) и насколько консолидировано? Что отделяет его от «первого», основного общества, какова природа этих барьеров? Насколько глубока социальная эксклюзия среди мигрантов? Нужна ли политика, направленная на интеграцию, или «стратегия включенности», и на что эти стратегии могут опираться?

Рисунки к этой статье см. на цветной вклейке (стр. 79–80).

Большая часть мигрантов остаётся на нелегальном положении

Москва с самого начала массовой трудовой миграции в Россию стала основной точкой притяжения мигрантов, является таковой сейчас и будет оставаться в течение обозримого будущего. Как видно из приведенного графика (рис. 1, см. стр. 79), поток трудовых мигрантов в Москву ежегодно составлял примерно треть их общей численности в России. В 2007 году численность иностранной рабочей силы в Москве достигла почти полумиллиона и составила 28% от общероссийского показателя.

Являясь притягательной для мигрантов из-за высоких зарплат и широкого рынка труда, Москва, в свою очередь, испытывает потребность в мигрантах, которая будет расти в ближайшие 10–20 лет, поскольку демографический кризис, характерный для всей России, затрагивает и московский мегаполис. Общероссийский спад трудовых ресурсов начался с 2007 года и, по прогнозам, будет продолжаться как минимум до 2014 года. Численность трудоспособного населения будет падать особенно сильными темпами – примерно по 800 тыс. – 1 млн в год, – что вызвано вступлением в трудовой возраст малочисленного поколения начала 90-х годов, периода шоковых реформ. Москва, естественно, тоже будет испытывать на себе результаты этого демографического кризиса, что приведет к тому, что потребность в привлечении иностранных граждан для обеспечения трудовых ресурсов будет воспроизводиться, вероятно, в увеличивающемся масштабе.

Если мы посмотрим на динамику общей численности трудовой миграции в Россию, мы увидим существенный скачок легальной трудовой миграции в 2007 году (темпы роста составили 169% по сравнению с 144% в 2006 году). Это результат введения нового облегченного законодательства для трудовых мигрантов из стран СНГ. Причем рост произошел не за счет увеличения общего потока, а в основном за счет увеличения его регулируемой составляющей и соответствующего снижения нерегулируемой части. Если в начале десятилетия законная миграция составляла не более 10% всего потока, то сегодня ее доля поднялась, по нашим оценкам, до 25–30%, что, конечно, все еще очень мало. Таким образом, новые правила приема мигрантов из стран СНГ позволили несколько сократить масштабы

нелегальной миграции в целом по России, однако на московском тренде разные регионы по-разному использовали потенциал нового законодательства. Тенденция роста легальной миграции выражена гораздо слабее. Темп роста численности легальных трудовых мигрантов, приезжающих в Москву, составил в 2007 году 136% и даже снизился по сравнению со 148% в 2006 году. Очевидно, что Москва очень слабо использовала легализационный потенциал нового законодательства. Причина этого, вероятно, в жесткой позиции московских властей по отношению к миграции и мигрантам. Политика московского правительства явно идет вразрез с федеральной линией в области управления миграцией.

Масштабы незаконной миграции в Москве составляют, по разным данным, от 1 до 3 млн человек². Наиболее обоснованная цифра, по нашим оценкам, – примерно 1,5–2 млн в период сезонного пика. В России эксперты оценивают численность иностранной рабочей силы (включая ее легальную и нелегальную составляющие) в 4–6 млн в сезон «пика». В «мертвый» сезон эта цифра может быть примерно в 2 раза меньше³.

Несмотря на то, что итоги 2007 года, первого года действия нового миграционного законодательства, показали эффективность мер по расширению легализационных возможностей для мигрантов, власти столицы продолжали политику ограничений. Так, на 2008 год была заявлена квота в 300 тыс. человек, что на 180 тыс. меньше (!), чем фактически легально работало в предыдущем году. В результате квота закончилась в самом начале сезона; те, кто не успел ее получить, вынуждены работать нелегально.

Московские квоты на иностранных работников снова выбраны, хотя резерв был предоставлен только 2 июля

Управление Федеральной миграционной службы (ФМС) по Москве снова перестало выдавать разрешения на работу иностранцам. Прием документов и выдача разрешений приостановлены, поскольку выбраны квоты, объясняет представитель УФМС Москвы Залина Филимонова. Однако в понедельник в 17.00 документы принимались, говорит партнер Baker & McKenzie Евгений Рейзман. Разрешения на работу тоже выдавались, знает Елена Филиппова из Norman DL Associates.

Сначала Москве на 2008 год была выделена квота на 300 тыс. иностранных работников, 1 июля ее увеличили на 59 103, рассказывает представитель Минздравсоцразвития. Но резерв был исчерпан.

Квоты были выбраны в конце мая, Минздравсоцразвития 2 июня издало приказ об их увеличении, говорит Филимонова. Но пока он не был зарегистрирован Минюстом, миграционная служба документы принимала, а разрешения не выдавала. 1 июля приказ был зарегистрирован и выдача разрешений возобновилась, поясняет она, но сейчас квоты снова закончились.

Увеличение квот было незначительным, говорит Рейзман. На строительном рынке мало специалистов из России, сетует директор по развитию «Бенефит инжиниринг» Ярослав Козлов, даже прорабы и начальники участков – иностранцы. Если возникнет длительный дефицит работников, строительный процесс остановится в разгар сезона, опасается он.

Постановление правительства об увеличении квот уже на согласовании с ведомствами, рассказывает представитель Минздравсоцразвития.

Мария Шпигель. «Ведомости», 15 июля 2008 года

Кроме того, информацию о том, как выбирается квота 2008 года, мигрантам получить было неоткуда; она появилась на сайте УФМС по Москве лишь тогда, когда квота закончилась. Многие узнавали о невозможности получить разрешение на работу только в момент подачи документов, уже потратив значительные усилия и деньги на дорогу в Москву и чаще всего уже имея место работы.

Наивно было бы полагать, что выстраиваемые барьеры и ограничения могут остановить миграцию, учитывая, что рынок труда продолжает предъявлять спрос на иностранных работников, а неформальные миграционные сети будут продолжать работать даже при неблагоприятных правовых условиях.

Структура трудовой миграции в Москве: увеличение социокультурной дистанции⁴

Более 2/3 трудового миграционного потока как в России в целом, так и в Москве составляет миграция из стран СНГ. Структура иностранной рабочей силы в Москве по странам исхода значительно отличается от общероссийской, однако общие тенденции ее изменения совпадают. В структуре официальной миграции, как, вероятно, и в общем потоке, опережающими темпами увеличивается доля стран Центральной Азии. В России численность мигрантов из Узбекистана и Таджикистана в 2007 году опередила Украину, долгое время лидировавшую в структуре миграции. В Москве эта тенденция не настолько сильно выражена, как в целом по России. Здесь Украина пока остается лидером по численности мигрантов, однако страны Центральной Азии, которые уже опередили республики Кавказа и дальше зарубежье, постепенно догоняют ее.

Можно выделить следующие сдвиги в структуре трудовой миграции, которые следует рассматривать как тенденцию, а не просто случайные колебания:

- от больших городов к мелким поселкам – 70% мигрантов в среднем по РФ и 60% в Москве приезжают в Россию из сел и малых городов;
- от элитной миграции к «обычной» – более 50% мигрантов в РФ (по Москве – 40%) сегодня не имеют профессионального образования;
- сдвиг к бедной части социального спектра – 84% мигрантов в РФ (80% в Москве) относили себя к группе бедных (38%) и очень бедных (46%) по состоянию до выезда на заработки в РФ;
- увеличение культурной дистанции – 9% мигрантов плохо знают русский язык; и 28% – не очень хорошо; в Москве таких соответственно 3% и 20%.

Развитие транспортных и информационных коммуникаций и формирование мигрантских сетей и сообществ делает миграцию более доступной для тех слоев населения, для которых еще недавно она была нереальным шагом либо по причине недостатка средств, либо из-за отсутствия информации. Сегодня из-за сформировавшихся сетей и инфраструктуры миграции в нее вовлекаются люди из самых отдаленных маленьких городов и сел; она становится доступ-

ной для самой бедной части населения стран СНГ. Такая миграция происходит под действием сильных выталкивающих факторов. Если мигрант знает, что от его заработка зависит семья из 3–5 человек (в среднем на одного мигранта, имеющего зависимых от его заработка членов семьи, приходится 3 иждивенца), он находится под давлением обстоятельств, и это накладывает отпечаток на все его дальнейшее поведение. Это заставляет многих соглашаться на теневую занятость и практически рабские условия труда ради минимального заработка.

Итогом всех этих изменений является возрастание культурной дистанции между прибывающими мигрантами и российским населением, вызванное тем, что все большее число мигрантов прибывает из стран с иной культурной и религиозной традицией, чем Россия. Мигрантам становится все труднее адаптироваться к иной социально-культурной среде. Их адаптивный потенциал ограничен. Особенно ярко это проявляется в большом городе, куда мигранты приезжают из деревень и небольших поселков. Многие долго не могут оправиться от культурного шока. Поэтому мигранты особенно уязвимы в первое время после приезда в Москву. Организаций же, помогающих им сориентироваться, очень мало. Практически незаметны программы по воспитанию толерантности, особенно необходимые в условиях инокультурной миграции.

Ниши мигрантской занятости:
новое разделение труда углубляется

Согласно различным статистическим сводкам, ситуация на рынке труда Москвы по традиционным показателям вполне благополучная по сравнению с другими российскими регионами (см. *статистическую справку*). Общая безработица на начало 2008 года составляла всего 1%, а среднее время поиска работы безработными – 2,7 месяцев; в среднем же по России эти показатели составляли 6,1% и 8,5 месяцев⁵.

Однако традиционных показателей мало для оценки общей ситуации на рынке труда. Неблагополучие все чаще проявляется не в росте безработицы, а в появлении дефицита трудовых ресурсов, ко-

Статистическая справка

В конце июня 2008 года, по данным Управления государственной службы занятости г. Москвы, не имели занятий и активно искали работу 51 тыс. человек, из них 20,3 тыс. человек были официально признаны безработными.

По сравнению с июнем 2007 года численность незанятых трудовой деятельностью граждан, ищущих работу, уменьшилась на 10,9 тыс. человек, или на 17,6%.

В 2008 году наблюдалось уменьшение численности официально зарегистрированных безработных. По сравнению с июнем 2007 года численность официально зарегистрированных безработных снизилась на 10,5 тыс. человек, или на 34,2%.

Уровень официально зарегистрированной безработицы от общей численности экономически активного населения в мае 2008 года составил 0,3%. Итоги проведенного Мосгорстатом обследования по проблемам занятости показывают, что реальный уровень безработицы, по методологии Международной организации труда (МОТ), составил 1%.

Источник: Мосгорстат [<http://www.mosstat.ru/eco-social.php>].

торый статистика пока адекватно отражать не умеет. Показатель федеральной статистики «потребность предприятий в работниках, заявленная в службы занятости» составил на май 2008 года по Москве около 175 тыс. человек, что, естественно, не соответствует реальной потребности, поскольку по сегодняшней практике в службы занятости заявляются только самые «безнадежные» вакансии.

Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что экономика Москвы не может обойтись без привлечения труда мигрантов. Доля легальной иностранной рабочей силы в численности занятых в Москве выросла с 4,1% в 2005 году до 7,6% в 2007 году, что примерно соответствует уровню многих европейских стран. Причем в строительстве эта доля составила 19%. С учетом нерегулируемой составляющей миграции этот показатель может быть в 2–3 раза выше.

Основные сферы занятости мигрантов в России, в том числе в Москве, – строительство и торговля (вместе они составляют, по официальным данным, около 70% от общей численности мигрантов). Однако в Москве структура иностранных работников по сферам занятости несколько более диверсифицирована, больше мигрантов занято в различных отраслях сферы услуг (*табл. 1*).

Таблица 1. Структура иностранных работников в РФ по сферам занятости, %

	<i>Москва</i>		<i>Россия</i>	
	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>
Всего	100	100	100	100
<i>в том числе:</i>				
Строительство	31	26	41	40
Оптовая и розничная торговля, ремонт	37	31	27	19
Транспорт и связь	7	6	5	4
Промышленность	4	4	7	7
Операции с недвижимостью, аренда, предоставление услуг	20	6	14	2
Предоставление прочих коммунальных, социальных, персональных услуг		5		5
Прочие виды деятельности		21		13

Источник: ФМС России

Постепенно в составе отраслей образуются экономические ниши, занятые преимущественно иностранными работниками. Москва имеет более долгую историю трудовой иммиграции, и поэтому здесь разделение труда между мигрантами и национальными работниками более глубокое по сравнению с другими регионами. Только 13% мигрантов, работающих в Москве, чувствуют конкуренцию с местными работниками (рис. 2 – см. стр. 79).

Довольно распространен тезис о том, что мигранты вытесняют местных работников. Однако в большой степени это утверждение основано на спекулятивном подходе. Западные исследования дают противоречивые сведения по этому поводу: одни говорят об отрицательном влиянии миграции на рынок труда, другие, наоборот, – о положительном; однако большинство сходится на том, что влияние миграции на безработицу и уровень зарплат очень невелико. Единой позиции по этому поводу в мире нет; и, вероятно, разные модели миграции, в разных регионах, по-разному организованные, по-разному регулируемые, приводят к разным результатам.

Согласно исследованиям, абсолютное большинство трудовых мигрантов в Москве считают, что они занимают рабочие места, на

которые не претендует местное население. Истинное положение вещей, конечно, гораздо сложнее и зависит от сектора экономики, квалификации, зарплаты, и т.п. Для московского рынка труда характерно, что высококвалифицированные сферы занятости часто являются более конкурентными, чем низкоквалифицированные. Потому что высококвалифицированные мигранты могут оказывать большее давление на рынок труда, чем низкоквалифицированные. Таким образом, распространенный тезис о том, что «России (читай – Москве) нужны квалифицированные иностранные работники», не так однозначен и бесспорен, как кажется.

Отсутствие конкуренции между мигрантами и национальными работниками или наличие секторов, где эта конкуренция минимальна, говорит о сформировавшихся анклавах мигрантской занятости. Это подтверждается следующими данными, показывающими, что большинство мигрантов в Москве работают в окружении таких же, как они, приезжих (рис. 3 – см. стр. 80).

Ареалы мигрантской занятости можно встретить в Москве не только в строительстве и рыночной (а теперь уже и магазинной) торговле, но и во многих других сферах, таких как строительство дорог и коммуникаций, коммунальное хозяйство, уборка офисов и иных помещений, автосервис, уход за больными и стариками, прочие услуги.

Как видим из табл. 2, в тех секторах, которые более длительное время и в большем количестве привлекают мигрантов (строительство и торговля), разделение труда между мигрантами и местными работниками более глубокое и, соответственно, конкуренция между ними слабее.

«Островки» мигрантской экономики организованы либо по отраслевому, либо по территориальному принципу. Рынки являются примером территориальной организации мигрантского бизнеса. Вокруг рынка, где мигранты заняты на торговых специальностях, как правило, образуется целая инфраструктура, обслуживающая этот рынок (кафе, транспортные услуги и т.п.), где также работают в основном мигранты. Так, именно мигранты уже несколько лет являются покупателями старых отечественных машин, от которых избавляются москвичи, и используют их для обслуживания рынков и торговых точек, частного извоза и других транспортных услуг. Часто

Таблица 2. Глубина разделения труда и конкуренции между мигрантами и местными работниками по отраслям занятости, %

	Сектора экономики			
	строи- тельство	торговля	услуги	промыш- ленность*
<i>Кто вместе с Вами работает на Вашем предприятии/ фирме?</i>				
Нет ответа	2	20	9	
В основном мигранты	83	57	43	44
Мигранты и местные работники	13	18	35	34
В основном местные	2	5	13	22
<i>Итого</i>	100	100	100	100
<i>Чувствуете ли Вы конкуренцию с местными работниками за свое рабочее место?</i>				
Нет ответа	2	23	6	
Нет	61	49	45	44
Да, конкуренция есть	17	7	13	11
Затрудняюсь ответить	20	21	36	45
<i>Итого</i>	100	100	100	100

* Численность респондентов в промышленности недостаточна для получения надежных данных.

Источник: опрос МОМ, 2006.

(но не всегда) рыночный мигрантский бизнес организован по этническому признаку.

Автосервис же, наоборот, – пример сектора мигрантской занятости, организованного по отраслевому признаку. На многих предприятиях автосервиса в разных концах Москвы трудятся в основном мигранты из стран Кавказа. Чаще всего такие предприятия организованы по этническому признаку. Москвичи говорят об «армянских», «азербайджанских» и «грузинских» автосервисах. Так, последние подверглись масштабным проверкам во время «грузинских событий» 2006 года. Из приведенной ниже в рамке статьи видно, насколько близко соприкасаются политика и миграция. Однако большинство грузинских сервисов, как и других объектов грузинского бизнеса, выжило и продолжало благополучно существовать после «облава», что говорит об их встроенности в экономическую структу-

ру города. Есть и «наши» («русские») автосервисы. Поэтому этот бизнес является еще и примером конкурентного сектора мигрантской занятости, где иностранные работники заочно (так как конкуренция в основном идет между предприятиями, а не непосредственно между работниками, претендующими на одно и то же рабочее место) конкурируют с местными специалистами.

Грузинский бизнес прикрывается

Вчера сотрудники МВД РФ продолжали проводить широкомасштабные проверки грузинского бизнеса. ...Милиционеры посещали казино, рестораны, автосервисы, рынки и магазины, громили грузинский криминалитет, выявляли нелегально находящихся в России грузин. ...

День начался с проверки Черемушкинского рынка. Около 11 часов утра бойцы милицейского спецназа в масках и с автоматами, блокировав все входы, ворвались в здание рынка. Оперативники проверили документы у всех торговцев, а тех, у кого не было регистрации, доставили в ближайшее ОВД. Особое внимание у оперативников вызвали продавцы икры и рыбы. Из-за отсутствия документов на товар на торговцев составляли административные протоколы, а рыбу и икру изымали.

Но главным направлением проверок оставался игорный бизнес, подконтрольный грузинам. Сотрудники МВД вслед за «Кристаллом» и Golden Palace приостановили деятельность казино Golden Palace Weekend, расположенного в гостинице Holiday Inn на Дмитровском шоссе, и казино «Баккара» на улице Вавилова. Так же как и в ранее закрытых казино, в этих игорных заведениях отсутствовали свидетельства о постановке на налоговый учет игровых столов и автоматов, в барах и ресторанах нашли сигареты, сигары и алкоголь без акцизных марок, а в подсобках кухни – рыбу и икру без документов. Уже ближе к вечеру стало известно о начале проверки в казино «Космос».

Одновременно были проведены задержания грузинских криминальных авторитетов...

Вчера же у милиции появились добровольные помощники – российские националисты из Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), которые объявили о начале своей охоты на грузин.

ДПНИ на своем сайте в Интернете разместило призыв к своим сторонникам сообщать о местах возможного проживания нелегальных грузинских мигрантов, их магазинов, клубов и докладывать об этом в службу общественного контроля движения.

*Александр Жеглов, Павел Коробов,
Андрей Сальников, Юрий Сюн.
«Коммерсантъ», № 187(3518), 6 октября 2006*

Сегрегация рынка труда по национальному признаку в Москве – пока еще мало изученная область; мы также мало знаем об этнических нишах в экономике города. Эти вопросы ждут своих исследователей.

Углубление мигрантских экономических ниш приводит к образованию сфер экономики, неспособных развиваться без притока иностранного труда. Это часто рассматривают как угрозу национальной безопасности. По опыту многих других мировых столиц, вероятно, надо признать, что избежать этой «угрозы» Москве, скорее всего, не удастся. Россия, особенно ее мегаполисы, будет все больше зависеть от привлечения иностранного труда. Поэтому надо уповать не на снижение миграции, а на политику легализации и «нормализации» мигрантской занятости, приближения ее параметров к стандартам принимающего общества. Такая политика лучше защитит национальных работников от миграционного давления, чем любые ограничительные меры, которые, как правило, приводят лишь к росту нерегулируемой составляющей миграции.

Еще один распространенный миф о трудовой миграции – что мигранты, соглашаясь работать за небольшие деньги, снижают уровень оплаты труда местных работников. Согласно опросу МОМ, зарплата мигрантов в Москве на сентябрь 2006 года (к сожалению, после этого времени опросов не проводилось) составляла в среднем около 500 долл. США (13336 руб.), что примерно в 2 раза ниже средней зарплаты по городу. Однако работают за эту зарплату мигранты в 1,6 раза дольше местных работников. Мигранты в Москве работают в среднем 64 часа в неделю (при норме по трудовому законодательству – 40 часов), причем более 1/3 мигрантов имеют 70-часовую рабочую неделю. Средняя почасовая зарплата – около 2 долл. Указаний же на то, что зарплаты местных работников снижаются или растут пониженными темпами из-за мигрантов, нет. Таким образом, несмотря на

то, что труд мигрантов отнюдь не является дармовым, как часто представляют обыватели, он, конечно, обходится работодателям дешевле, чем труд местных работников такой же квалификации, за счет экономии как на зарплате, так и на налогах. Такая экономия возможна только с использованием теневых схем ведения хозяйства/бизнеса. И хотя она связана с известными рисками как для мигрантов, так и для принимающего общества (распространение «недоброкачественной» конкуренции, двойных стандартов в сфере труда, теневых схем ведения бизнеса и т.п.), эти риски лежат в основном в области экономики и решаться должны именно экономическими методами. Попытки решить внутренние экономические проблемы ограничительными мерами миграционной политики приводят к печальным результатам, таким как запрет мигрантам торговать на рынках с 2007 года. Ясно, что не миграция является причиной теневой экономики, скорее наоборот, последняя предъявляет спрос на дешевый неформальный труд, который не устраивает местное население.

Теневая занятость вообще и мигрантов в частности – серьезная угроза экономическому и социальному развитию. По данным социологических исследований, примерно 75–80% мигрантов не имеют письменного трудового контракта, то есть работают в теневой экономике. Как показала статистика ФМС 2007 года, даже среди легально работающих мигрантов (с разрешением на работу) менее половины работают официально – по договору, получая «белую» зарплату и выплачивая налоги (на таких мигрантов приходит уведомление от их работодателя в органы ФМС и Роструда).

Теневой труд: козыри и риски

Экономический характер современной миграции отражается на целевых установках и поведении мигрантов. Приезжая в страну, они изначально позиционируют себя как экономические субъекты и потому стараются оптимизировать свое поведение на рынке труда. Не обладая традиционным для местного населения набором ресурсов (информацией, сбережениями, жильем, социальными связями и т.д.), мигранты мобилизуют немногочисленные доступные для них ресурсы: связи в диаспоре или национальном сообществе, случайные знакомства (например, часто это знакомство по пути в РФ), связь с

родственниками на родине и т.п. Очень немногие трудовые мигранты обладают какими-либо сбережениями, заранее полученной (еще на родине) информацией о возможном месте работы, законах и т.п.

Мигранты ищут на рынке труда такие ниши, где они будут конкурентоспособны. Часто единственный доступный для них ресурс – согласие на тяжелый, низкооплачиваемый, неформальный и социально не защищенный труд. Именно это и оказывается самым надежным козырем в конкурентной борьбе. В Москве, где разделение труда между мигрантами и местными работниками уже сложилось, конкуренция на рынке труда происходит не столько между мигрантами и местным населением, сколько между самими мигрантами (из разных регионов РФ и разных стран). Здесь уже спор идет между теми, кто согласен на «плохие» и «очень плохие» (то есть практически рабские) условия. Таким образом, сам исходный уровень конкуренции снижается, включая цену на труд, требования к условиям труда, социальным гарантиям и т.п. В интервью с мигрантами это часто выражается подобными высказываниями: *«Если я не соглашусь работать на любых условиях, хозяин тут же наймет другого такого же, как я, только более сговорчивого»*. Поэтому социологические исследования, проведенные в последнее время международными организациями в некоторых регионах РФ (МОТ в 2003 году и МОМ в 2006 году), показали довольно высокий уровень различных нарушений прав мигрантов в Москве по сравнению с другими регионами.

Вместе с тем, ориентируясь на предложение дешевого труда и используя возможности теневой экономики, формируется группа предпринимателей, которые строят свой бизнес на сверхприбыли от эксплуатации дешевого труда, предъявляют спрос на такой труд и подстегивают тем самым его предложение, раскручивая маховик эксплуатации. Москва сегодня представляет богатые возможности для взаимодействия этих социальных групп: работников с пониженными (или нулевыми) требованиями к социальной защищенности труда и работодателей с пониженным (или нулевым) цензом ответственности по отношению к государству и работнику. Среди сфер мигрантской занятости по объему организованных теневых махинаций с привлечением мигрантов лидируют все то же строительство, транспорт и торговля (которая так и остается сферой мигрантской занятости, несмотря на строгий запрет федерального законодательства).

Ниже приведен отрывок из интервью с гражданином Узбекистана, работающим на продаже арбузов на подмосковном шоссе (он трудится круглые сутки, с коротким перерывом на сон в запертой арбузной клетке или в машине, оплата – по окончании сезона, сдельная):

– У Вас есть письменный трудовой договор с работодателем?

– Нет.

– А почему Вы не можете потребовать от работодателя, чтобы он заключил с Вами договор, оговаривающий все условия работы?

– Да Вы что ... какой потребовать...он сразу же меня на улицу выставит

Таблица 3. Распространенность различных форм нарушения прав мигрантов, работающих в Москве, %

	%
1. Заставляли работать сверхурочно без оплаты	23
2. Заставляли работать «на износ» – слишком напряженно	18
3. Заставляли работать в нечеловеческих условиях (холод, вредность и т.п.)	13
4. Заставляли работать частично без оплаты	15
5. Заставляли работать полностью без оплаты	5
6. Заставляли выполнять работу, на которую Вы не давали своего согласия	18
7. Паспорт находится у работодателя / используется как инструмент удержания работника	7 4
8. Ограничение свободы (контроль над перемещениями, содержание взаперти и т.п.)	6
9. Полная изоляция от внешнего мира	3
10. Психологическое насилие – угрозы, шантаж, обман и пр.	10
11. Принуждение к секс-услугам со стороны работодателя, другого начальника, посредника и пр.	0,6
12. Физическое насилие – побои и т.п.	6
13. Мне угрожают арестом, депортацией, если я уйду	2

Источник: Опрос МОМ 2006 года (опубликовано в: Предотвращение и противодействие распространению рабства и торговли людьми в РФ. Итоговый доклад по исследовательской части проекта ЕС, реализуемого Бюро МОМ в РФ. Москва, 2008. С. 51–52).

и возьмет другого. Мало, что ли, нас. Спасибо, что так работаю. Дома семья голодает. Если хозяин расплатится, как обещает, то заработаю на год на всю семью.

– А какие есть у Вас гарантии, что Вы получите от него деньги?

– Никаких. ... Если не заплатит, можно с мафией договориться... Но тогда придется на мафию работать, отрабатывать долг.

– А опасно здесь работать?

– Опасно, конечно. Бандиты, милиция. Хозяин платит за место, но все равно пристают...

– А арбузы покупают?

– Конечно, «московские» [москвичи. – Е.Т.] покупают, мы же недорого продаем...

Здесь приведена довольно типичная ситуация, иллюстрирующая то, как люди, чей труд пользуется спросом в столице и ее окрестностях, изначально попадая во внеправовое поле, оказываются исключенными из «нормального» общества (того, в котором существуют и соблюдаются нормы). Для них не действуют трудовые нормативы, они не имеют доступа к правосудию и защите прав (кроме обращения к мафии), из-за нелегального положения, негативного отношения властей и местного населения они часто стараются минимизировать свои контакты с внешним миром. Даже не совершая никакого преступления, они нередко становятся частью криминогенной среды, легкой добычей преступных группировок. Так формируется питательная социальная почва для ксенофобии, коррупции, преступности.

С начала нынешнего года в Таджикистан были доставлены более 200 тел таджиков, погибших во время пребывания в России. hro.org (<http://hro1.org/node/2903>) http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7509000/7509711.stm 17/07/2008

Об этом свидетельствуют данные транспортной прокуратуры Таджикистана. Большинство погибших – трудовые мигранты, покинувшие родину в поисках заработка, – сообщает корреспондент Би-Би-Си. Причиной смерти мигрантов становятся болезни, несчастные случаи и убийства. В течение нескольких лет таджикские власти пытаются найти способы решения этой проблемы.

Согласно опросу МОМ 2006 года, только 14% мигрантов в Москве знают организацию, куда можно обратиться в случае проблем или нарушения прав; 8% реально обращались в подобные организации, в основном в коммерческие структуры для легализации. В Москве есть несколько некоммерческих организаций, помогающих мигрантам. Наиболее активные из них: «Миграция и право / Фонд Таджикистан», «Гражданское содействие», отдел иностранных работников в Профсоюзе строителей, Информационный центр МОМ и др. Однако очень небольшое количество мигрантов относительно их общей численности обращаются в правозащитные организации, хотя они многим помогли. Государственного же механизма реагирования на жалобы мигрантов пока не существует.

Вместо зарплаты – избиение и клевета

...К сожалению, большинство мигрантов плохо знают законы и боятся защищать свои интересы. Заметным исключением из этого правила стала история обратившегося в «Гражданское содействие» гражданина Узбекистана, жителя Ташкента Олимжона Тухтаназарова, отказавшегося мириться с несправедливостью и беззаконием.

Олимжон приехал в Москву в конце мая. На вокзале его должен был встретить знакомый, помочь устроиться, поделиться опытом жизни и работы в российской столице. Но знакомый не пришел. Олимжон повел себя грамотно: пошел в миграционную службу, где ему объяснили, что надо встать на миграционный учет и получить разрешение на работу. На вокзале ему дали адрес фирмы, которая ставит на миграционный учет. А из бесплатной газеты он узнал телефон агентства по трудоустройству. Оттуда его направили на работу в ремонтно-строительную фирму.

Ее директор, узнав, что у Олимжона высшее образование, предложил ему работать бригадиром, с зарплатой 30 тыс. руб. в месяц, пообещал оформить разрешение на работу и предоставить место в общежитии.

В начале июня Олимжон приступил к работе. Все было неплохо. Олимжона беспокоило только то, что ни обещанного разрешения на работу, ни договора он так и не получил. В общежитии вместе с ним проживали около 150 рабочих, и ни у одного из них разрешений на

работу не было. Договора были только у двух или трех сварщиков, но и им экземпляры договоров на руки не выдали. В конце июня он не выдержал и позвонил в миграционную службу. Ему сказали, что квота на разрешения закончилась – их больше не выдают.

Олимжон понял, что его обманывают. Он пошел к директору и сообщил, что желает получить расчет. Директор вызвал своего сотрудника, бывшего милиционера, и тот отвез его в ОВД района, где его пытались обвинить в краже, а затем отпустили.

Убедившись, что директор не намерен выплатить ему обещанную зарплату, Олимжон написал жалобу в управу района Хорошевский. Когда он пришел в управу узнать о результатах, его просто отослали к директору фирмы.

О. Тухтаназаров и председатель Комитета «Гражданское содействие» С.А. Ганнушкина обратились в прокуратуру с требованием привлечь директора фирмы к ответственности за нарушение трудового и миграционного законодательства, а помощника директора – за рукоприкладство и лжесвидетельство. Они просят также прокуратуру оценить роль, которую сыграли в конфликте Олимжона с фирмой сотрудники районной управы и районного отделения милиции.

Теперь дело за прокуратурой.

Дмитрий Беломестнов

Официальный сайт организации «Гражданское содействие»:
<http://www.refugee.ru/refugees/TUHTANAZAROV.htm>

Кроме НКО мигранты могут обратиться и в коммерческие фирмы. Это организации, помогающие в легализации, то есть в получении необходимых документов (разрешения на работу, регистрации, медсправок и др.), частные агентства занятости, платные адвокаты, юридические консультации и прочие фирмы. Однако в такие организации обращаются в относительном выражении очень немногие мигранты.

Современная инфраструктура миграции в Москве становится все более диверсифицированной. Кроме государства в нее включаются новые действующие лица, чья активность и принимаемые решения прямо или косвенно влияют на миграцию. Большинство игроков на этом поле представляет частный бизнес. Это коммерческие посредники и сами работодатели, как юридические, так и физические лица. Работодатели часто обеспечивают значительную часть со-

циальной среды для мигранта, предоставляют ему различные услуги, обеспечивают жилье, питание, медицинский уход, помогают осуществить необходимые транзакции (например, денежные переводы и пр.). Часто благополучие, здоровье и даже само существование мигранта зависят от работодателя или иных частных структур. Таким образом, налицо «приватизация» миграционных рисков, то есть зависимость их в большей мере от частных структур, чем от государства. Умело манипулируя миграционными рисками, недобросовестные работодатели и посредники обеспечивают себе сверхприбыль. Иногда их противоправная деятельность может квалифицироваться по ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» или ст. 127.2 «Использование рабского труда».

Таким образом, государство начинает вытесняться из сферы активного влияния на миграцию и на поведение ее агентов, как мигрантов, так и работодателей. И сами мигранты, и посредники, и работодатели зачастую не заинтересованы в участии государства в управлении их действиями. В свою очередь, государство, используя эту «расстановку сил», старается дистанцироваться от ответственности за последствия частных транзакций между мигрантами и другими участниками процесса. В результате миграция превращается во взаимодействие частных агентов на внеправовом поле, где правят скорее законы бизнеса, чем государства.

Плохо там, где мигранты,
или мигранты там, где плохо?

Известный тезис сторонников ограничения миграции – что мигранты осложняют криминогенную ситуацию. На графике (рис. 4 – см. стр. 80) приведена динамика числа преступлений, совершаемых иностранными гражданами. Как видим, в 2007 году наблюдался спад этого показателя на 5,4% по сравнению с предшествовавшим периодом, в то время как абсолютное число мигрантов возрастало.

При этом число преступлений против иностранных граждан продолжало расти и увеличилось на 2,4% по сравнению с 2006 годом.

Спад числа преступлений, совершенных иностранными гражданами в 2007 году, при очевидном росте численности самих мигран-

тов показывает, что прямой связи между количеством мигрантов и уровнем преступности нет. Этот спад хочется отнести за счет либерализации законов, приведшей к увеличению возможностей легализации мигрантов и соответствующему улучшению их положения. Однако пока рано делать какие-либо выводы.

Преступления, совершенные иностранными гражданами, составляли в России в 2007 году 2,8% от общего числа расследованных преступлений. По данным статистики, количество преступлений с участием иностранцев за последние пять лет (с 2003 по 2007 год) увеличилось на 23,6%, в отношении них – на 53,1%.

В Москве традиционно доля преступлений, совершенных иностранцами, выше средней. Всего за 2007 год зарегистрировано 230 631 преступлений (раскрыто 83 726). 52 тыс. преступлений совершены приезжими, как иностранными гражданами, так и приехавшими из регионов РФ (включая Подмосковье)⁶.

Более 90% всех преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в России, приходится на выходцев из стран СНГ. В качестве «лидеров» выделяются Украина, Грузия, Азербайджан, Молдова.

Преступность иностранных граждан в Москве

В Москве совершается более 3% всех преступлений в РФ.

Около 40% преступлений совершается приезжими.

Из всех преступлений, совершаемых приезжими, от 30 до 40% совершаются жителями СНГ, около 2% – гражданами дальнего зарубежья, остальные – приезжими из регионов РФ.

14% преступлений совершаются жителями СНГ в группе, из них около 3% – в ОПГ.

Основные места совершения преступлений – рынки (21%), улица (20%), квартира (16%), вокзалы (10%), стройки (3%).

Около 30% совершивших преступления имели среднее специальное образование и выше.

В 4% случаев пострадавшему нанесен физический или моральный вред (остальное – имущественный и материальный).

Более половины преступников были ранее судимы.

Источник: МВД России, 2004

Небольшой, хотя и растущий, удельный вес преступности иностранцев в общей численности совершаемых преступлений явно опровергает участвовавшие заявления о том, что Россию захлестнула волна иностранной преступности. На фоне статистики это выглядит как политическая спекуляция. Рост преступлений, совершаемых иностранцами, происходил на фоне общего ухудшения криминогенной ситуации и роста преступности. Неправы те, кто утверждает, что наплыв иностранцев как таковой провоцирует ухудшение криминогенной ситуации в Москве. Это скорее зависит от положения мигрантов и состояния местной криминогенной обстановки.

Точка зрения, что преступность иностранцев, проживающих на территории принимающей страны, города или района, – это явление, привнесенное извне, которое можно просто изгнать или не допустить на свою территорию, скорее всего, неверна. Преступность иностранцев порождается внутренними проблемами принимающего региона. Даже если криминал рождается в странах происхождения мигрантов, пересекает границы и приезжает в Москву, то он приезжает именно сюда, так как находит здесь благоприятные условия для процветания. Далее он укореняется на российской почве, меняет формы, воспроизводится, расширяется, практически становится «русским продуктом».

Примерно такой же логикой стоит руководствоваться при сопоставлении уровня миграционного присутствия и уровня преступности в мегаполисе и его отдельных районах. Хорошо известное утверждение, что «там, где больше мигрантов, там выше преступность», в большой мере спекулятивно. Причем выявить эту спекулятивность не так-то просто. По данным исследований, районы наибольшей концентрации мигрантов в Москве – это Северный, Восточный, Южный административные округа⁷. По уровню криминогенности лидируют Центральный, Западный, Северный, Восточный, Юго-Восточный. То есть действительно районы с повышенной долей иностранных жителей и с неблагоприятной криминогенной ситуацией могут пересекаться. Однако это не говорит о наличии прямой причинно-следственной связи, а главное, вектор этой связи может быть направлен в противоположную сторону от ожидаемой. Мигранты выбирают для вселения те районы Москвы, где дешевле цены на жилье (аренду и покупку), а это, как

правило, наименее благополучные территории, характеризующиеся, в том числе, и повышенным уровнем криминогенности⁸.

Таким образом, мигранты приходят туда, где стало плохо (может быть, еще до них) и откуда местное население постепенно переезжает. Так, подобно многим странам мира, в Москве происходит расселенческая сегрегация; формируются престижные районы и неблагополучные и даже опасные кварталы. Пока этот процесс еще в самом начале и нуждается в системном исследовании.

Отношение населения к мигрантам: откуда взять терпимость?

Многочисленные замеры общественного мнения часто показывают негативное отношение российского общества к мигрантам. К таким данным, как правило, апеллируют националистически настроенные политические и общественные силы и иные противники миграции. В то же время объективно, не руководствуясь политическими целями и тенденциозными оценками, определить уровень ксенофобии в обществе – задача нелегкая. Здесь велика ответственность социологов и ученых за формулировки вопросов и интерпретацию результатов выборочных опросов.

Например, табл. 4 иллюстрирует результаты всероссийского репрезентативного для населения страны опроса, проведенного Левада-Центром в 2007 году.

Почти четверть населения Москвы высказали более или менее резкое отрицательное отношение к мигрантам. Как оценить такой уровень ксенофобии? Ответ на этот вопрос зависит от выбранного критерия. Однако все же это далеко от тех 60% враждебно настроенного населения, которые показывают некоторые «заказные» или просто неумелые замеры общественного мнения. В сравнении, например, с Московской областью, где ни один участник выборки не отметил хорошего/сочувственного отношения к мигрантам и более 1/3 населения высказали отрицательное отношение, московская ситуация явно лучше.

Все большая часть населения Москвы понимает, что экономика города не может функционировать без притока мигрантов. Москвичи,

Таблица 4

Ответы жителей Москвы и области на вопрос: «Как вы относитесь к людям, приезжающим в Россию из других стран на заработки, так называемым трудовым мигрантам?», %

	Регион		Всего
	г. Москва	Московская область	
Хорошо, сочувствую им	17		12
Терпимо, нейтрально	43	40	43
Плохо	15	20	17
Очень плохо	9	14	10
Никак не отношусь, мне все равно	6	16	8
Затрудняюсь ответить	10	10	10
<i>Всего</i>	100	100	100

Источник: Левада-Центр, 2007.

Таблица 5

Ответы жителей Москвы на вопрос: «Пользовались ли вы услугами мигрантов?», %

	г. Москва	Московская область
Нанимали рабочих для ремонта, строительства	9	2
Покупали у них продукты на рынках, торговых точках	66	22
Покупали у них товары на вещевых рынках	36	0
Мигранты убирают наш двор и улицу	52	0
Сдавали жилье мигрантам	1,4	0
Нанимали мигрантов для работы по дому, ухода	0,7	0

Источник: Левада-Центр, 2007.

особенно небогатая часть общества, активно пользуются различными услугами мигрантов (см. табл. 5 – стр. 80), которые, как правило, дешевле, чем такие же сервисы, предоставляемые местными работниками. Это помогает населению понять роль мигрантов в современной жизни Москвы и научиться ценить их вклад в развитие города.

Это отнюдь не значит, что ситуация благополучная. Все более отдаляющаяся в культурном отношении от российской, особенно московской, субкультуры миграция поддерживает образ «чужого» в общественном сознании, а значит, и настороженное отношение, и высокий уровень ксенофобии.

Как видно из следующих данных того же опроса, отношение населения к приезжим зависит от так называемой «культурной дистанции». В табл. 6 приведены средние значения только по Москве, но, как и в табл. 5, уровень ксенофобии в Московской области значительно (иногда в 2–3 раза) выше, чем среди москвичей.

В молодежной среде Москвы, как показывают результаты того же опроса Левада-Центра, отношение к приезжим более резкое (см. табл. 7), что, конечно, свойственно молодежи, однако говорит о том, что если программы по толерантности и существуют, то нужного результата они пока не приносят.

Вряд ли какие-либо программы по толерантности, хотя, конечно, они нужны, могут повернуть вспять те общественные отноше-

ния, которые имеют под собой объективную почву. То, что мигранты разительно отличаются от местного населения, сторонятся людей, избегают контактов с милицией и официальными организациями, работают и живут в таких условиях, которые местное население считает неприемлемыми, – все это стимулирует отчуждение, а значит, настороженное, негативное отношение к приезжим.

Исключенность мигрантов из принимающего общества, использование по отношению к ним других, гораздо более низких стандартов в работе и быту поддерживает идеологию двойных стандартов и образ «человека второго сорта» в общественном сознании.

Определенные сигналы обществу дает и официальная позиция властей по отношению к мигрантам. Барьеры на пути их легализации лишь провоцируют нелегальную миграцию, маргинализацию и социальную исключенность мигрантов, а значит, стимулируют антимигрантские настроения.

Сегодняшнее отношение москвичей к мигрантам выстроено самой жизнью. Пока эта жизнь не изменится, вряд ли ситуация улучшится. Политика интеграции и включенности – вот что нужно сегодня Москве для сохранения общественного согласия в мультикультурном пространстве мегаполиса.

Таблица 6. Ответы жителей Москвы и области на вопрос: «Как вы относитесь к трудовым мигрантам из Украины?», %

	Страна выезда мигрантов		
	Украина	Страны Кавказа	Страны Центр. Азии
Хорошо, сочувствую им	24	12	18
Терпимо, нейтрально	58	46	44
Плохо	8	28	22
Затрудняюсь ответить	10	14	16
Всего	100	100	100

Источник: Левада-Центр, 2007.

Таблица 7. Ответы молодежи Москвы (до 30 лет) на вопрос: «Как бы вы отнеслись к тому, если бы в квартиру рядом с вами въехали выходцы с Кавказа?», %

	%
С интересом, готовностью общаться	1
Спокойно, без особых чувств	28
С раздражением, неприязнью	35
С чувством неловкости	3
С недоверием, страхом	23
Затрудняюсь ответить	10
Всего	100

* * *

Бесспорно, Москва была и останется центром притяжения мигрантов. В какой-то степени это даже не зависит от проводимой московскими властями политики. Даже в случае сохранения жестких барьеров миграция будет продолжаться, однако уйдет в тень. Об этом говорят как сложившиеся и эффективно работающие неформальные миграционные сети, так и растущий спрос на рынке труда.

Ориентация миграционной политики на краткосрочную (до 1 года) трудовую миграцию стимулирует появление огромного количества так называемого «временного» населения, что, естественно, не способствует консолидации общества. Степень социальной эксклюзии мигрантов остается очень высокой.

Опыт прошлых лет показал неэффективность рестриктивного миграционного законодательства. Однако управлять миграцией в либеральном режиме, установленном новым федеральным законодательством, оказалось труднее, чем воздвигать административные барьеры. Для этого требуется больше объективных знаний о реальной ситуации, умение использовать весь известный и ранее невосребованный арсенал рычагов управления миграцией, а главное, готовность расстаться с идеологией запретов и «административным восторгом»⁹ от собственной власти. Новый миграционный менеджмент должен стать не только гораздо более интеллектуальным, технологичным и взвешенным, чем теперешний, но и более гуманным и уважающим права человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье использованы материалы исследований Бюро Международной организации по миграции в Москве и Центра по изучению транснациональной преступности и коррупции (Вашингтон, округ Колумбия, США), проведенных под руководством автора в 2005–2007 годах.

² Число нелегальных мигрантов в Москве может достигать трех миллионов. Интервью председателя Мосгордумы Владимира Платонова радиостанции «Эхо Москвы». 2008. 1 апреля [http://www.echo.msk.ru/news/504975-echo.html].

³ *Мукомель В.И.* Миграционная политика России. Постсоветские контексты. Москва: Институт социологии РАН, 2005. С. 196.

⁴ Социально-культурная дистанция – термин Р. Парка (*Park R.* Race and Culture. N.Y.: The Free Press, L.: Collier-Macmillan Limited, 1950).

⁵ Данные Федеральной службы государственной статистики [http://www.gks.ru/wages/2008/labor623.htm].

⁶ Данные МВД России [http://kp.ru/daily/24040/98190/].

⁷ *Вендина О.* Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Центр миграционных исследований, Институт географии РАН, 2005. С. 57.

⁸ Там же. С. 77.

⁹ Выражение «административный восторг» принадлежит Ф.М. Достоевскому («Бесы», беседа Верховенского с Варварой Петровной Ставрогиной): «Вам ... без всякого сомнения известно, – говорил он, кокетничая и щегольски растягивая слова, – что такое значит русский администратор, говоря вообще, и что значит русский администратор внове, то есть нововыпеченный, новопоставленный... Но вряд ли могли вы узнать практически, что такое значит административный восторг и какая именно это штука? ... То есть... поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтет себя вправе смотреть на вас Юпитером, когда вы пойдете взять билет, *pour vous montrer son pouvoir*. “Дай-ка, дескать, я покажу над тобой мою власть”... И это в них до административного восторга доходит...»

Т.Д. Иванова

Таджики
В МОСКОВСКОМ СОЦИУМЕ

За последние несколько лет Российская Федерация стала главной страной притяжения трудовых мигрантов из Таджикистана, преимущественно таджиков. Начало этому процессу положили беженцы, которые в годы гражданской войны, разразившейся в Таджикистане в 1992–1993 годах, в поисках убежища выехали в Россию и другие страны СНГ. За годы нахождения в России многие из них обустроились, нашли свои ниши на рынке труда – в сельском хозяйстве, строительстве, коммунальном хозяйстве, транспорте, торговле и др. Устроившиеся беженцы стимулировали приезд новых трудовых мигрантов. Внешняя трудовая миграция – качественно новый тип миграции для Таджикистана. Для России трудовая миграция из Таджикистана – тоже относительно новый миграционный поток. С 1995 года начался резкий рост этой миграции, пик его пришелся на 1999 год.

Существуют разные оценки масштабов трудовой миграции из Таджикистана. Большинство экспертов оценивают ее в пределах от 600 тыс. до 1,5 млн человек. Есть эксперты, которые поднимают планку еще выше – до 1,5–2 млн человек¹. Однако даже величина, равная 1,5 млн человек, не говоря уже о 2 млн, явно преувеличена и не соответствует демографическому потенциалу страны. Население Таджикистана в начале 2007 года насчитывало 7,1 млн человек, в том числе 1,1 млн мужчин и 1,2 млн женщин в возрасте от 20 до 45 лет, на который приходится подавляющая часть трудовых мигрантов. Кроме того, надо учесть, что мигранты из Таджикистана – в основном мужчины. На фоне сказанного оценка в 600 тыс. человек выглядит более убедительной, а предельно высокое количество таджик-

ских трудовых мигрантов едва ли может превысить 1 млн человек. В России работают 84% всех трудовых мигрантов из Таджикистана. По имеющимся данным, в период с января 2000 по январь 2003 года в России работали 530 тыс. таджикских мигрантов². По экспертным оценкам, которые были получены в рамках данного проекта, в России в 2007 году жили и работали 450–500 тыс. граждан Таджикистана, из них в Москве – 70–100 тыс., есть и оценка 200 тыс. человек. Заметим, что общий объем трудовой миграции очень сложно определить, так как большинство таджиков работают на условиях устной договоренности и не подлежат официальному учету.

По данным Федеральной миграционной службы (ФМС), в России численность трудовых мигрантов из Таджикистана возросла с 52,6 тыс. человек в 2005 году до 98,7 тыс. в 2006 году, а доля – с 15,3 до 18,4% от общего числа иностранной рабочей силы из стран Содружества. В 2006 году из общего числа законных трудовых мигрантов из Таджикистана 16,2% работали в Москве и 14% – в Московской области³. В 2007 году численность официальных трудовых мигрантов из Таджикистана в России увеличилась в 2,5 раза относительно 2006 года.

Иммиграция трудовых мигрантов из Таджикистана вносит весомый вклад в экономическое развитие, изменение этнического состава, рост культурного разнообразия столицы. Кроме того, в условиях резкого сокращения трудоспособного населения актуализируется не только проблема привлечения мигрантов, но и их интеграция в принимающее сообщество. Последствия подобных изменений неоднозначны, что требует особого рассмотрения.

Основная задача нашего исследования состояла в анализе трудовой деятельности и процесса адаптации, а также оценке интеграционного потенциала мигрантов из Таджикистана, проживающих в Москве.

Адаптация рассматривается через анализ таких характеристик образа жизни, как материальное положение и жилищные условия; статус и социальное положение; расселение и перспективы пребывания в Москве; социокультурное взаимодействие мигрантов и принимающего сообщества.

Интеграционный потенциал понимается здесь как наличие мотивационных установок на получение российского гражданства и

на постоянное проживание в Москве. Он оценивается по степени дискриминации из-за национальной принадлежности, ранговым порядкам идентичностей, самоидентификации таджиков-иммигрантов, ориентированных на интеграцию/отъезд, в сочетании с возрастом, уровнем образования, длительностью проживания⁴.

Анализ проводился на базе опроса мигрантов-таджиков. Были опрошены 50 человек, из них основную часть составили мужчины (64%), более половины в возрасте 20–29 лет, в основном холостые и незамужние (56%), подавляющая часть с высшим/незаконченным высшим образованием (72%), свободно владеющие русским языком (90%), большинство – выходцы из городской местности (70%). Как видим, мы опросили активную и образованную часть таджикских мигрантов.

Другим источником информации были глубинные фокусированные интервью с экспертами, в качестве которых выступали государственные чиновники, ученые, представители общественных организаций.

Жизнь в Москве

Почему Москва?

Таджиков заставляет искать работу в другой стране безработица и чрезвычайно низкий уровень жизни на родине. Валовой внутренний продукт на душу населения в Таджикистане самый низкий среди стран СНГ и в 12,5 раза меньше, чем в России (1260 долл. против 15760 долл. в 2005 году)⁵, а средняя заработная плата равна всего 70 долл. Каждый третий из проинтервьюированных таджиков приехал в Россию из-за того, что не мог найти дома работу или там «мало платили».

Основная причина трудовой миграции – высокий уровень бедности населения. Для семьи, которая испытывает нужду во всем, включая угрозу голода, миграция трудоспособных членов на заработки в другие страны остается единственным выходом из ситуации⁶. В Москву таджиков привлекает желание заработать, «чтобы материально помочь своим родителям, детям, внукам»; каждый пятый хотел заработать деньги на хорошую квартиру, дом, автомобиль.

Кроме того, таджики часто зарабатывают на свадьбу. Свадьба у таджиков – длительный ритуал, продолжающийся целую неделю, так что денег нужно много.

«Подавляющее большинство таджиков приезжает в Москву с трудовыми целями, в основном с целью заработка», – в унисон с мигрантами отмечали эксперты.

Второй по значению причиной (для 36% опрошенных таджиков) является желание обеспечить себе образовательный или профессиональный рост. Эти мигранты хотели бы получить в Москве высшее образование, защитить диссертацию, овладеть хорошей специальностью. Реализовать свои планы удалось каждому четвертому таджику, приехавшему в Москву с этой целью. Кроме того, каждый пятый хотел себя почувствовать «свободным и самостоятельным».

Выбор Москвы для большинства был обусловлен родственными, дружескими и земляческими связями (38%), другие считали, что здесь легче найти работу и заработать (28%), тогда как каждый четвертый давно мечтал пожить в Москве, ощутить дух свободы, самостоятельности и независимости.

По опросам таджикских исследователей, проведенным на родине мигрантов, почти четверть из них отправляется в Москву, так как здесь они легче находят работу как в формальном, так и неформальном секторе экономики и имеют возможность зарабатывать больше, чем в других регионах России⁷.

«В Москве выше зарплаты, легче найти работу, так как здесь более емкий рынок труда, велика сфера приложения труда, много вакансий на не престижные для москвичей работы. О возможностях найти работу в Москве и хорошо здесь заработать таджики чаще всего узнают от своих родственников, друзей, знакомых, у которых уже есть такой опыт». Кроме того, «Москва дает им надежды реализовать свои желания, открыть для себя мир. Особенно большой импульс она дает для развития молодежи».

Основная часть таджиков приезжает в Москву напрямую из Таджикистана, поездом (92%), единицы прибыли, после того как поработали в других местах (например, в Екатеринбурге, Брэнске или в Киргизии).

Среди опрошенных таджиков есть «новички», которые живут в Москве менее года (18%), но каждый пятый респондент прожил

здесь от 1 года до 3 лет, столько же – от 3 до 5 лет, а каждый четвертый – от 5 до 10 лет, остальные – 10 лет и более. Дальше нами будет прослежено влияние длительности проживания на интеграционный потенциал таджиков.

«В Москву таджики приезжают чаще всего с родственниками, друзьями, знакомыми, очень редко – в составе полной семьи и менее распространенный вариант – в одиночку, если знают, к какой группе примкнуть».

Основная часть таджиков проживает в Москве в составе семьи или с другими родственниками (64%). Варианты самые разные: «со мной здесь проживают брат/сестра и другие родственники» (34%); «живу с мужем/женой, детьми, родителями, братьями/сестрами и другими родственниками» (30%). Более трети опрошенных таджиков проживают в Москве без членов своей семьи или других родственников. Особенно много мужчин, которые проживают одни (47%).

Статус

В основном опрошенные таджики официально оформили свое пребывание в Москве. Незначительная часть из них имела российское гражданство (16%), немногие – вид на жительство (6%). Большинство было зарегистрировано по месту жительства (40%); из них 20% встали на миграционный учет и 8% оформили разрешение на работу. Более трети встали на миграционный учет (36%), из них 24% оформили разрешение на работу и 6% получили регистрацию по месту жительства. Такая же часть оформила разрешение на работу (36%), из них 22% имели регистрацию и 10% встали на миграционный учет. Получить разрешение на работу до введения нового миграционного законодательства было гораздо труднее. Однако почти пятая часть опрошенных таджиков (18%) – это незаконные трудовые мигранты.

Эксперты считают, что *«в последнее время (после введения новой миграционной практики. – Т.И.) наметились позитивные тенденции и в регистрации, и в получении разрешения на работу. Новые правила снимают многие административные барьеры, которые препятствовали легально пребывать и трудиться в России. Они позво-*

лят иммигрантам войти в правовое поле и выйти из черной дыры на свет». Но при этом эксперты отмечают, что *«уже в самом начале реализации этих правил появились “удавки” в лице посреднических организаций, которые незаконно обирают иммигрантов и выдают им фиктивные разрешения на работу».*

Социальное положение

По данным ФМС, на российском рынке труда основная часть официально нанятых трудовых мигрантов из Таджикистана в 2007 году была сосредоточена в строительстве (41,8%), 14,2% – в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, бытовых изделий, почти каждый десятый работал в жилищном коммунальном хозяйстве и немногим меньше – на обрабатывающих производствах. Небольшая часть была занята на транспорте и связи (6,2%), еще меньшая – в сельском хозяйстве (3,6%), остальные были задействованы в других видах экономической деятельности (14,6%).

Среди опрошенных нами таджиков присутствуют представители самых разных видов деятельности. В Москве сохранилась столь же пестрая картина распределения таджиков по их роду деятельности, но с явным понижением их социального статуса: в 1,5 раза сократилась доля занятых в сфере образования, науки, здравоохранения, культуры; но в 3 раза увеличилась доля строителей, продавцов, разнорабочих, грузчиков, охранников; значительно уменьшилась доля студентов и аспирантов (табл. 1). Только единицам удалось организовать в Москве собственный бизнес. Это сумели сделать 4 человека из 50. Два из них – бывшие преподаватели вузов, один – музыкант и один – выпускник вуза.

В Москве в группе строителей, продавцов, разнорабочих и других неквалифицированных работников оказались 7 выпускников и студентов вузов, 3 учителя школы, то есть более половины нового пополнения данной группы. Мигранты с высшим образованием и профессионалы попали в ту же группу, что и выпускники школ (2 человека) и безработные (6 человек). Как отмечают СМИ, в Москве таджики чаще всего работают дворниками, уборщиками, строителями, сторожами, охранниками. Среди московских дворников-таджи-

Таблица 1. Социальный статус таджиков на родине и в Москве
(в % к общему количеству опрошенных)

Социальный статус	На родине	В Москве
Ученые, врачи, преподаватели, учителя, ИТР, журналисты и др.	24	16
Строители, продавцы, разнорабочие, грузчики, охранники и др.	18	54
Студенты, аспиранты	36	16
Безработные	12	–
Имеют собственный бизнес	–	8,0
Другое	10	6
Всего	100,0	100,0

ков есть кандидаты наук, учителя, музыканты, журналисты⁸. О том же свидетельствуют и данные таджикских исследователей⁹.

Большинство таджиков работает в Москве на условиях устной договоренности без официального оформления (40%) и почти столько же – по найму по договору на временной или постоянной основе (38%), из них 22% – на временной и 16% – на постоянной основе. Эксперты же считают, что теневая занятость таджиков распространена гораздо больше. «*Подавляющая часть таджиков работает в Москве на условиях устной договоренности (85%). Это незаконная, теневая занятость, “черный нал”. Примерно 5–6% имеет трудовые договора с работодателями. Работодатели, как правило, не очень охотно заключают с ними договора, так как это влечет за собой выполнение определенных трудовых и социальных обязательств*».

По данным исследования Международной организации по миграции (МОМ) в Таджикистане, в общем потоке трудовой миграции из республики выделяются мигранты, работающие на выезде на постоянной основе на государственных или частных фирмах. Так зарабатывают 22,2% трудовых мигрантов из Таджикистана¹⁰. Этот показатель почти соответствует данным нашего опроса.

Материальное положение

Около половины таджиков оценили свое материальное положение в Москве как среднее (46%), каждый пятый – как очень хорошее / хорошее, и столько же отметили, что живут бедно и очень бедно. По данным мониторинга Левада-Центра, общий тон ответов россиян на подобные вопросы более пессимистичен: как очень хорошее / хорошее свое материальное положение оценил только каждый десятый и, напротив, каждый третий считал его плохим / очень плохим¹¹.

Каждый третий респондент свой заработок не указал. У 41% тех, кто указал, средний месячный заработок за последние полгода составил от 10 до 15 тыс. руб., у четверти – более 15 тыс., еще у четверти – от 5 до 10 тыс. руб., и почти у каждого десятого он был ниже прожиточного минимума. Если учесть тот факт, что многие таджики часть заработанных денег отправляют на родину (44% опрошенных), чтобы поддержать своих родственников, то у них остается не так много, и по московским меркам они живут очень скромно и даже бедно.

Из интервью: «*В Москве работаю дворником. У меня четыре участка, получаю 12 тыс. руб. С земляками арендуем квартиру, в которой проживают 12 человек. За жилье плачу 2 тыс. руб., на еду сбрасываемся по 1 тыс. руб. и столько же еще оставляю на сигареты, штрафы и другие мелкие расходы. В месяц на себя трачу 4 тыс. руб., а 300 долл. высылаю своей семье – у меня жена и четверо детей. Примерно так живет большинство таджиков, которые приехали в Москву на заработки*». Глава Народной лиги «Таджики» Каромат Шарипов считает, что таджикам-дворникам в Москве ежегодно «забывают» заплатить 14 млн руб.¹²

А вот еще одно интервью: «*Мне на складе платили 9 тыс. руб. в месяц. По московским меркам это немного. За жилье платил 3 тыс. руб., транспортные расходы – 1 тыс. руб., на питание уходило 1,5 тыс. руб., еще 1 тыс. руб. оставлял на сигареты и другие мелкие расходы. Остальные деньги платил милиции, когда проверяли документы. Потом мой родственник устроил меня на стройку, где мне очень хорошо платили. Жизнь наладилась, и я смог ежемесячно отправлять домой по 300 долл.*»

Как отмечают в своих исследованиях С. Олимова и И. Боск, опрашивающие таджиков, работавших в России, дома (в Таджикиста-

не) уровень их доходов очень различается: есть небольшая группа, которая нашла высокооплачиваемую работу, большая же часть имеет довольно скромный достаток¹³.

Жилищные условия

Очень остра у таджиков жилищная проблема. Более половины опрошенных снимали жилье вместе со своими земляками. Около 20% жили в общежитиях или прямо на объекте, где работали. Обычно это тесные и грязные помещения. Среди таджиков есть и собственники квартир и комнат, но таких немного (14%), столько же арендовали отдельное жилье (квартиру или комнату). Но все это могут себе позволить те, кто получил российское гражданство или вид на жительство. То, что жилищные условия редко бывают нормальными, отмечают также С. Олимова и И. Боск. По их данным, 40,4% наемных работников в России снимали комнату или квартиру, в которой жили по несколько человек; 36,6% жили у работодателя; 6,9% – у родственников/знакомых; 3,5% снимали койку и столько же жили у своей российской подруги. Еще хуже условия у строителей, которые редко снимают квартиру. Обычно несколько человек арендуют комнату за небольшую плату у малоимущих хозяев (пенсионеров, спившихся людей) или с разрешения работодателя живут вблизи стройки либо на ее территории. Это может быть подвал, вагончик, сарай, то есть помещения, часто не приспособленные для проживания¹⁴. Условия, в которых живут таджики-дворники в Москве, еще ужаснее, чем их работа. Они ютятся в подвалах, за место платят 500 руб. В одном подвале могут проживать до 50 человек¹⁵.

Трудности жизни в Москве

В иерархии проблем, с которыми таджики столкнулись в российской столице, лидирующую позицию занимает произвол милиции (68%). Это же подтверждают С. Олимова и И. Боск¹⁶. Второй по значимости проблемой почти для половины таджиков было получение регистрации по месту жительства. Третью позицию занимает поиск подходящей работы (42%). Особенно трудно ее найти женщинам. С этим столкнулась половина опрошенных таджичек. Каж-

дый третий ощутил недоброжелательное отношение местных властей. Каждый пятый отметил трудности, связанные с непривычной для них обстановкой, чужими порядками, и столько же имели проблемы с определением правового статуса. Как правило, мужчины чаще сталкивались с трудностями пребывания в Москве, чем женщины (табл. 2). И лишь единицы опрошенных таджиков не пожаловались на трудности.

Эксперты же считают, что «основная и главная проблема у таджиков – их незаконное проживание в Москве. Это влечет за собой массу других проблем: произвол милиции, трудно найти подходящую работу, арендовать жилье, получить качественную медицинскую помощь».

Исследование показало, что, несмотря на все трудности, с которыми таджики столкнулись в Москве, значительная часть из них достигла цели. Им удалось материально помогать родителям, детям, внукам (44%), каждый четвертый обеспечил себе (семье) хорошее питание, каждый пятый может позволить себе хорошо одеваться (естественно, по самооценке в пределах собственных стандартов); столько же купили желанную электро- и радиотехнику. Каждый де-

Таблица 2. Проблемы, с которыми таджики-мигранты сталкиваются в Москве (в % к общему количеству опрошенных)

<i>Проблемы</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>	<i>Всего</i>
Получение российского гражданства, вида на жительство, статуса беженца	21,9	22,2	22
Получение регистрации по месту жительства	46,9	44,4	46
Поиск подходящей работы	37,5	50,0	42
Недоброжелательное отношение москвичей	15,6	11,1	14
Недоброжелательное отношение местных властей	40,6	16,7	32
Непривычная обстановка, чужие порядки, все чужое	25,0	16,7	22
Оторвались от родных, друзей	18,7	11,1	16
Произвол милиции	71,9	61,1	68

сятый купил хорошее жилье, и столько же смогли купить дорогостоящие товары (автомашину, хорошую мебель). Кроме того, у каждого третьего появилась возможность повысить качество жизни за счет получения высшего образования, защиты диссертации и обучения детей, внуков. Определенная часть таджиков смогла решить проблемы правового порядка: каждый третий получил регистрацию по месту жительства, каждый десятый – российское гражданство и столько же – вид на жительство. Но есть и такие, которым не удалось решить ни одной проблемы, они обеспечивают себя (семью) только самым необходимым (12%).

На сей счет мнение экспертов более пессимистично: «Основная проблема, которую удастся решить большинству таджиков, – материально поддержать своих родственников в Таджикистане, меньшей части – получить профессию, образование, очень редко – защитить диссертацию».

Мы попытались выяснить, что же мешает таджикам нормально жить и работать в Москве? Из данных, приведенных в табл. 3, очень хорошо видно, что основной части таджиков трудно отстаивать свои законные права (76%). Далее идут: коррупция чиновников и милиции (72%), «не везде берут на работу» (70%), «трудно найти подходящее жилье» (66%), дороговизна столичной жизни (62%), «берут только на низкооплачиваемую работу» (60%). Такие же трудности, как соблюдение обычаев и религиозных обрядов, обособленность людей в огромном городе, сложности привыкания к жизни в нем, мешают, но не являются определяющими для большинства таджиков. Так, каждый третий респондент, по его мнению, спокойно вписался в жизнь Москвы.

По мнению экспертов, таджикам нормально жить и работать в Москве мешает «коррупция властей, жесткие законы. Хотя в последнее время наметились позитивные сдвиги по их легализации и в получении разрешения на работу. Есть проблема ксенофобии. Кроме того, они во многом связаны с посылающим сообществом. Мешает также недостаточное знание русского языка, русской истории и культуры, отсутствие у многих профессионального образования, отсутствие миграционных инфраструктур, которые могли бы оказать им комплекс услуг по трудоустройству, обучению русскому языку, обеспечению жильем, информационно-консультационные услуги».

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Что Вам мешает нормально жить и работать в Москве?» (в % к общему количеству опрошенных)

<i>Трудности проживания в Москве</i>	<i>Да, мешает</i>	<i>И да, и нет</i>	<i>Нет, не мешает</i>	<i>Не знаю</i>
Все слишком дорого	62	26	12	–
Людям моей национальности трудно отстаивать свои законные права	76	20	2	2
Трудно найти подходящее жилье	66	26	8	–
Таджиков не везде берут на работу	70	22	6	2
Людей моей национальности берут только на низкооплачиваемую работу	60	38	–	–
Слишком много криминала	52	30	12	6
Слишком часто чиновники и милиция требуют взятки	72	20	6	2
Трудно соблюдать мои обычаи и религиозные обряды	18	30	52	–
В Москве люди живут слишком обособленно	18	58	12	12
Москва – огромный город, сложно привыкнуть	26	42	32	–

Расселение таджиков в Москве и их предпочтения

В интервью эксперты подчеркивали, что «в настоящее время в Москве нет конкретных районов компактного расселения таджиков. Как правило, они живут недалеко от работы».

Исследователи отмечают, что таджики тяготеют к московским окраинам, широко рассредоточиваясь по ним, что в принципе соответствует характеру их работу. Самой высокой относительной численностью таджиков выделяются восток и юг столицы, где их доля превышает среднее значение по Москве: это микрорайоны Восточное Измайлово, Гольяново, пгт Восточный, Вешняки, а также Даниловский, Нагорный, Северное Чертаново и Западное Дегунино. На юго-западе выделяются Черемушки и Зюзино; на юго-востоке – Люблино, Печатники

и пгт Некрасовка; на севере – Тимирязевский и Молжаниновский микрорайоны; на северо-западе – Куркино и Южное Тушино; на западе – Филевский парк и Тропарево-Никулино¹⁷.

Специалист по расселению О. Вендина отмечает, что в Москве совершенно отчетливо выделяются ареалы повышенной концентрации этнических меньшинств и зоны их преимущественного проживания, связанные, правда, не столько с национальными различиями, сколько с социально-профессиональными характеристиками индивидов¹⁸.

Если говорить о внутригрупповой солидарности, то только 22% опрошенных таджиков при возможности выбора хотели бы жить среди своих земляков, своей диаспоры, меньшая часть – среди местного населения (14%). Большинству же просто безразлично (64%). Эти данные говорят о больших интеграционных возможностях таджиков. Однако полной ясности в этом вопросе пока нет, о чем свидетельствуют и ответы экспертов, мнение которых по этому поводу разделилось. Одни считают, что *«при возможности выбора большинство таджиков предпочли бы жить среди родственников, своих земляков, своей диаспоры»*. Другие же полагают, что *«при возможности выбора большинство таджиков предпочли бы жить среди местного населения. Однако очень часто им приходится кооперироваться со своими родственниками, земляками и жить среди своей диаспоры, так как в финансовом плане это гораздо дешевле. Есть и такие таджики, которым это все равно»*.

Перспективы пребывания таджиков в Москве

Более половины опрошенных таджиков ориентированы на временное пребывание в Москве и рассматривают столицу как место, где они поработают несколько месяцев или год-другой, заработают денег и вернутся на родину (40%). Небольшая часть стремится переехать в другую страну (14%). Однако около трети намерены остаться в Москве (России) навсегда и хотят получить или уже имеют российское гражданство. Часть пока не определилась в своих планах (16%).

Данные разных исследований довольно сильно расходятся на этот счет. Так, по опросам В.И. Мукомеля, проведенным в Астрахани, хотели бы остаться в России 31% таджиков (что совпадает с нашими дан-

ными), а опросы в Самаре дали величину в два раза большую – 67%¹⁹.

Если говорить о мнениях экспертов, то они противоречивы. Одни считают, что *«достаточно большая часть таджиков, хотя и со страхом, хотела бы остаться в Москве»*. Другие полагают, что эта часть *«очень маленькая, так как Москва для большинства таджиков очень дорогой город. Иное дело другие регионы России. Конечно, перспективы пребывания таджиков в Москве есть, но пока не будет отрегулировано миграционное законодательство и правоприменительные практики, они достаточно ограничены. Таджики сейчас идут по тому же пути, который раньше прошли азербайджанцы. В Москве уже есть прослойка таджиков, которая адаптировалась здесь, создала или стремится создать свой бизнес»*.

Взаимодействие с принимающим сообществом

Контакты

Таджики, проживающие в Москве, стремятся выстроить свои отношения с принимающим социумом. Так, регулярные контакты с москвичами (русскими) поддерживали 74% опрошенных. Большинство таджиков имеют хороших друзей, знакомых среди москвичей (68%). Кроме того, они стремятся наладить свои отношения не только с москвичами, но и с мигрантами других национальностей, которые проживают в Москве; более трети опрошенных таджиков регулярно с ними контактируют. Однако все же больше всего они общаются со своими земляками (84%).

По мнению экспертов, *«большинство таджиков чаще всего общаются со своими соотечественниками, но те таджики, которые живут в Москве сравнительно долго и хотят здесь остаться, стараются чаще общаться с москвичами. Они общаются и с мигрантами других национальностей, но в основном по работе»*.

Половина опрошенных таджиков положительно или спокойно относится к смешанным бракам своих детей и близких родственников с русскими (50%), и столько же ничего не имели против смешанных браков с мигрантами любой другой национальности.

Этот результат соответствует мнению экспертов: *«Таджики положительно относятся к смешанным бракам своих детей, близких*

родственников с русскими, а вот с мигрантами любой другой национальности – более настороженно, но явного отторжения нет. Таджики не только положительно относятся, но и достаточно часто вступают в смешанные браки в Москве». Кроме того, эксперты констатировали: «Есть случаи фиктивных браков с москвичами, которые достаточно часто перерастают в нормальные браки, но сейчас в связи с изменением законодательства необходимость в фиктивных браках у них отпала».

Наряду со стремлением включиться в общение с москвичами таджики достаточно активно участвуют в культурной жизни столицы: 60% из них ходят на дискотеки, в кафе, рестораны; половина – в кинотеатры; 42% бывают в театрах, концертных залах, а каждый третий посещает музеи, выставки.

Безусловно, это не относится ко всем мигрантам-таджикам. Не надо забывать, что проинтервьюированные нами лица – это образованные горожане, т.е. в какой-то мере миграционная элита.

Мнения экспертов в большей мере отражают ситуацию, относящуюся к таджикским мигрантам в целом. «К русской культуре таджики относятся хорошо, но большинство не посещает места отдыха и развлечений, так как они на всем экономят, чтобы поддержать своих родственников в Таджикистане. Правда, молодые люди ходят на дискотеки, но только на те, где они находятся в безопасности».

В Москве таджики поддерживают контакты со своей общиной, но эксперты высказывают озабоченность этим: «Таджикская община помогает своим землякам советом, деньгами, но очень часто эта помощь, особенно в решении правовых проблем, носит коммерческий характер, и руководство общины “делает деньги” на своих земляках, а это противозаконно». Поэтому «национальные общины не должны выполнять функцию посредника между трудовыми мигрантами и московскими властями». Для этого «они должны быть отделены от участия в оформлении правового статуса мигрантов».

Если говорить о сплоченности таджикской общины в Москве, то и здесь мнения экспертов разделились. Одни считают, что она достаточно сплоченная; другие полагают, что не очень, «так как обычно во главе национальных общин, культурных центров стоят таджики, глубоко интегрированные в московское сообщество. Они дистанцируются от таджиков, которые приехали на заработки».

Кроме того, эксперты подвергают сомнению правомерность организации этнических общин по земляческому принципу, который способствует не столько сплочению, сколько дезинтеграции. В качестве альтернативы выдвигается общенациональный принцип. «В Москве 12 крупных национальных объединений, которые организованы по принципу землячеств и земляческой сплоченности, а вот для других регионов России характерен общенациональный принцип организации таджикской диаспоры».

Таджики, проживающие в Москве, не теряют связь со своей родиной, поддерживают контакты с родственниками, которые остались в Таджикистане. Правда, основное средство общения – телефонные переговоры (100%), и лишь каждый пятый раз в году проводил свой отпуск на родине, столько же изредка навещали своих родственников. Наши данные совпадают с результатами опроса С. Олимовой и И. Боск: работники из Таджикистана очень тяжело переживают разлуку с семьей, но в подавляющем большинстве видятся с ней редко и очень редко. 22% навещают семью раз в год; остальные сообщили, что наиболее популярным видом связи с семьей являются телефонные звонки²⁰.

Фобии и дискриминация

Отношение к ним принимающего сообщества таджики оценили противоречиво. Так, каждый пятый отметил, что местное население относится к ним дружелюбно, более трети оценили это отношение как безразличное, почти каждый пятый – как настороженное, и столько же – как недружелюбное (рис. 1). Эксперты более жестки в оценках: «Большинство москвичей презрительно, плохо относятся к таджикам, так как они видят в них своих конкурентов на рынке труда».

Опрошенные таджики очень негативно оценили отношение к ним московских властей. Так, более трети заявили, что местные власти относятся к ним недружелюбно. Только единицы отметили дружелюбное отношение со стороны местных властей, каждый пятый оценил его как настороженное, и чуть меньшая часть – как безразличное.

Эксперты в своих оценках более категоричны: «Московские власти, как правило, таджиков не замечают, так как не хотят зани-

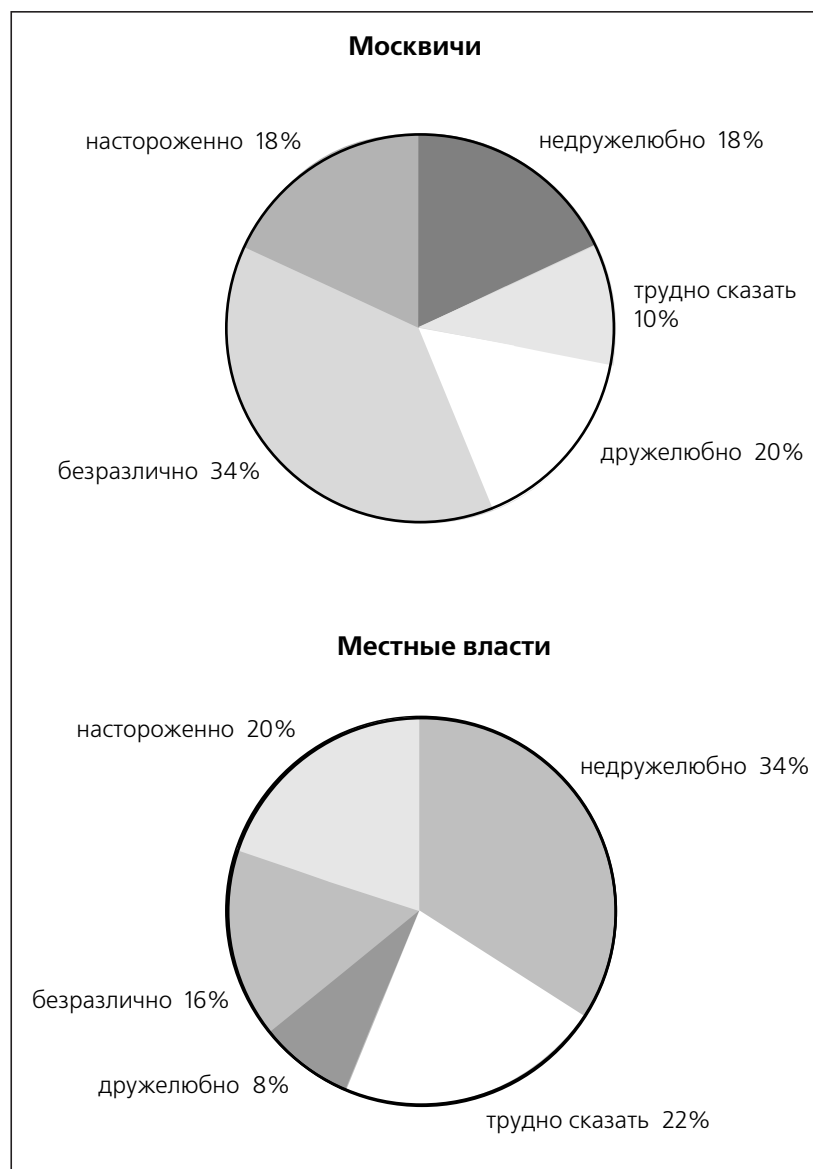

Рисунок 1. Отношение к таджикам москвичей и представителей власти, % (по мнению опрошенных).

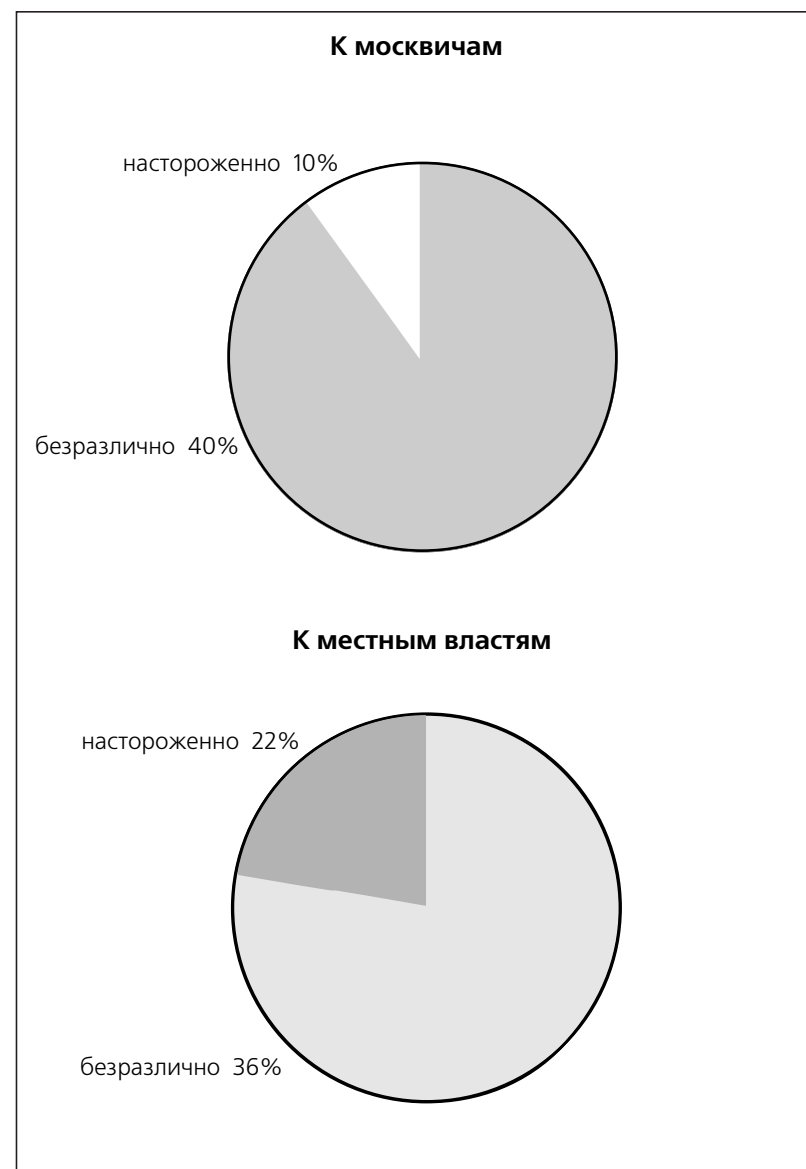

Рисунок 2. Отношение таджиков к москвичам и представителям власти, в % к общему количеству опрошенных.

матся их легализацией». А вот отношение работодателей к таджикам, по мнению экспертов, разное: «Есть работодатели, которые относятся к ним хорошо и видят в них добросовестных работников, а есть и такие, которые наживаются на их труде: мало платят, а довольно часто просто забывают заплатить за работу деньги».

Работодатели нередко нанимают мигрантов на работу неофициально. В 2003–2004 годах почти 60% трудовых мигрантов из Таджикистана работали на основе устной договоренности. Нередко мигранты, занятые в строительстве, сельском хозяйстве, попадают буквально в рабство или условия, приближенные к нему. Работодатели часто отбирают у них документы, препятствуют свободе их передвижения, либо сами мигранты ограничивают ее, не выходя за пределы своего места работы и проживания из-за страха перед милицией. Для условий труда таджиков характерны: очень низкая зарплата; продолжительный рабочий день (10–12 часов); отсутствие выходных и отпусков; ограничение или отсутствие социальных льгот; отсутствие охраны труда; увольнения без предупреждения; отказ от выплаты заработной платы; обман и мошенничество при найме и расчете²¹.

Несмотря на это, сами таджики настроены по отношению к москвичам и местной власти более дружелюбно, чем противная сторона к ним. Так, основная часть таджиков испытывает дружелюбие к москвичам (46%), чуть меньшая часть относится к ним безразлично (40%) и лишь каждый десятый – настороженно. В отношении таджиков к москвичам нет негативных оценок (рис. 2).

«Большинство таджиков неплохо, хорошо относится к москвичам, многие считают их нормальными людьми, но есть и такие, которые к москвичам относятся настороженно и боятся их», – резюмируют эксперты.

Отношение к местным властям не столь благостное. Более трети таджиков оценили его как безразличное, но каждый пятый – как настороженное. Примерно равные доли заявили о своем дружелюбии и недружелюбии. Кроме того, в отношении к местным властям появляются и негативные оценки, а также гораздо меньше позитивных оценок в отличие от отношения к москвичам. Однако следует отметить, что таджики в 2 раза чаще оценивают свое отношение к местным властям как дружелюбное и в 2,5 раза реже – как недружелюб-

ное, по сравнению с тем, как они оценивают отношение к ним местных властей.

По мнению же экспертов, «большинство таджиков старается с местными властями не контактировать, так как боится их. Все контакты с местными властями ведут бригадиры, которые, как правило, являются гражданами России и знают все ходы и выходы во властных коридорах», а вот «к работодателям есть определенная настороженность, так как те их часто “кидают”, т.е. не выплачивают заработок».

По результатам исследования С. Олимовой и И. Боск, таджикских строителей-нелегалов часто обманывают с оплатой при расчете: платят меньше, чем договорились, отдают часть продуктами или товарами, платят по заниженному курсу доллара (если договор о расчете был в долларах). Бывают случаи, когда работодатели вообще отказываются платить²².

Из интервью: «Работу в Москве искал три месяца. Устроился разнорабочим на стройку, обещали платить по 300 долл. в месяц. На стройке мне и еще 15 моим землякам дали ночлег. Мы проработали шесть месяцев, и за это время нам только два раза выдали зарплату, по 3 тыс. руб. каждому. Остальные деньги обещали заплатить потом. В итоге нам не заплатили и всех выгнали с работы. Жаловаться было некому и некуда, так как мы работали нелегально, по устной договоренности».

Предвзятое отношение принимающего сообщества из-за национальности – типичная ситуация для таджиков в Москве. Они ощущают это при оформлении каких-либо документов (82%); при попытках арендовать жилье (74%); со стороны москвичей на улице, в транспорте или магазине (72%); при обращении за медицинской помощью (62%); в отношениях с соседями (60%); в местах проведения досуга (60%); при приеме на работу (58%); в отношениях с коллегами по работе (48%). И только единицам никогда не приходилось сталкиваться с предвзятым к себе отношением из-за их национальной принадлежности (табл. 4).

Более четверти опрошенных таджиков столкнулись в Москве с актами агрессии и насилия со стороны милиции. Их оскорбляли, избивали, отбирали деньги (20%); 3 человека из 50 опрошенных получили ножевые ранения. Как отметили эксперты, «в Москве, к боль-

Таблица 4. «Часто ли Вам приходилось сталкиваться в Москве с предвзятым отношением к Вам из-за вашей национальной принадлежности?» (в % по строке)

Ситуации	Да, часто, иногда	Нет, никогда	Не знаю
При приеме на работу	58	30	12
При оказании Вам медицинской помощи	62	20	18
В отношениях с соседями	60	30	10
В отношениях с коллегами по работе	48	46	6
При попытках снять жилье	74	18	8
Со стороны москвичей на улице, в транспорте или магазине	72	26	2
При оформлении каких-либо документов	82	14	4
В местах проведения досуга	60	24	16

шому сожалению, таджикам приходится сталкиваться с актами агрессии и насилия со стороны молодежи, скинхедов».

Об этом можно прочитать и в СМИ²³. Из их сообщений следует, что убийство граждан Таджикистана стало в Москве достаточно обыденным делом. Глава таджикской диаспоры в России Кароматулло Шарипов заявил, что в 2006 году были убиты или умерли около 2 тыс. таджиков-гастарбайтеров²⁴.

Однако эти убийства связаны не только с этнической неприязнью москвичей к таджикам, но и с конкурентной борьбой за рабочие места между самими таджиками. Например, в августе 2007 года произошла массовая драка между таджиками, которые работали на строительстве «Москва-Сити». В результате этой драки один погиб, пятеро получили ранения²⁵.

Портрет москвича глазами таджиков

Несмотря на заявления о дружелюбии по отношению к москвичам, таджики зорко подмечают их негативные качества. И в целом у них сложился достаточно негативный портрет москвича. Так, более половины таджиков не согласны с тем, что москвичи хлебосольные и гостеприимные люди, почти 40% не согласны с тем, что они простые в общении, всегда помогут. Правда, столько же считают москвичей культурными, образованными людьми, каждый четвертый – хорошими семьянинами, а каждый пятый – хорошими коллегами, надежными партнерами. Основная часть таджиков занимает двойственную позицию: они согласны и не согласны с нижеприведенными высказываниями в адрес москвичей (табл. 5).

Москвичи, по мнению многих таджиков, очень ленивые, не любят работать (40%), агрессивные, часто пускают в ход кулаки (34%), очень много пьют, сквернословят, не умеют вести себя в обществе (32%). Таджиков, которые не согласны с этими высказываниями в адрес москвичей, очень мало, за исключением одного качества москвича – «каждый раз норовят тебя обмануть» (44%) (табл. 6). Приведенные оценки ясно показывают, с какой категорией москвичей сталкиваются таджики, и приходится удивляться, что несмотря на это они не утратили своего дружелюбия.

Таблица 5. Положительные качества москвичей в оценках таджиков (в % по строке)

Качества москвичей (позитивные)	Да, согласен	И да, и нет	Нет, не согласен	Не знаю
Культурные, образованные люди	38	46	16	–
Хлебосольные, гостеприимные	2	42	54	2
Простые в общении, всегда помогут	8	54	38	–
Любят и ценят свою семью, детей	26	46	14	14
Хорошие коллеги, надежные партнеры	22	50	8	20

Интеграционный потенциал таджиков

К ориентированным на интеграцию мы относим мигрантов, которые желают получить российское гражданство и намерены остаться в Москве навсегда. В соответствии с этим подходом тех мигрантов, которые собираются немного поработать здесь и уехать либо в Таджикистан, либо другую страну (ориентированные на временный заработок и временное пребывание), мы рассматриваем как не стремящихся к интеграции. Между этими двумя группами обнаружилось некоторые различия.

Так, уровень образования мигрантов, ориентированных на интеграцию, оказался ниже. Среди них выше доля лиц со средним и незаконченным средним образованием, чем среди ориентированных на временное пребывание (33% против 10%), ниже доля имеющих высшее и незаконченное высшее образование (55% против 79%).

Таблица 6. Негативные качества москвичей в оценках таджиков
(в % по строке)

Качества москвичей (негативные)	Оценки таджиков-мигрантов			
	Да, согласен	И да, и нет	Нет, не согласен	Не знаю
Невоспитанные, грубые	20	58	16	6
Очень много пьют, сквернословят, не умеют себя вести в обществе	32	48	10	1
Не знают своих корней, не соблюдают традиций и обычаев своего народа	20	46	14	20
Каждый раз норовят тебя обмануть	8	30	44	18
Агрессивные, часто пускают в ход кулаки	34	54	6	6
Очень ленивые, не любят работать	40	44	10	6
Никогда не будут считать таджиков своими	74	18	4	4

Молодые (20–29 лет) чаще ориентированы на временное пребывание, тогда как мигранты постарше (30–39 лет) – на интеграцию. Ориентация на интеграцию формируется на 3-м – 5-м году проживания в Москве.

С предвзятым отношением из-за национальной принадлежности чаще сталкивались ориентированные на интеграцию по сравнению с ориентированными на временное пребывание: при попытках снять жилье (47% против 34%), на улице, в транспорте (47% против 28%), но реже – при приеме на работу (20% против 35%), при оформлении документов (33% против 45%), в местах проведения досуга (7% против 24%).

Ориентированные на интеграцию реже сталкиваются с трудностями в поисках работы, соблюдении религиозных обрядов, но чаще – с криминалом, и им труднее привыкнуть к огромному городу.

Интересно, что обе группы мигрантов одинаково высоко оценивают распространенность отрицательных черт у москвичей. Правда, к их пьянству, сквернословию и агрессивности таджики, ориентированные на интеграцию, более терпимы. При этом, что странно, они же более сдержанны и в оценке положительных качеств москвичей.

Ориентированные на интеграцию в московское сообщество более склонны причислять себя к россиянам, чем приехавшие в Москву на короткий срок, что видно из приведенной ниже таблицы сравнительных ранговых позиций разных сообществ, с которыми чаще всего отождествляют себя таджики в Москве (табл. 7).

Первые три места в списке «самоидентификаций» занимает безотносительно к дальнейшим планам (остаться навсегда или поработать и уехать) принадлежность к своей национальности, родине и религии. У решивших остаться на жительство в Москве таджиков сразу же за этим идентификационным ядром следует принадлежность к россиянам и людям такого же достатка, а самоидентификация со среднеазиатами идет предпоследней в списке. «Иными словами, эти люди не приемлют отождествления себя с “лицами среднеазиатской национальности”, столь активно навязываемого им московским сообществом и представителями власти, но они пока и не отождествляют себя с москвичами»²⁶.

Исследователи обращают внимание, что ранговые порядки идентичностей таджиков-иммигрантов, ориентированных на интегра-

Таблица 7. Ответы на вопрос: «Мы – это, прежде всего...»
(*Ранговые порядки идентичностей таджиков-иммигрантов в Москве*)

<i>Ранг</i>	<i>Ориентированные на интеграцию</i>	<i>Ориентированные на временное пребывание</i>
1	Таджики	Таджики
2	Жители Таджикистана	Жители Таджикистана
3	Мусульмане	Мусульмане
4	Жители России	Среднеазиаты
5	Люди моего достатка	Люди моего достатка
6	Среднеазиаты	Жители России
7	Москвичи	Москвичи

цию в московское сообщество, отличаются от ранговых позиций азербайджанцев-иммигрантов, у которых вслед за идентификационным ядром сразу же следует принадлежность к россиянам и москвичам. Во многом это обусловлено тем, что мигранты из Азербайджана раньше начали переселяться и приезжать на заработки в Россию²⁷.

Временные трудовые мигранты, наоборот, охотно отождествляют себя «с лицами среднеазиатской национальности». Последними в их списке самоидентификаций идут «россияне» и «москвичи», с которыми они не стремятся ассоциироваться. Это характерно и для азербайджанцев, которые приехали в Москву на временное пребывание с целью заработка²⁸.

Мигранты, ориентированные на интеграцию, как и те, кто нацелен на временное пребывание, в подавляющем большинстве прежде всего отождествляют себя с людьми своей национальности (*табл. 8*). В то же время мигранты, ориентированные на интеграцию, гораздо чаще причисляют себя к россиянам и москвичам, чем их соотечественники, ориентированные на временное пребывание в Москве.

Таким образом, ранговые порядки идентичностей и самоотождествление таджиков-иммигрантов в Москве дают основание предположить, что таджики, ориентированные на интеграцию, хотят выстроиться внутри новой, но чуждой им социально-культурной среды обитания свою собственную, более привычную и психологически комфортную для них.

При всем этом иммигранты, ориентированные на постоянное жительство, имеют более высокий интеграционный потенциал. Эта группа проявляет большее стремление стать «коренными москвичами (россиянами)» хотя бы во втором поколении, даже осознавая определенную несовместимость этого с тем, что «в семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции своего народа, независимо от того, где ты живешь». Стремление стать «коренными москвичами» тесно связано с пониманием того, что «в Москве надо стремиться впитывать культурные и духовные ценности». Причем это суждение в сознании почти половины иммигрантов связано с представлением о том, что, безусловно, «Москва, русский город и жить здесь надо согласно русским обычаям и традициям». Гораздо реже они считают, что «в Москве спокойно и достойно можно жить только среди своих земляков, своей диаспоры» (*табл. 9*).

Иммигранты, ориентированные на временное пребывание, гораздо реже проявляют стремление стать коренными москвичами. Это напрямую связано с их суждением о том, что «в Москве можно хорошо заработать, а жить надо на родине». Они в меньшей мере стремятся «впитывать культурные и духовные ценности» Москвы. Эта группа таджиков проявляет более устойчивое стремление к своему сообществу и чаще осознает, что «в семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции своего народа, независимо от того, где ты живешь», а также считает, что «спокойно и достойно можно жить только среди своих земляков, своей диаспоры».

Таблица 8. Самоотождествление таджиков-иммигрантов Москвы, %
(*доля давших положительный ответ в каждой подгруппе*)

<i>Варианты идентичностей</i>	<i>Ориентированные на интеграцию</i>	<i>Ориентированные на временное пребывание</i>
Таджики	93,3	86,3
Жители Таджикистана	80,0	79,3
Мусульмане	60,0	76,0
Жители России	40,0	10,3
Среднеазиаты	26,7	27,6
Москвичи	13,3	3,4

Таблица 9. Проявления интеграционного потенциала таджиков, %
(доля положительных ответов в каждой подгруппе)

Проявления интеграционного потенциала	Ориентированные на интеграцию	Ориентированные на отъезд
Я бы хотел, чтобы мои дети и внуки стали коренными москвичами (россиянами)	20,0	3,4
Я бы посоветовал своим землякам переезжать на жительство в Москву (Россию)	13,3	13,8
В Москве можно хорошо заработать, а жить надо на родине	73,3	82,8
Москва – русский город, и жить здесь надо согласно русским обычаям и традициям, нам очень трудно	46,7	58,6
В Москве надо стремиться впитывать культурные и духовные ценности	66,7	44,8
В Москве спокойно и достойно можно жить только среди своих земляков, своей диаспоры	33,3	44,8
В семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции своего народа, независимо от того, где ты живешь	80,0	86,2

Заключение

Проведенный анализ показывает, что при наличии существенных трудностей этнические мигранты из Таджикистана в целом довольно легко адаптируются к условиям жизни в Москве.

Для одной части таджиков миграция связана с понижением социального статуса, для другой – с получением высшего образования, защитой диссертации, а для тех, кто был безработным на родине, она является единственной возможностью реализовать свой трудовой потенциал.

Большинство таджиков по московским меркам живет очень скромно и даже бедно, хотя основная часть оценила свое материальное положение как среднее. Такие самооценки можно объяснить тем, что на родине их материальное положение было за гранью бедности.

Для большинства таджиков главными трудностями проживания в столице являются произвол милиции, поиск подходящей

работы, а до недавнего времени – получение регистрации по месту жительства.

Условия работы таджиков в Москве нельзя признать удовлетворительными, что в значительной мере связано с ее незаконным характером в большинстве случаев. Ненормальные и жилищные условия.

В Москве определенная часть таджиков сталкивалась с фобиями и дискриминацией со стороны как местного населения, так и властей, а также с актами агрессии и насилия со стороны молодежи, скинхедов: их сильно избивали, были случаи ножевых ранений.

Несмотря на трудности, благодаря жизни и работе в Москве у большинства таджиков уровень благосостояния существенно повысился. Значительная часть мигрантов материально поддерживает своих родственников в Таджикистане; имеет возможность в столице хорошо питаться и одеваться; оплачивать обучение своих детей и внуков в колледжах и вузах.

Основной части таджиков безразлично, жить среди своих или среди москвичей. Это говорит о слабой внутригрупповой солидарности и готовности к интеграции. Таджики стремятся выстроить нормальные отношения с принимающим сообществом: большинство поддерживает контакты с москвичами, среди которых имеет хороших друзей и знакомых, хотя в целом у них сложился достаточно негативный портрет москвича. Они довольно активно участвуют в культурной жизни столицы. Достаточно спокойно относятся к смешанным бракам своих детей и близких родственников с русскими и мигрантами других национальностей. Все это говорит о хороших возможностях таджиков интегрироваться в московский социум.

Для более глубоких выводов и лучшей научной обоснованности миграционной политики в отношении этнических таджикских (и других) мигрантов, безусловно, необходимы более масштабные исследования.

Приложение: *Жизненные истории таджиков***Сафар, 34 года, в Москву приехал в 1997 году.**

На вокзале меня встретил земляк. Я устроился на работу в строительную компанию Krokos. Мне очень повезло с работой: я получал хорошую зарплату, платили регулярно. В этой компании я проработал несколько месяцев, и меня сократили.

После этого я устроился на другую стройку и решил, что буду копить деньги и открою свой бизнес. Мне удалось осуществить свою мечту. Я накопил денег, купил себе тележку и стал продавать сигареты на Черкизовском рынке. Однако быстро обанкротился, так как была большая конкуренция.

Мне удалось устроиться грузчиком к одному предпринимателю из Сирии, у которого на Черкизовском рынке было несколько торговых точек. В Москву ко мне приехали два моих брата и несколько других родственников. Я нашел им работу на рынке, так как у меня там уже было много знакомых.

До работы на Черкизовском рынке я мало помогал своим родителям, так как копил деньги на свой бизнес. После того, как ко мне приехали мои братья, мы начали активно помогать своим родителям и регулярно отправляли им деньги. Сейчас родители живут в достатке по таджикским меркам. Кроме того, мы поддерживаем своих сестер, которые живут отдельно со своими семьями.

В Москве мои младшие братья заработали деньги на свои свадьбы, женились и купили себе по квартире в Душанбе. Одному из братьев удалось открыть в Душанбе собственный бизнес. Он уже давно не приезжает на заработки в Москву.

Долгое время, работая у сирийца грузчиком, я завоевывал его доверие. Он назначил меня своим помощником и стал платить мне больше 1 тыс. руб. в день. Потом помог мне открыть свою торговую точку. Постепенно я расширил свое дело и сейчас имею две торговые точки на Черкизовском рынке. В одной работаю сам, а в другой – мой брат.

Кроме того, за это время я получил вид на жительство, скоро получу российское гражданство. В 2004 году я женился в Москве на своей землячке, у нас здесь родился сын. Когда жена лежала в роддоме, мы не почувствовали никакой дискриминации со стороны медицинского персонала. Наоборот, врачи относились к моей жене с почтением и уважением, за что мы им очень благодарны. Сейчас жена не работает, ухаживает за ребенком. В Москве мы снимаем комнату, но надеемся, что сможем накопить деньги и купить здесь свою квартиру.

Живя в Москве, я сталкивался с разного рода трудностями: оставался без жилья, спал несколько дней с бомжами на улице, меня не раз сильно избивали хулиганы, полтора месяца просидел в спецприемнике. Но самая главная проблема для меня состояла в том, что в течение первых пяти лет я не мог навещать своих родителей.

Только в 2002 году, после того как мой бизнес в Москве встал на прочную основу, я на месяц смог поехать на родину. Сейчас каждый год на один месяц обязательно езжу в Таджикистан навестить своих родных. Теперь я не только сам езжу на родину, но и могу позволить себе пригласить своих родителей в Москву. В 2004 году моему отцу исполнилось 70 лет, и я пригласил его в Москву. Он отдыхал у меня пять месяцев. В 2006 году, когда у меня родился сын, ко мне приехала моя мать. Она гостила у нас шесть месяцев и помогала по хозяйству моей жене, ухаживала за внуком.

В Москве мне нравится, я здесь живу десять лет. Было трудно, приходилось много работать. Я и сейчас работаю очень много: утром встаю в 6.00 и ложусь спать в 24.00, а то и позже, работаю почти без выходных. Только благодаря тяжелому труду и жесткому графику я смог достичь таких успехов.

Юсуф, 1985 года рождения, приехал в Москву в 2003 году.

Дома я окончил школу с отличием, а потом поступил в университет. Первый курс окончил с отличием, но был вынужден бросить учебу и уехать на заработки в Москву, чтобы помочь своим родителям расплатиться с кредитом, который они взяли (3 тыс. долл.), чтобы открыть свой бизнес. Бизнес не пошел, и родители разорились. Часть кредита они погасили (2 тыс. долл.), а остальной долг послужил основной причиной моей миграции, так как родителям было очень сложно содержать нас всех и выплачивать долг. Мои младшие три брата и сестра учились в школе. Я как старший сын в семье должен был помогать своим родителям.

В Таджикистане во многих семьях по одному, по два, а то и по три-четыре человека находились на заработках в России, и эти семьи жили намного лучше, чем наша семья.

На заработки я поехал в Москву, так как здесь у меня жил и работал мой двоюродный брат, который меня встретил и привел в съемную квартиру, где кроме него жили еще несколько наших земляков.

Работу я искал три месяца. Устроился на стройку, разнорабочим (300 долл. в месяц), где мне и еще пятнадцати моим землякам дали ночлег. На стройке мы проработали шесть месяцев. За это время нам только два раза выдали зарплату по 3 тыс. руб., а остальную часть

обещали заплатить потом. В итоге нас всех просто «кинули». Жаловаться было некому и некуда, так как мы работали нелегально по устной договоренности. В то время официально устроиться на работу было просто невозможно.

После неудачного опыта мой двоюродный брат устроил меня к себе на рынок грузчиком, где я получал по 400 руб. ежедневно. Работая на рынке, я смог ежемесячно отправлять своей семье по 100 долл.

В Москве я столкнулся и с другой проблемой. Мы со своими земляками снимали квартиру, в которой не были зарегистрированы. Об этом узнала милиция, и нам стали угрожать, что нас всех депортируют в Таджикистан. Нам пришлось за нелегальное проживание платить милиции деньги. Приходили часто, ставки постоянно росли. В последний раз, когда они пришли за деньгами, мы не смогли заплатить, и нам пришлось съехать с этой квартиры.

Я был вынужден искать себе работу, на которой мог бы и проживать. Такую работу мне помог найти мой родственник в г. Пушкино (Московской обл.). Я работал штукатурщиком на ремонте коттеджа, там же и жил. Со мной работал один мой земляк и один узбек. У нас был посредник из Армении, который нам после завершения работ выплатил только половину обещанной суммы. Из этого я извлек один урок, что не надо работать с посредниками.

Потом мой родственник позвал меня к себе, чтобы я ему помогал. В этом дачном городке в основном работали узбеки. Отношения у меня с ними не сложились. Они ко мне придирались по всякому пустяку. Однажды я не выдержал и подрался с одним из них, и они заставили меня уйти с этой работы.

Я вернулся в Москву и нашел себе работу на складе, грузчиком. Здесь я работал два дня в дневной смене (с 8.00 до 20.00), а два в ночной (с 20.00 до 8.00). Между сменами у меня был один выходной день. Мне платили 9 тыс. руб. в месяц, по московским меркам это немного, если учитывать, что ежемесячно мои расходы составляли: квартплата – 3 тыс. руб., транспортные расходы – 1 тыс. руб., питание – 1,5 тыс. руб. и другие мелкие расходы. В итоге я еле-еле сводил концы с концами.

Мой родственник позвал меня работать в г. Зарайск (Московской обл.) на строительство спортивного комплекса. Жизнь в Зарайске была намного дешевле, чем в Москве. Кроме того, еще и платили очень хорошо (600–700 долл. в месяц). Я стал помогать своим родителям и ежемесячно отправлял домой 300 долл. После завершения строительства спортивного комплекса я вернулся в Москву.

В Москве мой дядя пригласил меня поработать на стройке вместе с ним плотником. Я получал по 1 тыс. долл. в месяц. Руководство на-

шей фирмы, благодаря новому миграционному законодательству, официально оформило нас на работу. Теперь я живу и работаю в Москве легально.

На родине родители уже не требуют от меня денег, так как они рассчитались с долгами и смогли организовать собственный бизнес. Теперь они хотят, чтобы я вернулся домой и закончил свою учебу. Я еще поработаю на стройке, накоплю денег и поеду домой, так как очень мечтаю получить высшее образование.

Имена таджиков вымышленные, так как они просили не называть их настоящих имен и фамилий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Умаров Х., Ульмасов Р. Внешняя трудовая миграция в Таджикистане (причины, проблемы, последствия, регулирование). Душанбе: Ирфон, 2006. С. 43.
- 2 Олимова С., Боск И. Трудовая миграция из Таджикистана // Международная организация по миграции в сотрудничестве с научно-исследовательским центром «Шарк». МОМ. 2003. Июль. С. 23.
- 3 Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции за 2005–2006 годы. Сборник / Федеральная миграционная служба России. Управление внешней трудовой миграции. Москва, 2006. С. 7, 40.
- 4 Для определения интеграционного потенциала использована методика, разработанная В.И. Мукомелем и И.М. Кузнецовым.
- 5 Валовой национальный продукт по паритету покупательной способности. World Population Data Sheet / Population Reference Bureau (PRB) / Population and Socіety's № 436, juillet-août 2007, INED.
- 6 Умаров Х., Ульмасов Р. Указ. соч. С. 43.
- 7 Олимова С., Боск И. Указ. соч. С. 24.
- 8 Ерошок З. Таджики в Москве. Он работает дворником, строителем, сторожем... Ч. 1 / ЦентрАзия [http://www.centrasia.ru/news.php]. 2007. 7 мая.
- 9 Олимова С., Боск И. Указ. соч. С. 24.
- 10 Там же. С. 34.
- 11 Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии // Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр). 2005. Ноябрь–декабрь. № 6 (80). С. 83.
- 12 Ерошок З. Таджики в Москве // Новая газета. 2007. 14 мая. № 35 [http://www.novayagazeta.ru/data/2007/35/24.html].
- 13 Олимова С., Боск И. Указ. соч. С. 36.
- 14 Там же. С. 37, 40.
- 15 Ерошок З. Таджики в Москве.

- 16 Олимова С., Боск И. Указ. соч. С. 68–69.
- 17 Остапенко Л.В., Субботина И.А., Юраков А.В. Москва многонациональная: парадоксы столичной жизни. Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. Москва, 2006. С. 236–237.
- 18 Вендина О. Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск третий. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? Москва: Центр миграционных исследований, 2005. С. 62.
- 19 Мукомель В.И. Иноэтничные мигранты в российском социуме: социальные практики в контексте проблем интеграции // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 9. Москва, 2006. С. 24.
- 20 Олимова С., Боск И. Указ. соч. С. 38.
- 21 Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане. Аналитический обзор // Европейская комиссия. Международная организация по миграции. Алматы, 2005. С. 45.
- 22 Олимова С., Боск И. Указ. соч. С. 40.
- 23 См., напр.: [www.lenta.ru/news/2007/05/06/moscow/].
- 24 Идиатулин Ш. Демисезонные погромы // Коммерсантъ Власть. 2007. 2 апреля.
- 25 [www.newsru.com]. 2007. 21 августа.
- 26 Кузнецов И.М. Интеграционный потенциал мигрантов // Нужны ли мигранты российскому сообществу? Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 83.
- 27 Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. Москва: Институт социологии РАН, 2005. С. 20.
- 28 Кузнецов И.М. Указ. соч. С. 83.

Т.Д. Иванова

Афганцы в Москве: интеграционный потенциал

Коротко об истории вопроса

Афганцы в России – одна из наиболее многочисленных и проблемных групп вынужденных мигрантов не из стран СНГ и Балтии. Приток афганцев в Россию начался практически сразу после вывода советских войск из Афганистана (февраль 1989 года). Массовый характер, по данным наших опросов, он приобрел после падения просоветского режима Наджибуллы (апрель 1992 года) и продолжался еще в 1994 году.

Первая и вторая волна афганской иммиграции – это в основном люди, близкие к свергнутому режиму, над которыми нависла смертельная опасность с приходом к власти талибов. Из интервью: «Мы свою страну потеряли и вынуждены были ее покинуть, потому что мы вместе воевали и нас считали русскими». Они приезжали в Россию, надеясь получить здесь защиту и убежище.

Масштабы

Официального учета прибывающих в Россию афганцев не велось. Поэтому масштабы их присутствия можно оценить лишь приблизительно. По оценкам экспертов и лидеров афганских общин, это более 100 тыс. человек, из них в Москве – не менее 50 тыс. По данным МВД России, 80–100 тыс. человек. На встрече Президента России с правозащитниками в декабре 2002 года говорилось о присутствии в России 150 тыс. «наших» афганцев¹. Данные последнего экспертного опроса (2007 год) показали, что их численность на территории Российской Федерации снизилась до 50 тыс., из которых 15–20 тыс. проживают в Москве.

Эксперты отмечают, что *«в последнее время афганцы в Россию практически не приезжают, а если и приезжают, то их очень мало. Это в основном экономические беженцы, так как социально-экономическая ситуация в Афганистане очень сложная и она, к сожалению, не улучшается. В целом же большой волны афганской иммиграции в Россию нет»*. Эту тенденцию отметили и сами афганцы: *«Если сейчас афганцы и едут в Россию, то их очень мало, так как они знают, что здесь сложно, и практически невозможно получить правовой статус. И большинство из тех, кто решил покинуть свою страну, любыми способами стремятся перебраться на Запад»*.

Кто же они – афганцы?

Наши исследования, проведенные в разные годы, показали, что афганцы, бежавшие в Россию, – это элита, интеллектуальный слой афганского общества, многие окончили гражданские и военные вузы в СССР. Среди них немало врачей, учителей, юристов, экономистов, преподавателей вузов, бывших офицеров, инженерно-технических работников, деятелей науки и культуры (по разным опросам, от 45 до 70%).

Значительную часть афганской диаспоры составляют дети (от трети до половины). Многие из них родились уже в России, получили здесь образование. Среди взрослых основную часть составляют лица активных трудоспособных возрастов. Лиц предпенсионного и пенсионного возраста очень мало². По разным опросам, от трети до половины афганцев имеют высшее и незаконченное высшее образование³.

Большинство афганцев, проживающих в России, достаточно хорошо владеют русским языком, особенно среднее и молодое поколение. Хорошо знают и свободно владеют русским языком дети, которые учатся или уже окончили наши школы, колледжи и вузы. Многие, кто не знал русского языка, за время проживания в России успели его выучить.

Демографический и трудовой потенциал присутствующих на территории России афганцев весьма высок. Поэтому нет никаких резонов игнорировать его, тем более что он уже адаптирован к условиям страны. Ведь вскоре «труд станет одним из самых дефицитных, если не самым дефицитным ресурсом»⁴.

Законодательство и правоприменительные практики

Россия, безусловно, несет политическую ответственность за судьбу афганских беженцев. Она не только косвенно признала это, в свое время беспрепятственно впуслав их на свою территорию, но и официально подтвердила свою приверженность международным принципам по защите лиц, ищущих убежище.

Как известно, в 1992 году Россия присоединилась к Конвенции ООН 1951 года о статусе беженцев и Протоколу к ней 1967 года в полном объеме. В 1993 году был принят Закон РФ «О беженцах», который впоследствии был переработан и в 1997 году принят в новой редакции. Рамки этого закона расширили возможности афганцев урегулировать свое правовое положение в России, так как в нем была прописана новая норма – «временное убежище».

Несмотря на это и на многолетний стаж проживания в России, правовое положение подавляющего большинства афганских беженцев до сих пор не урегулировано. Не легализованы также их дети, родившиеся в России. Как отметила Ж. Зайончковская, «урегулирование правового статуса афганских беженцев – не одна из, а самая застарелая миграционная проблема России, которая тянется с 1989 года, момента вывода из Афганистана Советской Армии»⁵.

С 1997 года по состоянию на 1 мая 2007 года за получением статуса беженца обращались около 11 тыс. афганцев. Учитывались только те, кому удалось получить доступ к процедуре определения статуса беженца.

По данным ФМС России, с 1997 года на 1 мая 2007 года статус беженца получили всего 862 человека. При этом количество получивших статус беженца из года в год уменьшается: 195 человек в 1999 году (это был пик) и только 30 человек в 2006 году⁶. Для сравнения, на Украине статус беженца получили 2357 афганцев⁷.

Кроме того, в России ежегодно снижается общая численность афганских беженцев. Так, если в 1999 году состояли на учете 709 человек (это был пик), то на середину 2007 года – всего 236 человек⁸. Численность беженцев уменьшается в первую очередь за счет утраты статуса. В соответствии с п. 9 ст. 7 Федерального закона о беженцах статус предоставляется на три года, и по истечении этого срока его действие чаще всего не продлевается. При этом указанная нор-

ма закона дает возможность такого продления, если сохраняются условия, которые послужили причиной предоставления статуса. Однако афганцы, как правило, не знают об этом и покорно принимают решения миграционных органов.

Другая возможность состоит в получении права на временное убежище. Ст. 12 Закона о беженцах предлагает устойчивую правовую основу для этой практики. Институт временного убежища, на который афганцы возлагали большие надежды, в нашей стране не нашел должного использования. Так, с просьбой о предоставлении временного убежища с 2001 года на 1 мая 2007 года обратились 4738 человек, его получили 2244 человека, остались на учете всего 989 человек⁹.

Основное несоответствие практики действующему законодательству заключается в необоснованных устных отказах в процедуре определения статуса беженца. Другим нарушением является выдача «пререгистрационных номеров», которая довольно широко распространена в московском регионе. Это всего лишь номер очереди на интервью, от которого зависит, поставят мигрантов на процедуру или нет. Как показал опрос, в Москве афганцам приходится ждать по 2–3 года, и они в течение всего этого времени находятся вне правового поля под угрозой депортации или административных штрафов за незаконное пребывание. Процедуры, предусмотренные законодательством, не содержат положений о выдаче «пререгистрационного номера» либо организации каких бы то ни было очередей ожидания.

Представлялось, что Федеральный закон о правовом положении иностранных граждан в РФ 2002 года, действующий в редакции 2006 года, позволит урегулировать правовой статус тех афганцев, которым отказано в праве на убежище. Однако процедуры, предусмотренные этим законом, оказались неприемлемы для большей части вынужденных мигрантов. Согласно нормам действующего иммиграционного законодательства, чтобы легализоваться в России, сначала надо выехать на родину, получить российскую визу, вернуться обратно, заполнив при возвращении миграционную карту, а затем уже хлопотать о выдаче разрешения на временное пребывание. В случае положительного решения через год можно ходатайствовать о предоставлении вида на жительство (ст. 8 указанного закона).

Многие афганцы уже прожили в России более 10 лет. Требования поездки домой для подавляющей части из них невыполнимо из-за опасности возвращения в свою страну. Таким образом, законодательно обозначенные способы легализации совершенно не соответствуют реальной ситуации, в которой оказались эти люди. Напомним, что большинство из них представлено беженцами по политическим причинам.

В результате в 2005 году имели разрешение на временное проживание всего 307 и вид на жительство – 484 гражданина Афганистана¹⁰.

Российское гражданство на начало 2006 года смогли получить 3349 граждан Афганистана, которые имели статус беженца или находились в браке с россиянами.

В целом упорядочили свое правовое положение около 7 тыс. человек, составляющие 5% от максимальной и 14% от минимальной оценки общего количества афганцев. Остальные живут примерно так: *«Милиция постоянно задерживает, приходится откупаться штрафами. На оплату штрафов уходит больше денег, чем остается на жизнь. Везде плачу – содержу не только свою семью, но и милицию, а у меня жена и четверо детей, младшие сын и дочь родились в России».*

Усилия общественности по решению правовой проблемы афганцев

Неурегулированное положение большинства афганцев находится в вопиющем противоречии с задачей осуществления активной иммиграционной политики, которую в своем выступлении на Совете безопасности в марте 2005 года ясно поставил президент В.В. Путин. Он был проинформирован о проблеме легализации афганцев задолго до заявления С.А. Ганнушкиной, руководителя сети «Миграция и право» правозащитного центра «Мемориал», на встречах с правозащитниками в декабре 2002 года и декабре 2003 года. Президент дал поручение Межведомственной рабочей группе по совершенствованию миграционного законодательства (МРГ) решить проблемы афганских мигрантов¹¹.

Рассмотрев вопрос, МРГ пришла к выводу, что вследствие свержения американцами власти талибов угрозы жизни афганских беженцев более нет, как нет и опасений, что они могут подвергнуться

ся преследованиям со стороны нынешних афганских властей за свою прошлую деятельность. Поэтому большая часть из них может вернуться на родину. Следовательно, у большинства афганцев, проживающих в России, оснований для получения убежища нет.

Однако с выводами МРГ многие не согласны. Прежде всего сами афганцы: «*Это миф, что американцам удалось стабилизировать военную, политическую и экономическую ситуацию в Афганистане*». Об этом же говорила в своем интервью афганская девушка: «*Мои двоюродные братья, которые живут в Кабуле, мне писали: это только одни разговоры, что в Афганистане все спокойно, у нас идет война и постоянные конфликты между разными группировками. Американцы не принесли мира. Люди все больше и больше отдаляются друг от друга, экономика в полном упадке, нет работы, плохая экология и постоянно присутствует угроза твоей жизни, потому что убить могут в любую минуту*».

После заявления МРГ над афганцами нависла угроза депортации. Территориальные миграционные службы, основываясь на выводах МРГ, практически прекратили как предоставление убежища, так и продление статуса. Большинство афганцев утратили право на убежище, не могут они, как было сказано выше, и оформить вид на жительство. Таким образом, путь к легализации для них, по сути, закрылся.

Некоторые способы решения афганской проблемы предлагает экспертное сообщество¹².

Предложения экспертов по решению правовых проблем афганских мигрантов, %

<i>Предложения экспертов</i>	<i>Всего</i>	<i>Москва</i>	<i>Санкт-Петербург</i>
Дать право временного убежища	30	23	50
Дать вид на жительство	47	32	87
Дать гражданство	23	14	50
Признать беженцами	53	55	50
Депортировать	–	–	–
Другое	3	5	–

Примечание: Общая сумма превышает 100%, так как каждый эксперт имел право указать несколько вариантов ответа.

Позицию МРГ подверг критике также Уполномоченный по правам человека В.П. Лукин в своем выступлении на конференции «Проблемы вынужденной миграции в Российской Федерации» (Москва, 19–20 апреля 2005 года). Проблема возвращения афганцев на родину специально обсуждалась на «круглом столе», организованном комитетом «Гражданское содействие» и Управлением Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ) ООН, где убедительно было показано, что для большей части «наших» афганцев опасность на родине сохраняется и их возвращение в Афганистан пока невозможно.

По мнению УВКБ, лишь незначительное количество афганцев может воспользоваться этим шансом. Это в основном те афганцы, которые уехали после 1996 года, но не потому, что подвергались персональному преследованию, а из-за общей опасной ситуации. Из них около 170 человек уже вернулись на родину. Афганцы, которые прибыли Россию в 1992–1996 годах, находятся совершенно в другом положении, и их возвращение на родину небезопасно для них.

Позицию афганцев озвучил на заседании «круглого стола» Яфтали Махмуд, президент Союза поддержки выходцев из Афганистана: «*Мы просим Президента России и правительство не спешить с решением, которое принесет верную смерть многим людям. Просим дать нам возможность остаться в России*».

Результаты наших опросов показывают, что афганцы устали жить в России в статусе незаконных мигрантов. Значительная часть из них сами готовы оплатить расходы по предоставлению любого статуса и не претендуют на материальную помощь государства (по разным опросам, от трети до половины афганцев). Из интервью с Мухаммедом: «*Живу в России 15 лет, окончил МГУ, в статусе отказали, готов заплатить за легализацию. Лицензию на бизнес и квартиру уже купил*» (правда, он побоялся рассказать, кто и как помог ему купить квартиру и лицензию).

О готовности взять на себя необходимые расходы не раз заявляли и лидеры афганских общественных организаций. В апреле 1999 года Афганский деловой центр направил в Государственную думу, московскую мэрию и Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики обращение, в котором говорилось, что «*50 тысяч афганцев, живущих в Москве, готовы платить*

10 млн долл. в год (по 200 долл. каждый) за получение вида на жительство сроком на один год с возможным его продлением на аналогичных условиях»¹³. Однако эта инициатива не была поддержана властями.

Другой частью проблемы становится вопрос: в интересах ли России в условиях демографического кризиса избавляться от людей, уже достаточно адаптированных к нашему обществу? Очевидно, что это подрывает доверие к нашей стране и заставляет сомневаться, что при таком подходе к уже имеющемуся трудовому потенциалу мы сможем привлечь в Россию необходимое количество рабочей силы. У России пока еще есть шанс принять политическое решение по легализации афганцев, наших бывших союзников.

Исходя из того, что такое решение будет принято и большинство афганцев останется в России, очень важна оценка их интеграционного потенциала. Для этого было проведено целевое исследование, в котором использовались качественные методы анализа¹⁴.

Интеграционный потенциал

Оценка интеграционного потенциала афганцев в местный социум проводилась на примере двух дифференцированных по возрасту фокус-групп с привлечением материалов экспертных углубленных интервью с государственными чиновниками, представителями общественных организаций, учеными (4 эксперта) и неструктурированных интервью с афганцами («жизненные истории» – 2).

Участниками первой фокус-группы были 8 мужчин в возрасте от 45 лет, которые приехали в Россию после вывода советских войск из Афганистана и падения режима Наджибуллы.

Вторая фокус-группа состояла из 8 молодых афганцев в возрасте до 23 лет, родившихся или выросших в Москве.

Молодежная группа в основном была представлена девушками, что не характерно для старшей группы, где участие женщин полностью исключено.

Участники обеих групп проживали в Москве примерно одинаковое количество лет с той разницей, что для молодежной группы это был период базовой, ранней социализации, а для старшей группы –

период адаптации к новым условиям в результате вынужденной миграции.

Это прежде всего отражается в знании русского языка: афганцы старшего возраста говорят на нем без особых затруднений, но относительно неправильно и с заметным акцентом, несмотря на то, что многие из них учились в советских гражданских и военных учебных заведениях. Для афганской молодежи, судя по грамотности и чистоте речи, русский язык является родным.

Для того чтобы определить интеграционный потенциал афганцев в российский социум и обозначить точки торможения этого процесса как для менее, так и для более адаптированных выходцев из Афганистана, экспертам и участникам фокус-групп для обсуждения предлагались следующие сюжеты:

1. Какая самая большая трудность, с которой сталкиваются афганцы в Москве?
2. Как к ним относятся простые москвичи и власти?
3. Можно ли в Москве соблюдать свои обычаи и традиции?
4. Как бы они предпочли жить, если бы имели возможность выбирать: среди своих земляков или среди коренных жителей?
5. Как они относятся к межнациональным бракам?
6. Хотели бы они остаться в Москве, может ли она стать для них родным домом, есть ли у них будущее в России?

Социальный статус, социальная защищенность

Представители старшего поколения афганцев в качестве одной из трудностей своей жизни в Москве отмечают резкие изменения в их статусе и отношении к ним властей после развала Советского Союза: *«Если ранее власти нам уделяли определенное внимание, то в последнее десятилетие мы оказались предоставлены сами себе, без определенного статуса, нормального жилья и средств социальной поддержки»*. В их высказываниях заметна обида на Россию (СССР), которой они служили и которая их бросила на произвол судьбы: *«Мы свою страну потеряли именно благодаря дружбе с Советским Союзом. Подход к афганцам должен быть совсем другой. Мы не азербайджанцы или армяне, которые в любую минуту могут*

вернуться домой. Мы вынуждены были покинуть страну, потому что нас считали русскими... Вы каждый день теряете своих друзей. Сами бросаете нас в объятия Запада, а потом говорите, что Запад делает... Вы теряете свои стратегические позиции в Афганистане, одним словом».

Практически все афганцы занимаются трудовой деятельностью, большинство из них работает в Москве на незаконных условиях, с понижением того социального статуса, который был у них на родине.

Основной сферой занятости для многих афганцев старшего поколения, их детей и жен (по утверждению представителей старшего поколения) является торговля на рынке: *«80% афганцев работают на рынке. В связи с новыми правилами торговли на рынках, как дальше жить тем афганцам, которые не имеют документов? Это надо исправить, необходимо выдать им документы, чтобы они спокойно ходили на работу, чтобы их не задерживали и не штрафовали».*

Работают афганцы продавцами, грузчиками на рынках, как правило, у афганцев, имеющих легальный бизнес. Есть случаи, когда афганцы использовали русских как подставных лиц для оформления своего бизнеса.

Трудоустройство по специальности является практически недостижимой целью даже для той части афганской молодежи, которая получила профессиональную подготовку уже в России. Готовят таких специалистов по линии образовательных программ Регионального представительства УВКБ ООН для детей беженцев и ищущих убежище лиц. Уже несколько лет действует немецкая программа «Даффи». Эти программы финансируют обучение детей в средних специальных и высших учебных заведениях России. Однако подготовленных в рамках этих программ специалистов на работу не берут из-за отсутствия у них правового статуса.

Многие афганцы самостоятельно решают свои материальные проблемы без помощи государства и международных организаций. Однако большинство афганских семей материально живут трудно.

Афганцы сами или с помощью своих знакомых находят себе жилье, хотя в условиях отсутствия правового статуса сделать это становится все труднее. Кроме того, аренда для них очень дорогая и в ней

часто отказывают. Типичное жилье афганской семьи – это комната в коммунальной квартире или общежитии. Снимают и отдельные квартиры, иногда несколько семей в складчину. Бывают случаи, когда в одной квартире проживает до 18 человек.

Другие трудности проживания в Москве представителей старшего поколения состоят в том, что в силу своего возраста многие из них уже не в состоянии работать на рынке, а социальная пенсия, которую удается оформить немногим, не превышает размера минимальной оплаты труда. *«У нас большие семьи, и на такие деньги не проживешь».*

Надо отметить, что ряд трудностей, которые афганцы старшего поколения считают специфическими для них, являются проблемами, с которыми сталкивается большинство жителей России. Это необходимость неформальной платы за медицинские услуги, за образование детей, за устройство на конкурентные рабочие места, особенно в высокооплачиваемых сферах, невозможность улучшить свои жилищные условия.

Кроме того, у представителей старшего поколения прослеживается определенная потребность в том, чтобы власти рассматривали их не просто как граждан России, но как группу, нуждающуюся в особом социальном пакете: *«Лично я получил статус беженца в Москве и потом гражданство. В связи с этим я получил страховой полис и паспорт. Больше никакой социальной поддержки от государства нет: жилье, пенсия и льготы для учебы детей в школе и вузе я не получаю. А мы же являемся политическими беженцами. В других странах на политических беженцев есть отдельные пособия. В Законе РФ нет таких вещей, хотя он очень цивилизованный, на все вопросы можно найти ответ. Но нам очень трудно убедить тех, кто над этим работает, чтобы они обратили внимание и дали нам какое-то удовлетворение. Это самое главное для тех, кто болеет и уходит на пенсию».*

По данным экспертного опроса, *«основная и главная трудность – отсутствие правового статуса у большинства афганцев. Это провоцирует массу других проблем: трудоустройство по специальности – практически недостижимая цель; очень сложно прокормить семью; трудно найти жилье, аренда очень дорогая, и в ней часто отказывают; постоянные поборы милиции; медицинское обслуживание; трудоустройство детей, получивших специальное среднее и высшее образование уже в России».*

Для представителей афганской молодежи, большинство из которых учатся в школах (старшеклассники), колледжах и вузах, указанные выше проблемы пока не знакомы. Общими со старшим поколением являются трудности, связанные с отсутствием гражданского статуса, которое многие из них унаследовали от своих родителей. В качестве временной трудности молодежь указывает на стереотипное отношение к ним их ровесников-москвичей при знакомстве: *«Первое время было очень сложно. Приходилось объяснять, откуда ты, зачем сюда приехал? Со временем к тебе привыкают и относятся хорошо»*. Очень редко указывается на пристрастное отношение к ним со стороны преподавательского состава. Типичное высказывание: *«Отношение преподавателей было хорошее, и многие из них нам помогали, проводили дополнительные занятия, чтобы подтянуть нас. Если у кого-то и были какие-то проблемы с преподавателями, то только в начале обучения»*.

Представления афганцев о дискриминации и отношении к ним принимающего сообщества

Практически все претензии представителей старшего поколения афганцев связаны с явной или скрытой дискриминацией по отношению к ним со стороны властей разного уровня как при оформлении документов, так и при приеме на работу, независимо от гражданского статуса.

«Вот, например, если завтра закроют то место, где я работаю, мне придется искать работу не как гражданину России, а как гражданину Афганистана. Чтобы приняли по лицу, мне надо иметь крупные деньги в кармане или влиятельных русских друзей».

Кроме того, афганцы старшего поколения склонны рассматривать обычные случаи вымогательства при оказании медицинских услуг, при устройстве детей в школу или при взаимодействии с контролирующими органами как дискриминацию по национальному признаку: *«Наличие страхового полиса недостаточно. Когда обращаемся за медицинской помощью, то практически всегда платим сами, а некоторые болезни нам приходится лечить полностью за свои*

деньги. Не хватает ни пенсии, ни дохода... Только, как уже сказали, нас по лицу принимают».

По мнению большинства экспертов, *«московские власти проблеме знают, присутствие афганцев в столице их раздражает, они стараются их не замечать, а правоохранительные органы стригут с них купоны»*. А вот отдельное мнение эксперта – представителя ФМС: *«Решение афганской проблемы московские власти возлагают на федеральные органы. К афганцам относятся доброжелательно, либерально, и то, что большинство афганцев долгое время живут в столице без правового статуса, является ярким подтверждением этому. Московские власти считают их своими»*. Довольно странную позицию занимают московские власти: *«считают их своими»*, но при этом ничего не делают для «своих». По всей вероятности, московским властям в лице правоохранительных органов гораздо выгоднее получать с афганцев деньги за незаконное проживание в столице, чем тратить бюджетные деньги на их легализацию.

Эксперты также отметили, что *«в последнее время для афганцев актуальной стала проблема дискриминации и безопасности. В Москве достаточно много случаев, когда афганцы сталкиваются с актами агрессии, насилия со стороны криминальных структур, недобросовестных сотрудников правоохранительных органов. Они перед ними беззащитны и вынуждены от них откупаться, так как из-за отсутствия правового статуса они особенно уязвимы. Особенно афганцам достается от милиции»*.

Как уже было сказано выше, афганская молодежь частично еще не сталкивалась с подобного рода проблемами, а частично, будучи социализирована в российском контексте, воспринимает многие трудности бюрократического характера как данность для всех, а не как дискриминацию именно афганцев.

Представители старшего поколения и афганская молодежь отмечали вполне нормальное отношение к ним москвичей, у многих афганцев есть среди них хорошие друзья. Это подтвердили и эксперты: *«Большая часть москвичей относится к афганцам доброжелательно, так как считает, что они воевали вместе с нами. Правда, есть москвичи, которые к ним относятся безразлично и даже негативно, но они в меньшинстве»*.

Культурные традиции

Афганцы старшего поколения при обсуждении этого сюжета не акцентировали внимание на возможности или невозможности поддержания своих традиционных культурных стандартов и практик. Сохранение своего культурного наследия, обычаев и традиций для них свято. Но они указывали, что их дети как в России, так и в западных странах, быстро переходят на язык окружающей среды даже в общении между собой: *«Когда мы приехали, наши дети говорили между собой на родном языке. По прошествии определенного времени стали между собой общаться по-русски, и даже матом ругаются... Сейчас, сколько бы я их ни ругал, все равно разговаривают между собой только по-русски... И пушту, и персидский язык знают, но разговаривают плохо. В Германии у моего родного брата дети разговаривают только на немецком языке. Среда их воспитывает».*

Напротив, в молодежной фокус-группе тема необходимости поддержания своих культурных традиций вызвала большее оживление и упоминалась по разным поводам: *«Мы другие, у нас своя культура, религия, обычаи, от которых мы не хотим отказываться. Однако мы не хотим изолироваться от русской культуры, традиций, а иначе мы в России будем всегда чужими».* Или: *«Да, мы другие, но мы живем в Москве, и поэтому нам надо учиться жить и соблюдать обычаи этой страны, не забывая свои».* Это молодежь демонстрирует на концертах, посвященных национальному празднику Навруз, исполняя не только свои национальные песни и танцы, но и русские народные танцы и эстрадные песни из репертуара наших известных певцов.

Более того, молодые люди указали на ряд особенностей жизни в российском культурном контексте, которые они считают позитивными, хотя и противоречащими афганской традиции. В частности, в обсуждении подчеркивалась возможность свободного взаимодействия мальчиков и девочек с самого раннего возраста, что, особенно по мнению девушек, способствует осознанию гендерного равенства и взаимного уважения полов: *«Мне нравится в вашей культуре свободное общение между мальчиками и девочками, они вместе учатся, ходят в кино, театры, кафе. У нас на родине такое общение возможно только в семье между братьями и сестрами, а вот с соседскими мальчиками исключено. В Афганистане мальчики и девочки*

учатся отдельно. Из вашей культуры мы взяли свободное общение не только с русскими, но и со своими ребятами. Мы сейчас здесь все вместе и свободно высказываем свое мнение. В моей стране такая беседа была бы просто невозможна». Многие из участвовавших в фокус-дискуссии девушек считают абсолютно неприемлемой для себя традицию закрывать лицо.

В то же время молодые афганцы указали на ряд культурных особенностей московской молодежи, которые для них неприемлемы: употребление спиртного и наркотиков, неуважение к старшим, свобода добрых сексуальных отношений. Кроме того, им не нравится в нашей культуре плохое отношение родителей к своим детям: *«Родители издеваются над своими детьми, бросают их, очень много беспризорных детей. У нас невозможно, чтобы родители бросили своих детей. Они могут взять чужих детей, если с их родителями что-то случилось».* Отмечалось и то, что *«у молодежи нет самостоятельности, они рассчитывают только на родителей: по благу или за деньги их устроят в институт, потом на работу, а потом по благу женят или выдадут замуж».*

По мнению экспертов, *«к русской культуре афганцы относятся нормально, хорошо и воспринимают ее, особенно молодежь, но живут по своим традициям. Может быть, единицы и посещают театры, выставки, музеи и др., но для основной части афганцев это удовольствие слишком дорогое».* Кроме того, эксперты отметили: *«Большинство афганцев, особенно представители старшего поколения, чаще общаются, контактируют со своими земляками. Афганцы, которые имеют российское гражданство и свой налаженный бизнес, чаще общаются с москвичами, но их немного».*

Расселение и предпочтения

По мнению экспертов, *«афганцы живут по всей Москве. Для них характерно дисперсное расселение. Многие стараются жить поближе к работе – Черкизовский рынок и гостиница “Севастополь”. Правда, там очень дорогая аренда жилья и немногие могут себе это позволить».*

Представители старшего поколения афганцев предпочитают жить среди земляков в рамках своей национальной общины, по

крайней мере сетевой. Афганская же молодежь высказала определенное предпочтение жить вне общины, среди москвичей, но с обязательной и неременной возможностью поддерживать контакты с представителями своей культурной общины (включая сохранение и поддержание языковых навыков) и возможностью реализации своих этнокультурных потребностей: *«Лучше жить в среде москвичей и других, но сохранять свои обычаи и не терять связь с афганцами, которые живут в Москве», «сохранять свою культуру, но жить среди всех, чтобы нас не называли чужаками»*. Это говорит о слабой внутригрупповой солидарности афганской молодежи и ее высоком интеграционном потенциале, но при этом о ее стремлении сохранить культурные традиции своего народа.

Эксперты считают, что *«большинство афганцев, особенно старшее поколение, предпочитает жить среди своей диаспоры, своих земляков, так как это облегчает им проблему коммуникации, передвижения и первичной адаптации к условиям другого государства через свою собственную среду. Однако есть афганцы, которые предпочитают жить или уже живут среди русских, чтобы рядом не было своих; есть и такие, которым это все равно»*.

Межнациональные браки

Что касается образования межнациональных семей, то представители старшего поколения в целом не очень охотно обсуждали этот сюжет. Они указывали на почти полное отсутствие такой практики среди афганцев, проживающих не только в России, но и в странах Запада. Хотя есть определенные знаковые, на наш взгляд, различия между российской и западной средой: *«На Западе афганцы заключают браки, как правило, между собой. С местными очень редко, если и есть такие браки, то о них не говорят и даже скрывают. В Москве такие браки заключаются. На русских могут жениться только мужчины и молодые люди. Для женщин и девушек межнациональные браки запрещены, и о случаях таких браков мы не знаем и не слышали»*.

Опираясь на приведенное выше высказывание, можно сформулировать вполне вероятное предположение о том, что московская

среда в большей степени, чем европейская, стимулирует размывание межкультурных границ.

Это косвенно подтверждается более оживленной реакцией на данный сюжет в молодежной группе афганцев. В частности, ни одна из участвовавших в работе фокус-группы девушек не отвергла принципиальной возможности выйти замуж за представителя иной национальности: *«Я могла бы выйти замуж за русского, что выходит за рамки наших культурных традиций и религии»* или *«Мне нравятся русские ребята, у меня есть хорошие друзья, и я хотела бы выйти замуж за русского парня»*. Однако большинство девушек ссылались на конфессиональные ограничения. У юношей таким ограничением служило обязательное отношение москвичек к ведению домашнего хозяйства.

По мнению экспертов, *«афганцы вполне нормально относятся к смешанным бракам мужской части как с русскими, так и с лицами любой другой национальности, но для женской части такие браки исключены. В Москве достаточно много случаев таких браков; как правило, они распространены среди молодежи – детей-сирот, которые выросли в России»*. Кроме того, эксперты считают, что *«раньше было много случаев фиктивных браков с россиянками, которые гарантировали афганцам получение гражданства РФ. Сейчас нет, так как изменилось законодательство и необходимость в таких браках у них отпала»*.

Перспективы пребывания и миграционные намерения

Большинство афганцев старшего поколения весьма скептически оценивают свои перспективы жизни в России, в частности в Москве. Они постоянно сравнивают свое положение в России с положением соотечественников в странах Западной Европы не в пользу России и в связи с этим хотели бы уехать на Запад: *«Сейчас мало хорошей работы. Каждый день думаем, что завтра будет... Я давно работаю среди афганцев и могу сказать, что все хотят отсюда уехать. Я не видел других... Здесь нет будущего. Я недавно был в Европе и видел разницу. Здесь афганцы даже не хотят строиться. А там, в Европе, приезжают и очень хорошо устраиваются. Покупают себе машину, землю... Здесь такая возможность редко появляется. Потому что очень дорого для*

человека, который стоит на рынке, у которого нет жилья, чтобы он платил 5–6 тысяч только за учебу... На Западе до сих пор пособия были, бесплатно дети учатся». Среди представителей старшего поколения есть и те, кто свои перспективы связывает с Россией: «Власти нас просто не замечают, мы для них нелегалы, попрошайки и лишние люди. По всей вероятности, они надеются на то, что мы уедем из России, а куда нам ехать? Да, мы просим, но только одного – дайте нам правовой статус, мы сами в состоянии обеспечить свои семьи, платить налоги государству, поднимать экономику России».

Такой подход к оценке российской ситуации практически не характерен для афганской молодежи, которая строит свои биографические проекты преимущественно в рамках российского социума. Типичное высказывание: «Мы в Москву приехали маленькими детьми, многие родились уже здесь, выросли, получили образование, прекрасно знаем русский язык, вашу культуру, у нас много друзей среди москвичей, нам здесь хорошо, и мы не хотим уезжать». Единственным препятствием в этих проектах является отсутствие определенного гражданского статуса.

Кроме того, перспективы переезда в другую страну рассматриваются афганской молодежью на данном этапе их жизни исключительно в связи с жестко понимаемой и признаваемой ими традиционной обязанностью быть рядом и заботиться о своих родителях. Из интервью: «Жизнь в Москве у нас несладкая – нет статуса, нет своего жилья, больной отец. Отец прошел все инстанции, чтобы легализоваться в Москве, но у него ничего не получилось. У родителей нет денег, чтобы заплатить за легализацию. Отец пытается попасть в Программу по переселению афганцев. Если получится, то мы вместе с родителями вынуждены будем уехать на Запад. Хотя мне, моим братьям и сестре уезжать не хочется, мы здесь выросли, получили образование, у нас много русских друзей, а там надо будет начинать все сначала».

По мнению экспертов, «о какой перспективе можно говорить, если Россия не выполняет не только свои международные обязательства, но и свой Закон “О беженцах”. Поэтому реальная перспектива для большинства афганцев – добровольное переселение на родину или в третьи страны, так как в Москве (России) они не могут выйти из ситуации бесправного положения».

Эксперты отметили два возможных сценария развития событий: «Если перед афганцами встанет вопрос, уехать на Запад или остаться в Москве (России), то 99% предпочтут Запад, так как там, получив статус беженца, они будут иметь сильную социальную поддержку. Несмотря на то, что психологически им Москва (Россия) нравится больше, чем Запад. Но если встанет вопрос, вернуться на родину или остаться, то предпочтут Москву, так как они уже здесь адаптировались и у них большой интеграционный потенциал».

Есть частное мнение эксперта – представителя ФМС: «У нас потребности в афганцах нет, так как среди них нет таких специалистов, в которых заинтересована Россия. Нужна ли нам мощная, закрытая афганская диаспора? Своих безработных 5 миллионов, нужны ли нам еще и иностранные безработные? Объективно без афганцев мы проживем».

По нашим исследованиям, репатриация из указанных намерений афганцами исключается; первый сценарий для большинства малореализуем, так как «Запад всех не заберет». Поэтому объем вероятной миграции из Москвы (России) будет гораздо скромнее миграционных намерений афганцев, и большинство из них останется здесь.

* * *

Особенности пребывания афганцев в Москве связаны с отсутствием у большинства из них правового статуса и достаточно высокой степенью их интеграции в российскую социальную среду.

Представители старшего поколения афганцев жаловались на плохое отношение, на явную или скрытую дискриминацию со стороны московских властей разного уровня при приеме на работу, оформлении документов и социальных пенсий, и т.д.

Молодежь же, будучи социализирована в московской среде, воспринимает многие трудности бюрократического характера не как дискриминацию именно афганцев, а как данность для всех москвичей (россиян).

Большинство представителей старшего поколения, не сумев за долгие годы реализовать свое право на убежище и защиту государства, весьма скептически оценивают свои перспективы жизни в Москве и хотели бы уехать на Запад.

Афганская молодежь строит свои биографические проекты преимущественно в рамках московского социума. Единственным препятствием в этих проектах является отсутствие правового статуса. Перспективы же переезда в другую страну рассматриваются исключительно в связи с жесткими обычаями и традициями быть рядом и заботиться о своих родителях.

Позиция афганской молодежи относительно своих предпочтений жить вне общины и сохранения своего культурного наследия свидетельствует об устойчивой направленности на интеграцию в российский культурный контекст и модернизацию традиционного образа жизни, практикуемого преимущественно их родителями.

Главным препятствием в нормализации жизни афганцев является неопределенность их гражданского статуса в России, уже давно не соответствующая ни их собственным потребностям, ни опасениям принимающего сообщества относительно практически нереальной интеграции этой инокультурной группы в российскую среду в качестве незаконных мигрантов.

В этой связи должны быть предприняты реальные шаги, направленные на легализацию афганцев. Бесспорно, упорядочение их правового положения должно решаться в рамках действующего законодательства и международных норм по защите беженцев и лиц, ищущих убежище. Вместе с тем очевидно и то, что существующие препятствия не являются непреодолимыми.

Ситуацию незаконного пребывания на территории России афганцев могли бы значительно облегчить государственные программы легализации, опирающиеся на признание юридического факта длительного пребывания. Такие программы могли бы учесть потребности и старшего, и младшего поколений афганских беженцев и лиц, ищущих убежище:

- представителям старшего поколения по их желанию предоставить и/или возобновить статус политического беженца. Эта заинтересованность у большинства из них продиктована не столько возможностью получения социального пакета, что признается ими практически нереальным в российских условиях, сколько тем, что такой статус будет свидетельствовать о выполненном Россией долге и моральных обязательствах по их защите;

- тем афганцам старшего поколения, которые не заинтересованы в статусе политического беженца, по их желанию предоставлять по упрощенной процедуре вид на жительство или гражданство Российской Федерации;
- молодым афганцам, выросшим в российской культурной среде и являющимся и по самосознанию, и по обыденным культурным практикам вполне сложившимися гражданами России, по их желанию предоставлять российский паспорт в рамках тех же процедур, какие применяются к их ровесникам-россиянам.

Приложение

Жизненные истории афганских иммигрантов

Важма (22 года, в Москве проживает 14 лет)

После свержения в 1992 году режима Наджибуллы наша семья была вынуждена покинуть Кабул, так как мой папа был членом народно-демократической партии Афганистана и нашей семье угрожала опасность физической расправы.

Из Кабула наша семья выезжала частями. Сначала папа отправил меня и моего брата со своим другом, который вместе со своей семьей покидал Афганистан. Через Мазари-Шариф мы добрались до Ташкента. Я помню, что путь до Ташкента был довольно сложный. Сначала мы все ехали на автобусе, потом на машине, на поезде, на машине, машине и еще раз машине. Затем в Ташкент приехали мама с сестрой и братом, потом папа, и чуть позже к нам присоединилась мамина сестра, которая ей помогала по дому. Мне тогда было 7 лет, я в семье самая старшая, младшему брату было тогда около двух лет.

В Ташкенте мы прожили около года. За это время папа оформил документы, какие, точно я не знаю. И мы поездом отправились в Москву: нас семь человек, кроме того, семья моей тети и родственники ее мужа. Всего нас было 14 человек. В Москву мы приехали в феврале 1993 года. Я очень хорошо помню, что был сильный мороз и мы все очень замерзли.

В Москве отцу удалось арендовать двухкомнатную квартиру, в которой мы все и разместились. Когда хозяин узнал, что в его квартире проживают 14 человек, он нас всех выселил. Отцу удалось с трудом

найти однокомнатную квартиру, но чтобы снять эту квартиру, он был вынужден сказать хозяйке, что у него маленькая семья – он, жена и маленький сын. Поэтому каждый раз, когда хозяйка приходила за арендной платой, остальным приходилось уходить гулять. Иногда она приходила, не предупредив родителей о своем визите, и пока мама открывала ей дверь, мы все быстро прятались – кто на балконе, кто в шкафу, на кухне под мойкой, в тазике под ванной, за дверью в кухне. Мое место было под мойкой. В один из таких визитов хозяйки моя сестра и тетя спрятались на балконе. На улице был сильный мороз, моя сестра сильно простудилась и заболела. Сейчас я это вспоминаю со смехом, а тогда было не до смеха, только страх: если хозяйка нас увидит, мы лишимся жилья.

В Афганистане наша семья жила очень хорошо. Мой отец – журналист и занимал высокий пост в Союзе журналистов. В Союзе журналистов до моего рождения работала и мама.

В России у нас нет ничего, даже статуса. В 1993 году отец подал в московскую миграционную службу документы на предоставление статуса беженца, и только 15 апреля 2000 года его вызвали туда, чтобы сообщить, что в статусе беженца отказано. Это решение мы обжаловали. Наше дело рассматривал муниципальный, затем городской суд, и везде нам в статусе было отказано. После этого отец подал заявление на предоставление временного убежища, но в конце 2005 или в начале 2006 года, я точно не помню, нам отказали и в этом.

Я знаю очень многих афганцев, которым московская миграционная служба отказала не только в статусе беженца, но и во временном убежище. Больше всего афганцев проживают в Москве и Санкт-Петербурге, и они всеми силами пытаются уехать из России на Запад, так как очень тяжело жить вне поля правовой и социальной защиты. Из Москвы на Запад уехали 14–15 тыс. афганцев.

Мы выросли в Москве, здесь получили образование, прекрасно знаем русский язык, вашу культуру. В 1994 году я, сестра и мой брат поступили в образовательный центр «Кузьминки», который был организован некоммерческой благотворительной организацией «Экилибр-Солидарность» под эгидой УВКБ ООН. Вначале это были курсы русского и родного языка, но потом нам стали преподавать другие предметы. В 1999 году я сдала экзамены за 9-й класс, а в 2001 году – за 11-й. Выпускные экзамены я сдавала в вечерней российской обще-

образовательной школе, с которой наш центр заключил соглашение на прием экзаменов. Я была первым выпускником нашего центра. Выпускниками центра были мои братья и сестра. Мой младший брат был последним выпускником центра. В 2001 году я поступила в московский математический колледж по специальности «компьютерный дизайн». Мой брат окончил этот же колледж по специальности «программирование и вычислительная техника», моя сестра окончила педагогический колледж № 10. Мой младший брат сейчас учится в медицинском колледже по специальности «зубной техник». Я окончила швейные курсы по специальности «конструктор-модельер» и курсы косметологов-стилистов. Сначала обучение детей беженцев в средних специальных и высших учебных заведениях оплачивала благотворительная организация «Экилибр-Солидарность». Сейчас в Москве действует немецкая программа «Дафи», которая взяла на себя эти расходы.

Когда я училась в колледже, то подрабатывала переводчицей в научно-практическом центре психологической помощи беженцам, чтобы материально помочь своей семье. Сейчас я работаю в общественной организации, моя сестра – менеджером по продажам в компании «Арианэрлайн», а брат – менеджером в Московской финансово-экономической академии и там же учится на первом курсе. Брату эту работу предложили преподаватели академии, которые читали лекции в колледже и его заметили как очень способного ученика.

В Москве наша семья живет в однокомнатной квартире, которую мы снимаем в Кузьминках с 2001 года. Платим за квартиру 250 долл. – это по московским ценам совсем немного. Сейчас мы себе ищем новую квартиру, так как ту, в которой живем, хозяйка продает. Нам предложили несколько квартир, но меньше, чем за 500 долл., квартиры не сдают, а для нашей семьи это дорого, так как на это уйдет вся моя и моей сестры зарплата, а на жизнь практически денег не останется. Отец сейчас не работает, он часто болеет, мама работает преподавателем-добровольцем за крошечную зарплату, которую мне даже стыдно назвать. Иногда мне удается подработать в салоне свадебной одежды. Я конструирую модели свадебных платьев и вышиваю их бисером и шелковыми нитками. Эта работа очень дорогостоящая, но я за нее получаю очень маленькие деньги – всего 500 руб., так как из-за отсутствия правового статуса руководство салона не может оформить со мной официальный договор.

Свободного времени для досуга у меня нет. Я работаю, а в свободное время занимаюсь домашними делами или подрабатываю. Иногда общаюсь с друзьями. В театры и кино я не хожу, так как это для меня очень дорого, но очень хотелось бы сходить и в театр, и в кино. Я люблю русскую культуру, искусство. Когда училась в колледже, то много общалась с русскими студентами, у меня были среди них подруги и друзья. Сейчас мой круг общения с русскими ограничен только рабочими делами. Мой средний брат практически полностью живет и проводит все свое свободное время в русской общине, но, к сожалению, свободного времени у него мало, так как он очень загружен на работе в академии. Младший брат и сестра поддерживают хорошие отношения и с русскими, и с афганскими ребятами.

О перспективах говорить очень сложно. Мы привыкли, нам здесь не плохо и уезжать не хочется. Хотя жизнь в Москве у нас несладкая: нет статуса, нет своего жилья, больной отец, нас выселяют из квартиры. Отец прошел все инстанции, чтобы легализоваться в России, но у него ничего не получилось. У нас нет денег, чтобы заплатить за легализацию. Но есть много афганских семей в Москве, которые живут еще хуже, а еще хуже живут афганские беженцы в Пакистане. Они там рабы, их постоянно унижают, живут в палатках, работы нет, еды нет, дети умирают на руках у родителей, и они им не могут помочь – вот это трагедия.

В Москве нам помогает выжить наша очень дружная семья. Мы все стараемся поддержать друг друга. Каждый день в 9 часов вечера мы все вместе собираемся за ужином и обсуждаем события дня, наши проблемы. В 12 часов ночи ложимся спать, утром завтракаем и разбегаемся по своим делам, и так каждый день.

Еще нам помогает человеческое и хорошее отношение к нам людей, которые окружают нас. Здесь я могу поделиться с ними своими радостями, горем. Например, когда я училась в школе и мне было трудно, то преподаватели всегда старались мне помочь. Такое отношение я встречала очень часто и в колледже, и сейчас на работе. Люди могут отказаться от копейки, чтобы тебе помочь, а если нет копейки, то они тебя утешат, помогут советом.

На родину мы пока не можем уехать, так как там моему отцу и нам грозит опасность расправы. Это только одни разговоры, что в Афганистане все спокойно. Там идет война и постоянно случаются конфликты между разными группировками. Американцы не принесли мира в

Афганистан. Люди там стали друг другу чужими. Мои двоюродные братья, которые живут в Кабуле, мне писали, что *«они все больше и больше отдаляются друг от друга, так как в Афганистане жить сейчас очень сложно и тяжело: экономика в полном упадке, нет работы, плохая экология и постоянно присутствует угроза твоей жизни»*.

Я боюсь, что на Западе наша семья не выживет, мы привыкли и адаптировались уже к вашим обычаям, нравам. Многие афганцы рассказывали, что на Западе живут только деньгами, там нет теплых отношений между людьми, все определяют и всем правят деньги. Никто тебе не посочувствует. Наша семья живет в Москве сегодняшним днем, и мы не думаем, что будет завтра, но надеемся, что все будет хорошо.

Сейчас афганцы едут в Россию, но редко, так как знают, что здесь сложно, практически невозможно получить правовой статус. И большинство афганцев предпочитают любыми путями уехать на Запад. Раньше мигрировали в Австралию, сейчас стало сложнее, так как там ужесточились миграционные законы. Сейчас едут в основном в Европу. Переправка одного человека колеблется от 5 до 13 тыс. долл. США.

*Мохаммед (30 лет, в Москве с 1992 года)**

В Россию я приехал в сентябре 1991 года. До этого больше года прожил в Украине, в Киеве. Туда меня отправил отец со знакомой моих родителей, которая работала в Афганистане и отправлялась на родину.

Это были тяжелые времена не только для нашей страны, но и для Союза: период талонов, в магазинах ничего не было. Жить было очень тяжело. Знакомая моих родителей отправила меня к моей тете в Краснодарский край, которая работала в интернате для афганских сирот. Однако устроить меня в интернат ей не удалось, но благодаря помощи ее русских знакомых меня приняли в обычную русскую школу. В школе я учился на одни пятерки.

В 1992 году в Краснодар приехали мои родители с младшим братом и двумя сестрами. В Афганистане пал режим Наджибуллы. Моей семье угрожала опасность, так как отец в свое время занимал ответственные посты в правительстве Кармаля, а потом ЦК НДПА.

* Мохаммед – имя вымышленное, так как из-за отца он просил свое настоящее имя не называть.

В этом же году наша семья перебралась в Москву. Отец не раз обращался в миграционные органы о предоставлении статуса беженца. Статус беженца нам дали только в 1999 году.

В 1994 году, после окончания школы, по совету отца я поступил в Химико-технологический институт имени Менделеева, который в свое время он окончил сам. В аспирантуру этого же института поступил мой отец. В 1999 году я окончил институт и поступил в аспирантуру. Одновременно устроился на работу в афганскую фирму: сначала работал курьером, а потом менеджером.

В 1997 году я познакомился на студенческой вечеринке с русской девушкой. Она мне очень понравилась, мы с ней стали встречаться, а в 1999 году мы поженились. В 2000 году у нас родилась дочь, в этом году пойдет в первый класс.

Когда у нас родилась дочь, я решил через статус беженца хлопотать о российском гражданстве, но мои хлопоты были напрасны, мне отказали. Тогда я решил подать документы о предоставлении вида на жительство, но московские власти отказали мне и в этом. По совету моего друга-юриста я подал документы на гражданство через супругу. Однако московские власти отказали и сказали, что гражданство я должен получать по месту жительства моей супруги.

Мы с женой и ребенком уехали к ее родителям в город Усинск. Через год в Усинске я получил вид на жительство. В 2002 году я сразу же там подал документы на гражданство и через три месяца стал гражданином России. Работы в Усинске не было, и по настоянию отца мы вернулись в Москву.

Моя жена долгое время не работала, сидела с дочерью. Когда она решила пойти на работу, то столкнулась с тем, что ей везде отказывали, так как у нее муж афганец, хотя я являюсь гражданином России. С большим трудом моему другу удалось устроить ее на работу в российскую фирму.

Мои сестры окончили школу, брат нет, так как у него были проблемы с одноклассниками и его не раз избивали. Родители отправили его к старшему брату в Голландию. Сейчас он учится в колледже и сам зарабатывает себе на учебу, очень там счастлив и доволен своей жизнью. Сестры учатся в Российском университете дружбы народов: одна – на медицинском факультете, другая – на историческом.

Наша большая семья живет в общежитии и занимает блок из двух комнат: мама с сестрами в одной комнате, а я со своей семьей в другой. Отец сейчас живет в Бельгии. Туда он приехал в составе российской делегации для участия в международной конференции, посвященной проблемам беженцев, и после конференции в Россию не вернулся. Хлопочет в Бельгии о предоставлении статуса беженца. Отцу 62 года. Как сложится его жизнь в Бельгии, сказать сложно. Когда отец остался в Бельгии, маму и сестер собирались лишить статуса беженца, но с большим трудом удалось добиться, чтобы этот статус у них сохранился.

Сейчас я работаю, у меня хорошая семья. Я живу надеждой и верю, что афганские беженцы вернутся на родину, но когда это произойдет, сложно сказать. Я тоже очень хочу вернуться на родину, но пока это невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Встреча с Президентом России Комиссии по правам человека (Стенографическая запись рассказа С.А. Ганнушкиной сделана по свежим впечатлениям 10.12.2002) // Вестник Форума. Москва, 2003. № 1–2. Январь–февраль. С. 9.

2 *Иванова Т.* Есть ли будущее в России у афганских беженцев // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 309; *она же.* Незаконные мигранты из Афганистана на территории России // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений. Международная организация по миграции, Бюро МОМ в России. М.: Гендальф, 2004. С. 414–415.

3 *Иванова Т.Д.* Адаптация и расселение на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства, получивших и претендующих на статус беженца // Миграционная ситуация в странах СНГ. Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. С. 213; *она же.* Незаконные мигранты из Афганистана на территории России. С. 414.

4 *Зайончковская Ж.* Трудовая миграция // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 178.

5 *Зайончковская Ж.А.* Урегулирование правового положения афганских беженцев: пробный камень российской миграционной политики [<http://migrocenter.ru/science/science010.php>].

6 Статистические данные о предоставлении убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства в Российской Федерации по состоянию на 01.05.2007 года //

Федеральная миграционная служба, Управление по вопросам гражданства. Москва, 2007. С. 6.

7 Правовые и социальные условия для лиц, ищущих убежище, и беженцев в центрально- и восточно-европейских странах. Ред. Фабрис Лебо. Копенгаген: Датский совет по беженцам, 1999. С. 241.

8 Статистические данные о предоставлении убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства в Российской Федерации по состоянию на 01.05.2007 года. С. 9.

9 Там же. С. 12, 14, 16.

10 Сборник информационных материалов для проведения экспертного исследования по определению масштабов незаконной иммиграции на территории Российской Федерации // Федеральная миграционная служба. М., 2006.

11 Встреча с Президентом России Комиссии по правам человека... С. 9–11.

12 *Иванова Т.* Незаконные мигранты из Афганистана на территории России. С. 441.

13 *Качуровская А., Мамедов М., Фоменко Е., Петухов С.* Ограниченный контингент в Москве // Аналитический еженедельник «Коммерсантъ-Власть». 2001. 20 ноября. № 46 [448]. С. 16.

14 Исследование проведено при поддержке Института Кеннана в рамках проекта «Социально-экономическая жизнь и культурный ландшафт Москвы под влиянием этнических миграций» (2007). Руководитель проекта к.г.н. Ж.А. Зайончковская.

В.Г. Гельбрас

Китайские мигранты в Москве

Краткая история

Китайцы начали обосновываться в Москве в конце 1990-х годов. Сейчас трудно сказать, какая группа стала первой: предприниматели или студенты. Наверняка можно утверждать, что это не были туристы. Они появились позже, когда предприниматели прочно закрепились на местных рынках. Вначале большинство предпринимателей составляли мелкие торговцы и посланцы китайских заводов и фабрик, прокладывавшие пути сбыта своей продукции на российский рынок. Постепенно в их среде возникли крупные дельцы. Так, некто Чжао захватил контроль над китайским рынком в Измайлово. Он определял, кто именно будет торговать на этом рынке, каким товаром и в течение какого времени. Он мог в любое время отправить в Китай проштрафившегося или ставшего ненужным работника и обеспечить проезд необходимого ему человека. Сложилась компания, организующие оформление сопроводительных документов и транспортировку нужного персонала. Возникали «теневые» структуры, налаживавшие снабжение соотечественников требуемыми товарами, сформировались их постоянные связи с российскими чиновниками в таможнях и других органах.

Для первых китайских мигрантов Москва превратилась в центр, куда большинство из них стремилось попасть, и одновременно в главную торгово-экономическую базу, постепенно расширявшую свое влияние на всю Европейскую часть России. Мигранты на Дальнем Востоке по мере накопления капитала убеждались в том, что Москва и Европейская часть России представляют собой гораздо более привлекательное и выгодное по сравнению с Дальним Востоком поле де-

тельности благодаря концентрации большой численности населения, более высоким его доходам, развитой инфраструктуре, возможности установления необходимых связей и дипломатической защиты.

Быстро формировались китайские землячества. В отдельных в недавнем прошлом рабочих и студенческих общежитиях Москвы происходила концентрация этнических китайцев, которые практически все занимались преимущественно торговлей. Землячества представляли собой замкнутые этносоциальные образования. Они, как правило, объединяли представителей одной диалектной группы, организованной по принципу клана и/или тайного общества, и сохраняли постоянные и устойчивые связи с исторической родиной – Китаем. Эти связи материально базировались на особых каналах поступления товаров и отправки в Китай финансовых средств, накопленных в России.

Мигранты из КНР создали важный канал завоевания китайскими товарами российского рынка. К 2008 году сложилась ситуация, когда возник совсем не риторический вопрос: может ли Россия прожить без китайских товаров? Газета «Комсомольская правда» попросила ответить на этот вопрос своих читателей¹. Любовь Слиски, вице-спикер Государственной думы РФ: *«Я принципиально не покупаю китайские товары. И многие в России могли бы без них обойтись»*. Надежда Бабкина, народная артистка России: *«Прожить-то сможет. Только вряд ли китайских товаров у нас станет меньше. Уж больно китайцы народ предприимчивый»*. Евгений Ясин, научный руководитель Высшей школы экономики: *«Может. А почему нет? Но тогда жизнь в стране станет дороже, а ряд товаров и продуктов будут недоступными для большинства»*. Игорь Николаев, директор департамента стратегического анализа компании ФБК: *«Весь мир не может прожить без Китая. Их товары заполнили рынки Америки, Европы, и мы не лучше. Япония, например, в два раза сильнее зависит от импорта из Поднебесной, чем Россия»*. Евгений Надоршин, старший преподаватель Международного института экономики и финансов Высшей школы экономики: *«Прожить без китайских товаров мы не сможем. Даже иностранные заводы в России работают на китайских комплектующих. К тому же большинство импортных товаров, которые идут к нам, все равно сделаны либо в Китае, либо на китайских запчастях»*. Итог его размышлений пессимистичен: *«Зависимость от китайского импорта будет хуже, чем от нефтя-*

*ной иглы»*². Корреспондентка газеты, потратив неделю в попытке обойтись без товаров широкого потребления из Поднебесной, также пришла к безрадостному выводу: *«Теперь я точно знаю: не прожить нам без Китая»*.

Китайские мигранты образовали в Москве, да и во всей России, широкую сеть рынков по продаже китайских товаров, а также сеть перевода денежных средств в Китай и получения оттуда товаров, минуя официальную торговлю. Власти этой страны не скрывают, что сложились два канала торговли: один – «народный», другой – официальный. «Народный» – это торговля китайских мигрантов.

Перевод капиталов в КНР и другие страны начали выполнять специальные созданные китайцами конторы. Часть из них формально являлась обменными пунктами. С 2006–2007 годов эти обменные пункты начали именовать себя «банками». В московском землячестве действуют: Guoji huitong yinhang, Guomao yinhang, MAST yinhang, Anjie yinhang, Haining yinhang, Elosi simolin yinhang и другие так называемые «банки», не проходившие установленную российскими законами регистрацию в качестве финансовых учреждений. Осуществляя переводы через банки третьих стран, они обслуживают банковские карты платежных систем Visa, Master-card и других, проводят финансовые консультации и т.д. С первых же шагов они стали вести свою деятельность в крупных масштабах и совершенно открыто. Немалый интерес представляет связь московских китайских банков с китайскими же банками в других регионах России. Известно, например, что на Дальнем Востоке существует несколько китайских банков. Реклама китайских банков в Москве на протяжении многих лет постоянно публикуется в китайской печати, издаваемой в российской столице и распространяемой по всей железнодорожной трассе от Москвы до Владивостока. Официально аккредитованный в России Банк Китая (Элосы) не имеет прямого отношения к этим теневым финансовым организациям. Примечательно, однако, что несколько лет он вообще не занимался своей рекламой в китайской печати в Москве. На вопросы местным китайцам о том, почему они не пользуются услугами БК (Элосы), обычно звучали ответы: «Слишком много мороки», «Слишком дорого».

Постепенно в Москве появились газеты на китайском языке, свой рынок рабочей силы, свои рестораны (порой обслуживающие

только соотечественников), склады, медицинские пункты, даже публичные дома. Китайское землячество ныне обслуживает масса транспортных компаний, как китайских, так и международных, в том числе российских. Попутно можно отметить, что китайские газеты, издаваемые в Москве, можно приобрести в Санкт-Петербурге и во многих городах по железнодорожной трассе до Владивостока. Товары стали поступать по железной дороге, а также по морю в порты Новороссийск, Калининград, Санкт-Петербург.

По мере быстрого развития межгосударственных торгово-экономических и культурных отношений в городе появились представительства крупных китайских компаний, фирм и других организаций. Москву стали регулярно посещать многочисленные туристические группы. В высших учебных заведениях начали учиться китайские студенты.

В настоящее время в Москве постоянно находится несколько групп китайских граждан. Среди них: дипломатический персонал, представители крупных фирм, осуществляющих регулярные производственные, хозяйственно-экономические и культурные контакты с российскими партнерами, китайские мигранты, занятые главным образом торговлей, студенты, стажеры и строители. Наибольшую массу образуют мигранты, студенты и стажеры. Именно они, в конечном счете, оказывают наибольшее влияние на изменение социально-экономического облика Москвы и культурную жизнь города.

Программа и методика исследования

Учитывая роль китайских мигрантов, студентов и стажеров, они были избраны в качестве одного из объектов исследования по проекту Института Кеннана. Тем более что, по данным газеты «Аргументы недели», их численность в России достигла 800 тыс. человек³. Правда, в этом органе Российского союза налогоплательщиков ничего не сказано об источнике приведенных данных. Ясно одно: численность китайских мигрантов в России составляет многие сотни тысяч. В 2007 году только официально в стране работали 231 тыс. граждан КНР.

Исследование проводилось в течение 2006–2008 годов. С целью получения необходимой информации было налажено поступление

китайской прессы, издаваемой в Москве, организовано систематическое наблюдение за публикациями в КНР о китайских мигрантах в Москве. Велось также постоянное изучение публикаций о китайских мигрантах в российской прессе. Кроме того, были проинтервьюированы 112 китайцев, а также проведены беседы в трех организованных нами фокус-группах.

Преследовались две основные цели:

- выяснение обстановки в китайском землячестве, вызванной новым российским миграционным законодательством и новыми правилами работы на рынках, которые были введены с 2007 года¹;
- определение перспектив подготовки специалистов из китайских студентов для последующей работы в России.

Первая из перечисленных целей продиктована задачами изучения перспектив в известной мере стихийного притока в Россию китайских мигрантов. Для этого проведено анкетирование двух групп мигрантов: одной – для детального анализа по анкете, полностью сравнимой с анкетами обследований, проведенных нами в 1998 и 2002 годах (27 человек), другой – для обобщенного изучения ситуации по сокращенной анкете (54 человека).

Для достижения второй цели анкетным опросом и фокус-группами был охвачен 31 студент. Использовались также материалы опросов предшествующих лет.

В основу исследования положены, таким образом, материалы анкетных опросов и обсуждение наиболее важных вопросов в ходе работы фокус-групп.

В целях более подробного и конкретного рассмотрения полученных результатов везде, где только это было целесообразно для выявления изменений в облике Москвы под влиянием китайской миграции, нами сравниваются данные опросов разных лет. Тем более что все они проводились по одной методике, с применением практически аналогичных анкет.

Участниками опроса были случайно отобранные люди в китайских общежитиях, на рынках, студенческих общежитиях. Каждому была предложена анкета на китайском и русском языках. Участник опроса отвечал на вопросы совершенно самостоятельно, делая в случае желаний разного рода приписки либо примечания.

Таблица 1. Численность и состав китайцев, опрошенных в Москве в 2007, а также в 1998 и 2002 годах*

	2007		2002		1998	
	Человек	%	Человек	%	Человек	%
Всего	112	100	143	100	427	100
	<i>В том числе:</i>					
Мужчины	66	59	86	60	290	68
Женщины	46	41	57	40	137	32
	<i>Из них:</i>					
Холостые (незамужние)	45	40	96	67	207	49
Женатые (замужние)	66	59	47	33	209	49
Не дали ответа	1	1	—	—	10	2

* В числителе – количество респондентов, в знаменателе – проценты.

Поскольку обследования разных лет имели не совсем одинаковые цели и располагали разными финансовыми средствами, численность респондентов и их состав несколько различаются. Опросы не претендовали на достижение определенной представительности. Ее невозможно было обеспечить в силу многих причин. Во-первых, из-за отсутствия статистики численности китайцев в городе и стране. Во-вторых, из-за их текучести, учет которой также отсутствует. Иначе говоря, применен метод одномоментного, разового, случайного опроса, обладающего своими достоинствами и недостатками.

Приведенные выше данные свидетельствуют, что состав китайских мигрантов за прошедшие годы заметно изменился. Во-первых, в нем существенно возросла доля женщин. В 1998 году она составляла примерно одну треть, а в 2007 году – уже более 41%. Во-вторых, в обратной пропорции изменялась доля холостой части приезжих. Если в 1998 году они составляли почти половину китайских мигрантов, то в 2002 – 67%, а в 2007 – 40%. Увеличение числа женщин объясняется многими причинами. Среди них: возросшая самостоятельность женщин в китайском обществе, их стремление повысить уровень своего достатка, получить квалификацию. Определенную роль играет и дискриминация женщин при найме на работу в Китае.

Сокращение холостой части приезжих также вызвано многими причинами. Главная из них связана со спецификой демографической ситуации в Китае, где из-за ограничений рождаемости наблюдается огромный перевес мальчиков среди молодежи.

Статистическая информация о миграции из Китая скудна. Статистика Федеральной пограничной службы России позволяет проследить динамику пересечения государственной границы китайцами, располагающими разными визами. Примерно 80% из них въезжают на территорию России через пограничные переходы Дальневосточного пограничного округа, в том числе до 50% – через пограничные переходы в Приморском крае. В 1998–2001 годах интенсивность пересечения российско-китайской границы была примерно одинаковой – 450–490 тыс. китайцев въезжали в Россию и выезжали из нее. В 2002 году ситуация изменилась: число лиц, въехавших в страну, возросло почти на 55% по сравнению со среднегодовым уровнем предшествующих четырех лет. Число китайцев, покинувших Россию в течение года, увеличилось на 52%. Если за 1998–2001 годы в России остались в общей сложности 35,9 тыс. китайцев, то в одном только 2002 году – 27,2 тыс., в три раза больше среднегодового уровня предшествующих четырех лет. Всего за 1998–2002 годы в России остались 63,1 тыс. китайцев. Возможно, какая-то их часть покинула Россию.

Существенные перемены произошли только в количестве поездок с частными целями. За пять лет оно возросло в 13 с лишним раз! Примечательно, что до 2002 года из России с частными целями высылалось больше китайцев, нежели въезжало. Столь необычная ситуация, скорее всего, объясняется тем, что в предшествующие годы немалое число китайцев приезжали в качестве туристов и затем оставались в России на положении незаконных мигрантов, а также тем, что оформлением виз занималось большое количество частных фирм с участием китайцев и россиян, которые часто производили оформление с нарушением правил.

В последующие годы положение изменилось еще более резко. В среднегодовом исчислении в 2003–2006 годы численность китайцев, въезжающих в Россию, составила более 764 тыс. человек в год, то есть существенно больше, чем в предшествующий период. Выезжало (также в среднегодовом исчислении) почти 735 тыс. человек. Ми-

грационный приток за счет разницы между въезжающими и выезжающими составил в среднем около 29,3 тыс. человек в год или в общей сложности свыше 117 тыс. оставшихся на нелегальном положении в России. Следовательно, численность такого контингента за два сравниваемых периода увеличилась почти в два раза. Это обстоятельство свидетельствует о развитии китайского землячества в России, его возрастающем «вмещающем» потенциале. Остающиеся в России китайцы без особого труда обретают необходимые документы и растекаются по территории страны в соответствии с требованиями богатейших представителей землячества, контролирующих сбыт нелегально поступающих в страну товаров.

Можно вынести за скобки ситуацию 1998 года, когда более трети респондентов не решалась откровенно отвечать на заданный вопрос. Что же касается положения в последние годы, то многое объясняется, с одной стороны, большей легкостью в оформлении соответствующих документов, а с другой – неопределенностью обстановки, создаваемой переменами в миграционных установлениях российских властей. Либерализация миграционной политики в России значительно упростила регистрацию по месту пребывания. Это создало предпосылки для более частых поездок домой и обратно в Россию, что и демонстрируют данные 2007 года. Более частые поездки повышают возможности заработка, что, в свою очередь, позволяет мигрантам чаще посещать родных для совместного проведения семейных праздников, налаживания источников получения товаров и т.д. Доля китайцев, совершающих более 10 поездок в год домой, возросла почти в 10 раз (44,5% в 2007 году против 5% в 2002 году). Одновременно им прихо-

Таблица 2. Количество приездов респондентов в Москву в 2007, 2002 и 1998 годах (в %)

Количество приездов	2007	2002	1998
Менее 5	14,8	79,6	52,4
От 6 до 10	40,7	14,1	9,1
Более 10	44,5	4,9	4,9
Не дали ответа	–	1,4	33,6
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 3. Пребывание респондентов в Москве (в %)

	Год проведения опроса		
	2007	2002	1998
Продолжительность пребывания, лет			
Менее 1	14,4	13,4	11,0
От 1 до 4	35,8	51,4	62,6
Свыше 4	49,8	33,8	26,4
Не дали ответа	–	1,4	–
Итого	100,0	100,0	100,0

дится внимательно следить за изменением ситуации в Китае, так как именно в период после 2003 года в стране произошли многочисленные и существенные изменения в трудовом и социальном законодательстве. Возникли новые проблемы в землепользовании, что непременно требовало присутствия в родных краях.

Приведенные в табл. 3 данные, похоже, свидетельствуют о том, что в Москве происходит постепенное формирование постоянного китайского населения. Тем не менее все китайцы, независимо от продолжительности проживания в Москве, очень тесно связаны с родной страной, вынуждены часто выезжать домой. Вместе с тем можно без труда заметить определенную тенденцию: все больше китайцев живет в Москве довольно продолжительное время. Половина опрошенных в 2007 году китайцев прожили в российской столице более четырех лет. Доля этой группы «старожилов» по сравнению с 1998 годом удвоилась. Примечательно, однако, что продолжительность пребывания в Москве мало влияет на изменение стиля и образа жизни китайцев. Проводя все свободное, а часто и все рабочее время в среде своих соплеменников, они очень медленно обретают навыки общения с местным населением. Даже при покупке продуктов питания в магазинах или на рынках они объединяются вокруг своего представителя, способного более или менее доходчиво объяснить, какой именно товар они намерены приобрести.

Изменения в жизненных планах респондентов

Большой интерес представляют жизненные планы китайских мигрантов, постепенно накапливающих опыт предпринимательства и повседневного пребывания в Москве. Прежде всего, разумеется, имеет смысл разобраться с причинами, побудившими их покинуть родные места и отправиться в совсем иную страну.

Быстро выяснилось, что примерно третья часть тех, кого обычно называют мигрантами, являются служащими различных организаций либо учащимися. Немало среди них предпринимателей, на свой страх и риск отправившихся в Россию (32% в 2007 году). Небольшую долю составили люди, поехавшие в Россию в надежде найти работу (11%). Тем более что многие говорили им в Китае о недостатке рабочей силы в нашей стране. Они образовали слой наемных работников китайских предпринимателей. Оказалось также, что среди китайских мигрантов, работающих на рынках и помогающих китайским же предпринимателям, насчитывается немало студентов. Ловкие, изворотливые мигранты устраиваются в качестве студентов, обеспечивая себе легитимное положение и бесплатный кров над головой. Именно они составили группу лиц, обозначенную в табл. 4 под названием «Другое».

Предыдущие исследования позволили высказать предположения, во-первых, о появлении и распространении разных вариантов

вахтового метода работы китайцев на российской территории, а во-вторых, о формировании стабильного ядра китайских мигрантов, несмотря на отсутствие или шаткость их легитимного статуса. О вахтовом методе свидетельствовало четкое количественное совпадение между числом лиц, въезжающих и покидающих страну по отдельным видам виз. На протяжении ряда лет соотношение между ними практически не менялось. Однако это предположение пока не подтверждено. Ни в одной фокус-группе развить обсуждение данной темы не удалось.

Возникает вопрос: каковы планы китайских мигрантов на будущее, в какой мере они связывают свою жизнь с Китаем и Россией (точнее, с Москвой)? В результате исследования 1998 года выяснилось, что только 7,8% респондентов намеревались жить в Москве постоянно и около 4% планировали перебраться в другие страны. Естественно, что в 2002 году в ходе исследования предполагалось получить похожий результат. Данные опроса оказались неожиданными: во всех городах, где проводился опрос (кроме Москвы), о возвращении в Китай думали менее половины участников. Однако в Москве более половины респондентов твердо заявляли о намерении вернуться в Китай.

Сравнивая результаты опросов 2002 и 2007 годов, приходится учитывать принципиальное отличие 2007 года от любого ему предшествующего. С первого апреля этого года торговать на рынках без соответствующей регистрации стало затруднительно. Кроме того, администрация рынков теперь обязана обеспечивать большую часть

Таблица 4. Почему Вы приехали в Москву? 2007 и 2002 годы (в %)

Цель	Год проведения опроса	
	2007	2002
Направлен(а) на работу, учебу, стажировку	33,3	59,9
Представляю интересы фирмы		2,8
Занимаюсь собственным бизнесом	32,0	16,9
Здесь заработки выше, легче найти работу	11,1	4,2
Другое	23,5	15,5
Не дали ответа	0,1	0,7
<i>Итого</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Таблица 5. Жизненные планы китайских иммигрантов (в %)

Планы	Год проведения опроса	
	2007	2002
Получить гражданство РФ и жить в РФ	7,4	16,2
Иметь постоянный вид на жительство в РФ	–	11,3
Получить коммерческую визу в РФ	19,8	2,8
Уехать в другую страну	17,3	19,7
Вернуться в Китай	54,3	50,0
Не дали ответа	1,2	–
<i>Итого</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Таблица 6. Численность респондентов по возрастным группам, 2007 год

Возрастные группы	Всего		В том числе:			
	человек	в %	Основная группа		Дополнительная группа	
			человек	в %	человек	в %
20–24	14	17,3	13	24,0	1	3,7
25–29	20	24,7	16	29,6	4	14,8
30–34	16	19,7	6	11,1	10	37,0
35–39	11	13,6	6	11,1	5	18,5
40–44	6	7,4	5	9,3	1	3,7
45–49	9	11,1	5	9,3	4	14,9
Старше 50	5	6,2	3	5,6	2	7,4
Всего	81	100,0	54	100,0	27	100,0

торговых мест для представителей местного населения. Многолетний опыт убедил китайцев, что получить гражданство РФ – задача чрезвычайно сложная, почти невозможная. Перебраться через Россию в другую страну стало также очень трудно. Поэтому неудивительно, что больше половины китайских мигрантов в Москве связывают свое будущее с возвращением в родные места. Такой вывод является слишком обобщенным. На самом деле взгляды в среде китайских мигрантов в Москве различны. Во многом они зависят от возраста и занимаемого положения. Чтобы проследить эти зависимости, мы отбирали две группы респондентов, различающихся по возрастной структуре.

Основная группа (54 человека) состоит из более молодых респондентов. Она тесно связана с учебными заведениями, многие из ее состава официально числятся студентами, хотя на самом деле просто пользуются соответствующими документами и услугами студенческих общежитий. Вторая, дополнительная группа (27 человек) состоит из людей более зрелого возраста, не имеющих никакого отношения к учебным заведениям и их общежитиям (табл. 6).

Обе группы состоят по преимуществу из мужчин. В основной группе на их долю приходится 63%. В большинстве своем они не успели обзавестись семьей (холостяки составляют 59%). Эта группа

является очень пестрой по уровню образования. 26% из них не окончили среднюю школу, 22,2% ее окончили. Вместе с тем более 33% имеют высшее образование, 18,5% получили степень магистра.

Вторая группа существенно отличается от первой. В ее составе мужчины составляют более 70%. 52% из них являются холостяками, 3,7% – неграмотными, 7,4% не окончили среднюю школу. Среднее образование имеют только 11% респондентов. Но в этой группе более 74% имеют неполное или полное высшее образование. Иными словами, респонденты в этой группе не только несколько старше по сравнению с представителями первой группы, но и, что примечательно, более образованы.

В 2007 году правовое положение мигрантов на территории России существенно изменилось. На рынках было разрешено торговать главным образом местным жителям. Мигрантам же для этого нужно иметь специальные документы, в том числе и на товар. В среде китайских мигрантов возникло замешательство. Часть стала спешно распродавать свой товар, некоторые, бросив все, уехали в Китай. Большая же часть стала ждать изменений в обстановке и искать различные варианты деятельности, позволяющие остаться в России. В связи с этим условия проведения исследования значительно усложнились. Оно охватило тех, кто решил пока остаться в России.

14,8% состава основной группы стремятся остаться в России, 20,4% планируют перебраться в другую страну. Однако 63% думают вернуться в Китай. Представители дополнительной группы, будучи старше и располагая большим опытом и деловыми знакомствами, имеют иные взгляды на будущее. 51,8% ее состава всеми силами пытаются остаться в России. Лишь 11,1% думают уехать в другую страну и только 37% сохраняют планы возвращения в Китай.

Столь существенные отличия от основной группы объясняются прежде всего тем, что 33,3% представителей дополнительной группы являются самостоятельными предпринимателями, 25,9% работают по контракту с китайской фирмой, а 11,1% – по контракту с российской фирмой. Иными словами, работа в России является материальной основой их существования.

Новое миграционное установление, принятое российским правительством, прежде всего коснулось мелких и средних торговцев, мигрантов, занятых в сравнительно небольших формах

бизнеса. Крупные предприниматели мало пострадали. Может быть, они даже приобрели определенные преимущества, действуя, как правило, на прочных юридических основах (регистрация, право на временное место жительства, собственное или арендованное жилье и т.д.).

В ходе обсуждений в фокус-группах выяснилось, что наиболее «простой» и логичный вариант сохранения бизнеса в России – официальное создание фирмы (компании). Для большинства мигрантов этот вариант практически недоступен. Он требует столь крупных расходов, которые подавляющая масса мигрантов не в состоянии осуществить ни индивидуально, ни коллективно. Действительно, для оформления юридического лица нужно иметь юридический адрес, деловое и жилое помещение, что требует расходов на их аренду или приобретение. В условиях Москвы это предполагает наличие у мигрантов крупных финансовых средств. Кроме того, для функционирования зарегистрированного заведения необходимо располагать первоначальным капиталом.

Остается, по сути, один вариант: влиться в более крупную и мощную предпринимательскую группировку, которая располагает ресурсами и структурами, обеспечивающими надежный выход из любого положения. И не просто выход, а приобретение при этом еще более прочного положения и дополнительных доходов.

В связи с изменением обстановки уточнены цели и задачи исследования применительно к отдельным группам мигрантов.

Как показало изучение, абсолютное большинство китайских мигрантов не знает русского языка либо владеет им очень слабо. В основной группе респондентов более 57% признались, что они практически не знают русского языка, 37% считают, что они все же могут объясняться и понимать русскую речь, что позволяет вести элементарный диалог с покупателями на рынке. Только 5,6% относят себя к людям, хорошо знающим русский язык. Что касается дополнительной группы, то в ее составе почти 30% считают себя хорошо знающими русский язык, 37% заявляют, что они в состоянии объясняться и читать по-русски. Однако и в этой группе более 33% русского языка не знают.

Напрашивается вывод: китайские мигранты не могут решить проблему дефицита рабочей силы в России. Абсолютное большин-

ство ни в малейшей степени не стремится к работе в российских организациях, да и не способно к ней.

Настоящее исследование выявило неожиданное явление. В одной из фокус-групп откровенно говорили: «Зачем изучать русский язык? Скоро россиянам самим потребуется знание китайского языка». На аналогичные вопросы в другой фокус-группе получены иные ответы. В нескольких беседах, носивших подчас характер жаркой дискуссии, в общей сложности участвовали 27 человек, то есть вся группа, названная нами дополнительной. Более 55% из них заявили о своих симпатиях к России, а один участник даже признался в любви к ней. Вместе с тем у девяти человек, то есть одной трети, Россия не вызывает никаких добрых чувств. Трое уклонились от ответа. За исключением одного все остальные намерены оставаться в России только непродолжительное время. Трудно сказать, в какой мере их высказывания отражают сформировавшиеся представления, а в какой – досаду от сложившейся ситуации.

Изменение законодательства, регулирующего положение мигрантов в России, резко и внезапно сказалось на всей жизни китайских мигрантов. В результате возникла даже некоторая напряженность в межгосударственных отношениях. Из многих районов России начался массовый выезд мигрантов на родину. Тем более что в Китае занятие частным предпринимательством теперь не считается зазорным делом. В 2008 году власти разрешили банкам кредитовать частных предпринимателей. В Москве массового панического бегства не произошло. Начался сложный, скрытый, внешне мало заметный, трудно анализируемый процесс приспособления мигрантов к новой обстановке.

Трудности анализа во многом объясняются неопределенностью политики российских властей. Она проявляется, в частности, в замалчивании всех вопросов, связанных с китайской миграцией. В прессу попадает довольно подробный материал о любых мигрантах – грузинах, армянах, таджиках, о ком угодно, но не о китайцах. Исключения составляют только материалы уголовных правонарушений. Однако и они носят отрывочный характер и, как правило, никогда не раскрывают суть дела и его последствия. Главное – в них не говорится о реакции органов власти.

Во время российско-китайских переговоров в Пекине в начале 2007 года по настоянию представителей КНР стороны пришли к со-

гласию об образовании специальной группы для обсуждения проблемы китайских мигрантов в России. Согласие было зафиксировано в протоколе, однако до конца 2007 года никаких рекомендаций или предложений сформулировано не было. Точнее говоря, о них ничего не сообщалось в прессе. Не появлялась информация даже о начале работы такой группы. Это обстоятельство во многом объясняется тем, что выработать специальные нормы, распространяющиеся только на китайских мигрантов, практически невозможно.

Тем не менее, судя по обстановке, какие-то решения все же были найдены. Например, установлено, что при въезде на территорию России можно перевезти через границу товары на сумму 65 тыс. руб. (2,5 тыс. евро). Размеры пошлины повышены до 30% суммы товаров. Эти нормы являются существенной преградой для поступления товаров на внутренний рынок России и развития мелкой рыночной торговли китайских мигрантов. Однако эта мера никак не сказалась на сокращении масштабов нелегального поступления китайских товаров на российский рынок.

В Москве по-прежнему процветает Черкизовский рынок, являющийся центром торговли китайских мигрантов. Появились новые китайские рестораны, небольшие магазины, хотя, как удалось установить, хозяевами (может быть, формально) порой являются россияне.

Китайские фирмы стали вести на территории России не только розничную торговлю, как в течение многих предшествующих лет, но и оптовую. Ее центром в Москве по-прежнему остается Черкизовский рынок, снабжающий рынки меньшего масштаба в столице и регионах. На небольших московских рынках продаж китайских товаров стали заниматься не китайцы, как раньше, а местные жители. Рынки в Измайлово, Люблино, районе метро «Сокол» продолжают существовать. Сохранились и общежития китайских мигрантов на ул. 26 Бакинских комиссаров, ул. Подбельского, Пятой, Девятой, Тринадцатой и Пятнадцатой Парковых улицах, у метро Рижская, на ул. Космонавтов.

С 2008 года торговля китайскими товарами организована на всех районных рынках Москвы. Похоже, что изменения коснулись и других городов России. Так, на китайском рынке в Пятигорске со времени его возникновения в начале 2000-х годов велась исключительно розничная торговля. В ходе данного исследования выяснилось, что

теперь там, как и в Москве, активно функционирует оптовый рынок. В результате китайские товары стали активно распространяться по городам Северного Кавказа. Эту торговлю начали вести представители местного населения. Аналогичная ситуация, как удалось выяснить, наблюдается и в Нижнем Новгороде. Это обстоятельство носит принципиальный характер: россияне заменяют китайцев в розничной торговле. Китайцы поставляют товары. Власти этой торговле не препятствуют, хотя не могут не учитывать, что налоговые поступления от рыночной торговли носят минимальные размеры. Значительная ее часть вообще скрыта от налоговых органов.

Немалые сложности анализа объясняются тем, что с китайской миграцией связан целый комплекс специфических проблем. Крупные масштабы приобрела китайская контрабанда. С одной стороны, полуофициально публично признан ее значительный объем. С другой стороны, российские власти не могут позволить себе открыто сообщать о более или менее систематической борьбе с китайской контрабандой. Видимо, в силу сложившихся отношений («стратегического партнерства») они ведут эту борьбу слабо и нерегулярно. Так, в московской печати одновременно упоминались два крупных уголовных дела – о фирме «Три кита» и о «китайской контрабанде». При этом говорилось и о том, что расследование этих дел не ведется. По сообщению «Новой газеты», *«в уголовном деле о китайской контрабанде, которая направлялась в адрес воинской части, обслуживающей центральный аппарат ФСБ, до суда дошли лишь не самые значительные эпизоды. Главными контрабандистами пытаются сделать простых исполнителей. Более значимые фигуры, среди которых бывший сенатор, из дела фактически выведены. Большинство из задержанных вагонов с ширпотребом тайком вернули заинтересованным бизнесменам, и контрабандный товар реализован»*⁴. Определенный интерес в этой связи представляет другое сообщение, опубликованное в той же газете: *«Все началось 11 декабря 2007 года. В тот день в Калининградском морском порту на борту немецкого контейнеровоза HENNI оперативники обнаружили контрабандный товар из Китая на сумму около 9 млн рублей. Получателем груза являлась фирма “Карс”. Далее китайский ширпотреб под видом обычных стелек для обуви должен был отправиться на Черкизовский рынок Москвы. В процессе расследования выяснилось, что в Москве,*

Питере и Калининграде действует хорошо организованная группа. Контрабандисты действовали с размахом. Оборот составлял около 1 млрд руб. в месяц»⁵. Дело было развалено. Следователь уволен.

Есть, однако, примеры иного порядка. Например, В.С. Овчинский, профессор, советник Конституционного суда России, генерал, бывший руководитель российского бюро Интерпола, полагает, что о китайской мафии в России приходится говорить все чаще. Он, в частности, пишет: *«Самый крупный коррупционный скандал 2006 года с отставкой высокопоставленных чинов в таможене, ФСБ, МВД и прокуратуре также был связан с китайской организованной преступностью. Поводом для массовой кадровой зачистки в силовых ведомствах стала широкомасштабная операция, проведенная Генпрокуратурой и ФСБ по всей стране: от Находки до Москвы. Смысл ее заключался в том, чтобы разоблачить организованную преступную структуру, специализирующуюся на незаконных поставках в Москву товаров из Китая (только по одной поставке контролировалась контрабандная партия ширпотреба объемом в 150 железнодорожных вагонов)»⁶.*

«В результате оперативно-розыскных мероприятий, – продолжает автор, – была раскрыта деятельность преступного сообщества, в которое входили российские и иностранные бизнесмены, чиновники регионального и федерального уровня, таможенники. Прикрывали их офицеры МВД и ФСБ, специализирующиеся на борьбе с контрабандой, а тех, в свою очередь, поддерживали прокурорские работники, призванные надзирать за соблюдением законности в силовых структурах»⁷. Однако он ничего не сообщил о том, какие меры были предприняты для пресечения китайских организованных преступных сообществ в дальнейшем. Судя по тому, что теперь китайцы перешли к оптовой торговле на рынках, поставки товаров продолжают не без помощи структур, описанных В.С. Овчинским.

Российская и китайская стороны подписали соглашения о строительстве в Москве и Санкт-Петербурге двух крупных высотных комплексов, предназначенных для размещения китайских фирм. В Санкт-Петербурге такой комплекс будет иметь морские причалы и товарные склады. Протесты населения пока властями не учитываются.

Высотные здания китайских торговых компаний, строящиеся в Москве и Санкт-Петербурге, будут символизировать экономичес-

кое превосходство Китая и его сильное воздействие на экономику России. Уже сейчас даже в печати эти здания часто именуется «чайна-таунами». В этой связи следует упомянуть о появлении в 2007 году на улицах Москвы немалого числа небольших пунктов питания фирмы «Рикша и Ван». Особым китайским набором продуктов эти пункты не отличаются. Торгуют в них россияне. Символично название этих заведений: рикша в Китае – это человек, везущий тележку с товаром и торгующий им, Ван – не понятно, чье имя. А вот при беглом прочтении получается «Рикша Иван» – намек на подчиненную роль России в отношениях с Китаем. Чтобы намек был не слишком прямолинейным, на пунктах размещены рисунки с рикшей-китайцем. Хотя в 2008 году часть этих пунктов прекратила свою торговлю, вывески продолжают красоваться на прежних местах.

В облике Москвы в связи с появлением китайцев происходят противоречивые изменения. С одной стороны, открылись новые ярко оформленные рестораны и небольшие закусочные, многие из которых украсили улицы города. Несмотря на то, что немалая их часть, кроме внешнего оформления, ничем не отличается от других пунктов питания, в том числе и по предлагаемому меню, они приносят определенную пользу населению. В них широко представлены популярны в настоящее время в столице японские и иные восточные блюда, хотя их качество вызывает порой серьезные нарекания.

Возникло несколько китайских медицинских учреждений, в которых используются методы китайской народной медицины. Опрошенные нами специалисты сетуют на сравнительно низкий профессиональный уровень персонала этих заведений. Два медработника, оказавшиеся в фокус-группе, заявили, что для работы в России они окончили краткосрочные курсы китайской медицины.

В городе заметно возросло количество китайских банков, по сути, нелегальных банковских контор, занимающихся сбором денежных средств китайских мигрантов и пересылкой их в другие страны. Примечательно, что раньше эту деятельность осуществляли исключительно китайские заведения (банками их называть все же трудно). Теперь к ним присоединились и некоторые официальные российские банки. Единственное существующее в Москве банковское учреждение КНР – филиал Банка Китая (Элосы) по-прежнему стре-

мится оставаться в стороне от предпринимательской деятельности соотечественников.

Китайские нелегальные банки функционируют уже много лет, не опасаясь каких-либо запретительных действий российских властей и открыто размещая свою рекламу в китайских газетах, издаваемых в Москве. Тот факт, что несколько российских банков распространили свою деятельность на китайских мигрантов, свидетельствует о том, что они информированы о крупном денежном обороте китайского бизнеса в России. Из сказанного можно с полным основанием сделать вывод, что интенсивность финансовой деятельности китайского землячества в Москве нарастает и массивное легальное и нелегальное поступление китайских товаров в Россию продолжается несмотря на формальное ограничение розничной торговли. Надо отметить, что часть нелегальных китайских банковских контор при осуществлении трансфертов в разные страны мира пользуется официальными услугами вполне респектабельных зарубежных банков, втягивая и их в криминальную деятельность.

В беседах с китайскими мигрантами удалось выяснить, что у них сохраняется уверенность в благоприятном для них решении миграционных проблем, поскольку российское правительство согласилось провести по этим вопросам переговоры с правительством КНР. В настоящее время уже началось привлечение китайских фирм к крупным строительным работам в Москве, Санкт-Петербурге и других городах, что позволяет использовать китайскую рабочую силу.

Учитывая кризисную демографическую ситуацию в России, Пекин делает соответствующие выводы. Как пишет Дун Цзин, ответственный редактор «Жэньминь жибао», *«в конечном счете Китай, по видимому, готовится подвергнуть российский Дальний Восток своему фундаментальному влиянию, но таким образом, чтобы при этом не вызвать у Москвы беспокойства. Сила этого влияния будет основана не на масштабном наплыве китайских переселенцев, а на непредвиденной заранее “китаизации” россиян»*⁸. Проблема, однако, состоит в том, что это «фундаментальное влияние» распространяется на территорию всей страны.

Для анализа этого высказывания Дун Цзина целесообразно обратиться к статистике въезда и выезда на границе с Китаем.

В последние годы возник и стал быстро набирать оборот выезд россиян на постоянное место жительства в Китай. Интерес к Китаю в России быстро растет, особенно на Дальнем Востоке. Экономическая стагнация региона, ощущение бесперспективности, оторванность от остальной территории страны, трудности с трудоустройством, безответственность местного руководства побуждают дальневосточников искать лучшую долю за пределами страны.

На это обстоятельство в Китае уже обратили внимание. Упомянутый выше автор пишет: *«В один прекрасный день возникнет серьезный кризис, и перед лицом ослабевающего политического и военного влияния Москвы эти россияне, возможно, предпочтут сделать выбор в пользу Пекина, а не собственного правительства. При таком гипотетическом варианте российский дальневосточный регион, возможно, станет провинцией Китая»*. Если китайское правительство будет улучшать *«...дорожную, больничную и школьную инфраструктуру, то сила притяжения Китая сильно возрастет»*. И еще: *«Статус Китая для россиян повысится до уровня страны, представляющей огромные возможности, до которых Средней Азии и Сибири еще слишком далеко»*⁹. Судя по этой статье, отмеченные выше изменения в Москве под прямым и косвенным влиянием китайских мигрантов отражают целенаправленную политику китайского правительства. Так что на пути регулирования китайской миграции в Россию ждут серьезные трудности.

Миграционный потенциал китайских студентов

Одним из источников необходимой России рабочей силы могли бы стать китайские студенты. Систематическое изучение русского языка, получение специальностей, востребованных в России, привыкание к русской кухне, обычаям, нормам поведения – все это, казалось бы, должно способствовать созданию достаточно заметной массы профессионалов, готовых остаться в России и пополнить число лиц, в которых нуждается страна. Поскольку в высших учебных заведениях России обучаются десятки тысяч китайцев (только в МГУ более 10 тыс.), в наших исследованиях был поставлен закономерный вопрос: можно ли рассчитывать на привлече-

ние части из них к постоянной жизни и работе в различных отраслях экономики России? При этом учитывалось, что они получают специальную подготовку по российским программам, овладевают русским языком, обстоятельно знакомятся с условиями жизни и работы в России. Принималось во внимание и то, что в Китае, по официальным данным, почти 30% выпускников высших учебных заведений не удается найти работу на протяжении длительного времени.

Вопрос оказался намного сложнее и серьезнее, нежели это представлялось в самом начале наших исследований в 1998 году. Тогда мы учитывали опыт 1950-х годов и отличные результаты подготовки десятков тысяч китайцев. Однако обстановка с тех пор кардинально изменилась. Потребовалось обстоятельно анализировать перемены, произошедшие в китайском обществе за несколько десятилетий, например те, которые касаются состава китайских семей и последствий проведения политики планирования рождаемости. Особой темой явилось знакомство с системой образования в КНР и рядом других вопросов жизни этой страны.

Исследование осуществлялось на основе материалов анкетного опроса и проведения фокус-групп с привлечением в общей сложности 31 китайского студента. Абсолютное большинство участников нашего проекта являлись студентами и магистрантами МГУ.

Таблица 7. Численность студентов-респондентов по возрастным группам в 2007 и 2002 годах (в %)

<i>Возрастные группы</i>	<i>2007</i>	<i>2002*</i>
Младше 20	6,5	22,6
21–25	77,4	68,4
26–30	12,9	6,4
Нет ответа	3,2	2,6**
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Примечания:

* В 2002 году анкетный опрос студентов (в общей сложности 155 человек) проводился в Москве, Иркутске, Хабаровске и Владивостоке.

** Старше 31 года.

Данные 2002 года не совсем сопоставимы с результатами, полученными в 2007 году. Тогда опрашивались студенты не только высших учебных заведений, поэтому доля учащихся моложе 20 лет столь значительно отличается от показателя 2007 года. Тем не менее по ряду параметров полученные итоги, по сути, совпадают. Несмотря на это, упор все же сделан не на сравнении, а на выделении специфических явлений, обнаруженных в 2007 году.

Большинство студентов, опрошенных в 2007 году, составили девушки (58,1%). 9,7% из них получили полное среднее образование, 90,3% имеют незаконченное высшее образование.

Приезд студентов на учебу в Москву обусловлен несколькими причинами. Более половины из них (54,8%) приехали сюда потому, что не смогли поступить в «подходящий» университет в Китае. Они также не прошли официальный отбор для направления на учебу в странах Европы и Америки. Каждый десятый объяснил свой приезд тем, что учеба в России дешевле, чем в других странах, и столько же – тем, что в страну «легко приехать без знания языка». Иными словами, в Россию, как выяснилось, прибывает, мягко говоря, не самая подготовленная часть молодых людей, в то время как в 50-е годы для этого им приходилось выдерживать огромный конкурс на родине.

Каждый из китайских студентов – это единственный ребенок в семье. В Китае выросло поколение избалованной, самовлюбленной, эгоистичной молодежи, не умеющей работать над собой и не испытывающей стремления учиться. Более того, их обучение в России построено таким образом, что они могут получить диплом об окончании вуза при самом примитивном знании русского языка. Например, в магистратуру моего курса в 2007 году поступили несколько китайцев, закончивших в России специальное высшее учебное заведение, обучающее студентов русскому языку. Только одна из пяти студенток в состоянии более или менее сносно говорить по-русски и понимать лекции на русском языке. Все они, однако, получили дипломы, удостоверяющие знание русского языка. Уже на протяжении нескольких лет китайская сторона, да и многие российские преподаватели говорят о низком качестве подготовки студентов в вузах России. К сожалению, оказалась забытой и невостребованной методика подготовки китайских студентов и стажеров, использовавшаяся в 1950-х годах, которая дала хорошие результаты.

Примечательно, что 6,5% респондентов никогда не общались с русскими студентами, 67,7% – только «иногда» и лишь 25,8% – «часто» разговаривали с русскими студентами. Однако за 15 лет работы в вузе я лично ни разу не наблюдал общих разговоров, обсуждений какого-либо вопроса вне занятий, совместных мероприятий российских и китайских студентов. Никогда еще китайский студент не сел в аудитории рядом с российским сокурсником. Аналогично поступают и российские студенты. Китайцы всегда занимают отдельную часть аудитории и тут же покидают ее после конца занятий. Отношения в студенческой среде ровные, доброжелательные, но отмеченные каким-то невидимым барьером. Не дают стабильного результата попытки вызвать совместное обсуждение какого-либо вопроса. Замечено, что большую роль играет слабое знание китайцами русского языка, однако все уговоры чаще говорить по-русски оказываются тщетными.

Китайские студенты сталкиваются со многими трудностями в жизни и учебе. Что касается учебы, то она дается нелегко большинству студентов (58%). Треть испытывает затруднения в учебе только «иногда». Лишь 6,5% заявили, что учеба дается им легко. Среди обстоятельств, мешающих им жить в Москве, на первое место респонденты выдвигают языковые различия (77%), на второе – культурные различия (38,7%). Студенты имели возможность выбирать несколько ответов из числа предложенных. Выяснилось, в частности, что почти 55% респондентов никогда не ходят в Москве в кино, театр и другие культурно-развлекательные заведения. Остальные отправляются туда не более 1–3 раз в месяц. Наибольший интерес у них вызывает московский цирк. Многие говорят, что с трудом привыкают к условиям быта и особенностям питания в Москве. Однако при ранжировании ответов оказалось, что эти проблемы имеют значение соответственно только для 2 и 1% участников опроса.

Исследование позволило установить, что, несмотря на трудности в овладении русским языком, более половины китайских студентов (58%) обращаются за помощью к русским в случае возникновения проблем в учебе, но 35,5% позволяют себе подобный поступок лишь в крайнем случае, а 6,5% никогда не просят у русских сокурсников помощи. Возможно, в данном случае, как и во многих других, главной причиной является незнание или плохое знание русского языка.

Это не вина китайцев, а их беда. Студенты, магистранты и аспиранты из КНР живут в отдельном общежитии, что изначально ограничивает круг их общения только соотечественниками. В 1950-е годы русские и китайские студенты жили в одном общежитии, в комнаты китайцев селили вместе с русскими. Тогда складывалась совсем иная обстановка. Налаживались прочные дружеские связи. Нельзя сказать, что русские студенты овладевали китайским языком, но китайцы в большинстве своем очень хорошо усваивали русский.

Возможно, именно режим самоизоляции, в котором сегодня живет большинство студентов и магистрантов из КНР, во многом способствует распространению в их среде течения «Фаньлунгун», официально именуемого зловредной сектой и запрещенного в Китае. Это течение представляет собой сочетание идеологических установок и физических тренировок. Несомненно, оно пользуется определенной популярностью. Об этом свидетельствует издание специальных публикаций на китайском и русском языках, пикет у Посольства КНР. Китайские студенты предпочитают улыбаться и отвечать молчанием на все вопросы о «Фаньлунгун», опасаясь, что их мнение будет известно в Посольстве КНР. Аналогичным образом они реагируют на вопросы о возникновении в их среде интереса к православию.

Еще одной характерной чертой китайских студентов является их аполитичность. На вопрос о том, когда состоится XVII съезд компартии Китая, ни один из опрошенных студентов не мог дать ответа, хотя съезд к тому времени уже начал свою работу. Точно так же никто не смог рассказать о его решениях и последних политических событиях в стране.

На протяжении ряда лет китайское население под воздействием политики ограничения рождаемости стихийно занималось регулированием пола новорожденных. Особенно широко эта практика распространилась в деревнях. В нескольких провинциях, судя по официальной информации, на протяжении длительного времени наблюдается заметное превышение числа родившихся мальчиков по сравнению с девочками. В нескольких провинциях, по последним данным, на 100 новорожденных девочек приходится 150 мальчиков. Верховные власти приняли жесткие меры для пресечения этой практики, но пока положение таково, что, по подсчетам китайских демографов, в 2020 году не менее 20–40 млн мужчин не смогут найти себе супругу.

Сложившаяся ситуация уже оказала заметное психологическое воздействие на женскую половину китайского общества. Некоторые китайские социологи даже заговорили о наступлении эры «нового матриархата». Судя по студентам из КНР, участвовавшим в анкетном опросе и фокус-группах, девушки демонстрируют явное превосходство над юношами, а последние, в свою очередь, ведут себя как люди, осознавшие свою неполноценность. Юноши стесняются полемизировать с девушками, первыми затевают разговор или выступать инициаторами какого-либо мероприятия.

Тем не менее студенты не горят желанием скорейшего возвращения домой. Только 16,1% из них намерены сразу же после окончания курса уехать в Китай. 12,9% планируют продолжать учебу. 71% будет определять свои планы по мере изменения обстановки в Китае и России. Таким образом, несмотря на аполитичность, студенты очень внимательно следят за событиями на родине. При этом Россия представляется большинству опрошенных лишь местом временного пребывания. Они явно намерены переждать в Москве сложный период, переживаемый Китаем.

Учитывая представленные результаты исследования, можно сказать, что использование студенческого контингента в качестве потенциальной основы формирования специалистов для работы в России потребует немалых усилий со стороны государства. Особенно важно принципиальное улучшение профессиональной подготовки, не пренебрегая при этом опытом 1950-х годов.

Нельзя упустить возможность целенаправленного формирования китайской миграции из состава китайского студенчества. Высокая стоимость образования в Китае и низкое его качество создали у населения четкие представления о желательности обучения молодежи за пределами страны. Поток китайской молодежи, отправляющейся на учебу в другие страны, увеличивается с каждым годом. Однако только один из каждых 12 в 2003 году приехал учиться в Россию.

Россия могла бы более масштабно участвовать в привлечении китайской молодежи в свои учебные заведения, развернув в Китае серьезную рекламную кампанию. Успех ее позволил бы решить, как минимум, две важные проблемы. Во-первых, увеличить доходы учебных заведений и предотвратить грядущую массовую безработицу профессоров и преподавателей в России. Она неминуема из-за

постепенного сокращения численности молодежи. Во-вторых, подготовить китайских выпускников средних и высших учебных заведений со знанием русского языка, специалистов, способных работать в России. Всем желающим остаться в России должны быть предоставлены соответствующие права, включая возможность получения российского гражданства. Для этого требуется серьезная перестройка законодательства и работы МИД РФ. Для успеха необходима также капитальная перестройка российских учебных заведений.

Результаты многолетнего изучения настроений и намерений китайских студентов в Москве, Иркутске, Хабаровске и Владивостоке позволяют говорить о том, что этот вариант сознательного формирования необходимой нашей стране китайской миграции заслуживает внимания.

Реализация этого предложения связана с тяжелой и кропотливой работой. Уже сейчас в Москве есть безработные китайцы с высшим российским образованием. Эти выпускники высших учебных заведений прожили 4–5 лет в России и хотят здесь жить и работать. Они ищут работу в китайских землячествах, так как не находят ее в российских организациях. Следовательно, запретительная деятельность миграционных органов себя исчерпала, но органы власти по обыкновению ничего не хотят предпринимать до тех пор, пока положение с трудовыми ресурсами не достигнет критической отметки. Пришла пора политических решений и практической деятельности, способных внести коренные изменения в положение дел.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Может ли Россия прожить без китайских товаров? // Комсомольская правда. 2008. 23 апреля.
- 2 Там же.
- 3 Аргументы недели // 2008. 31 января. № 5(91).
- 4 Тайна Черкизовского рынка // Новая газета. 2008. 2–4 июня. № 39 (1357).
- 5 Там же.
- 6 *Синь Янь, Яблоков Н.П.* Борьба с мафией в Китае; *Овчинский В.С.* Мафия XXI века: сделано в Китае. М.: Норма, 2006. С. 157.

⁷ Там же.

⁸ *Дун Цзин*. Китай все больше привлекает российский Дальний Восток // *Жэньминь жибао*. 2008. 30 января [<http://www.chinapro.ru/archive/31/308/>].

⁹ Там же.

Заключение

Проведенное исследование еще раз убеждает в устойчивости роста Москвы, ее исключительном магнетизме не только для россиян, но и для населения большинства постсоветских стран. Рыночные и социальные реформы принесли с собой новые мощные импульсы развития и вскрыли ранее лежавшие втуне резервы потенциала города.

Миграция стала важнейшим фактором, стимулирующим обновление экономики и социально-культурной жизни столицы, обеспечивающим ее необходимыми ресурсами труда, резко расширившим ее глобальные связи и культурный спектр.

Москва вместе с Санкт-Петербургом первыми активно откликнулись на падение железного занавеса. Около 40% эмигрантов, официально выехавших из России в 1992 году, были жителями этих городов, а в потоке, направленном в США, они составляли более половины¹. Следуя за столицами, в эмиграцию постепенно вовлекалось все население страны. Уже в 1997 году доля столиц в общей эмиграции упала более чем в два раза – до 18%, в 2002 – до 7%, а по направлению в США опустилась до 21%².

В Москве сосредоточена четверть занятых на предприятиях и в организациях с участием иностранного капитала. Несмотря на такую концентрацию в городе данной формы собственности, Москва не отстает от страны по темпам развития: по сравнению с 1992 годом численность работников здесь возросла в 14,7 раза против 14,1 по России в среднем³. Благодаря экспансии иностранного капитала на многих ранее технически отсталых предприятиях внедрены современные технологии и методы организации производства, позволившие резко поднять его уровень.

Согласно опросам Национального союза кадровиков, 29% населения страны признают, что профессиональный уровень иностранцев, приглашенных для работы в Россию из западных стран, выше, при этом 22% полагают, что российские управленцы «скоро их догонят». Вместе с тем более половины россиян (56%) амбициозно

подозревают иностранцев в более низком уровне профессионализма, видя причину в незнании российских реалий⁴. В этом отношении красноречивым является пример кондитерской фабрики «Большевик» – знаменитого советского брэнда, куда как раз и пришли менеджеры, «не знающие российских реалий», более того, имеющие лишь статус консультантов, однако сумевшие превратить рутинное устаревшее предприятие в современное производство. Этот пример, разумеется, не единичен. Он лишь подчеркивает лидерство Москвы в продвижении рынка и в освоении новаций. «Лидерство – главная черта Москвы», – солидаризируемся мы с выводом авторов книги «Москва рубежа XIX и XX столетий»⁵.

Пример фабрики «Большевик».

Основана в 1885 году французскими предпринимателями. Одна из первых фабрик, купленных западной корпорацией. В 1994 году контрольный пакет акций фабрики получила компания Danone. У истоков контактов стоял Мстислав Ростропович. «Большевик» находился в упадке, так как в это время рынок уже заполнили импортные товары и спрос на продукцию сократился. На фабрику пришли 10 французских специалистов, которые на первых порах столкнулись с сопротивлением прежнего управленческого персонала. Хотя русские понимали, что ситуация усложняется с каждым днем, они не только не могли, но и не хотели использовать новые бизнес-методики, которые требовались для перехода к стратегии, ориентированной на рынок. Огромные проблемы создавала низкая дисциплина. В цехах наблюдался избыток рабочих. Сочетание низкой производительности и избыточного персонала было типичным для плановой экономики.

Новые принципы управления внедрялись постепенно. Постепенно заменяется и устаревшее оборудование. В результате преобразований количество сотрудников фабрики с 1996 до 1999 года сократилось с 2400 до 1200 человек и до 1000 в 2007 году. Полностью был обновлен ассортимент. Ушли в прошлое прогулы, воровство и пьянство. Русские быстро осваивали новые конвейеры, чем немало удивили французов. Успешное развитие фабрики способствовало возвращению в Россию русских специалистов, работавших ранее на Западе, а теперь занимающих на фабрике ответственные посты.

Из интервью с руководством фабрики

Под воздействием миграции стремительно меняется культурное пространство Москвы. Этнические проблемы заняли место среди самых актуальных проблем, а отношение к миграции стало водоразделом общественных настроений. Средства массовой информации и многие политики акцентируют внимание главным образом на рисках, присущих массовой миграции, формируя в обществе недружественное и даже враждебное отношение к мигрантам. Авторы данной работы стоят по другую сторону баррикад и постарались по возможности показать позитивные эффекты миграции, вклад мигрантов в экономику и культуру столицы, при этом хорошо осознавая трудности решения мигрантских проблем.

Кризис, несомненно, внесет определенные коррективы в сложившуюся ситуацию, сократив потребность в мигрантах на период до начала нового экономического подъема. Но даже и во время кризиса значительное количество мигрантов останется в городе, так как невозможно представить, чтобы перестали функционировать целые сферы городского хозяйства, занятые преимущественно мигрантами, такие, как городской транспорт, уборка улиц и дворов, ремонт и строительство дорог, обслуживание в торговой сети, здравоохранение (младший медицинский персонал) и т.п. Более уязвимо строительство, раньше других отраслей почувствовавшее удар кризиса и где не меньше одной трети работников – мигранты.

Да и москвичи едва ли станут торопиться занять непривлекательные для них рабочие места. Согласно опросам общественного мнения, присутствие мигрантов в торговле, на транспорте и в других отраслях вызывает недовольство 54% респондентов. При этом на вопрос, готовы ли россияне к тому, чтобы они сами или их дети заменили мигрантов на их рабочих местах, практически никто не дал положительного ответа⁶. Во время проверки в Москве 654 объектов был обнаружен всего один дворник с российским гражданством⁷.

Оглядываясь на кризис 1998 года, можно предположить, что и в строительстве определенная потребность в мигрантах сохранится. Как было показано в главе I, миграционный прирост Москвы в 1998–1999 годах остался почти на прежнем уровне, в то время как по стране в целом он сократился в два раза. Во всяком случае, по прошествии 4 месяцев с начала кризиса на московской бирже труда число заявленных вакансий – 150 тыс., тогда как на бирже труда зарегистриро-

вано 28 тыс. ищущих работу. В Московской области баланс хуже, но тоже в пользу вакансий (60 тыс. вакансий и 37 тыс. ищущих работу).

Тем более кризис не отменяет долгосрочную потребность Москвы в мигрантах. Поэтому перманентное стремление городской власти ограничить приток населения в столицу, вопреки реальным тенденциям и требованиям рынка труда, сопряженным с экономическим кризисом, вызывает тревогу.

Ожидать замедления роста города в ближайшей перспективе нет оснований. Определенная проектировщиками численность его населения на 2025 год в размере 11–12 млн постоянных жителей плюс 4 млн временных трудовых мигрантов⁸ вполне реалистична. Это означает не только то, что приток мигрантов в Москву не будет сокращаться, но и то, что миграционный бум, скорее всего, еще впереди, поскольку мигранты должны будут «закрыть» и значительную часть новых рабочих мест и заменить вышедших на пенсию работников.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Население России. 1995. Третий ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Центр демографии и экологии человека. М., 1996. С. 88–89.
- 2 Население России. 2002. Десятый ежегодный демографический доклад. М., 2004. С. 151.
- 3 Рассчитано по: Россия в цифрах. 2008. Краткий стат. сборник / Росстат. М., 2008. С. 95. Москва в 1992–2007 гг. / Мосгорстат. М., 2008. С. 16–17.
- 4 Акция. 2006. 19 июня – 20 августа. № 7(57).
- 5 Москва рубежа XIX и XX столетий. Взгляд в прошлое издаека. Ответственные редакторы Павел Ильин и Блэр А. Рубл. М., 2004. С. 282.
- 6 Россия в глобальном мире: социально-политические проблемы / Институт социологии РАН. М., 2008. С. 320.
- 7 Там же. С. 298.
- 8 Будущее Москвы // Деловая газета «Взгляд». 2007. 13 апреля.

Сведения об авторах

Вендина Ольга Ивановна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Центра геополитических исследований Института географии РАН

Гельбрас Виля Гдаливич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, профессор Института стран Азии и Африки МГУ

Зайончковская Жанна Антоновна – кандидат географических наук, директор по науке Центра миграционных исследований, заведующая лабораторией анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, председатель Независимого исследовательского совета по миграции стран СНГ

Иванова Татьяна Дмитриевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

Мкртчян Никита Владимирович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института демографии Государственного университета – Высшей школы экономики

Тюрюканова Елена Владимировна – кандидат экономических наук, директор Центра миграционных исследований, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Институт Кеннана

Институт Кеннана, основанный в 1974 году, является подразделением Международного научного центра имени Вудро Вильсона (Вашингтон, округ Колумбия, США). Институт способствует проведению высокопрофессиональных междисциплинарных исследований и дискуссий, посвященных России и Украине, содействуя тем самым объединению мира науки и мира политики. В проектах, реализуемых Институтом, участвуют ученые, эксперты, представители творческой интеллигенции, общественные и политические деятели. Институт поддерживает исследования по целому ряду направлений в области социальных и гуманитарных наук, включая экономику, политику, социальную сферу, культуру, историю и литературу.

*Для получения дополнительной информации
просьба обращаться в РОО «Кеннан»:*

Москва, Волхонка 14,
Здание Института философии РАН, комн. 526
Тел./факс: (495) 232-3496/97
Эл. почта: kennan.moscow@gmail.com

Адрес для корреспонденции:
123001, Россия, Москва, а/я 90
РОО «Кеннан»

Web-страница Центра имени Вудро Вильсона:
www.wilsoncenter.org

Web-страница РОО «Кеннан»:
www.kennan.ru

Центр миграционных исследований

Центр миграционных исследований – региональная общественная организация, созданная в 1997 году. Центр ведет исследования, организует конференции и семинары, выпускает публикации по широкому спектру миграционных проблем постсоветских стран и регионов России.

По инициативе Центра был создан Независимый исследовательский совет по миграции стран СНГ и Балтии (НИСМ), председателем его Международного наблюдательного Совета является д-р Блэр Рубл. За время своего существования Центр провел 10 сессий НИСМ и международных конференций, 12 региональных семинаров, опубликовал 31 книгу, подготовил 8 аналитических докладов для Международной организации по миграции, ОБСЕ и ЮНЕСКО.

Эл. почта: fmcentre@ecfor.ru

*Подробнее с деятельностью Центра можно ознакомиться
на web-странице РОО ЦМИ:
<http://migrocenter.ru>*

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Введение</i>	7
<i>Ж.А. Зайончковская, Н.В. Мкртчян. Роль миграции в динамике численности и состава населения Москвы</i>	18
<i>О.И. Вендина. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве</i>	45
<i>Е.В. Тюрюканова. Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество</i>	148
<i>Т.Д. Иванова. Таджики в московском социуме</i>	176
<i>Т.Д. Иванова. Афганцы в Москве: интеграционный потенциал</i>	209
<i>В.Г. Гельбрас. Китайские мигранты в Москве</i>	237
<i>Заключение</i>	265
<i>Сведения об авторах</i>	269
<i>Об Институте Кеннана и Центре миграционных исследований</i>	270

И М М И Г Р А Н Т Ы В М О С К В Е

под ред. Ж.А.Зайончковской

ISBN 978-5-94607-113-5

Издательство «Три квадрата», Москва 2009

Наши книги можно заказать по адресу:

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРИ КВАДРАТА»

Москва 125319, ул. Усиевича д. 9, тел./факс (8) 499/151-1833

e-mail: info@triquadrata.ru

Подписано в печать 30.04.2009. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Бумага офсетная №1. Печ. л. 17. Тираж 800 экз.

Отпечатано в ООО «ИПЦ «Маска»»